ИСТОРІЯ БОРЬБЫ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.
1462—1508.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОЧИНЕНІЕ
ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.
1867.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1866 г., кн. 3 и 4-я.

ИСТОРІЯ БОРЬБЫ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Литва.

Средство, которымъ Литовцы надѣялись остановить наступательное движеніе на нихъ Москвы.—Полуофиціяльная переписка Яна Забережскаго съ Яковомъ Захарьевичемъ.—Сношенія Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ.—Титулъ Государя всея Руси.—Сватовство.—Заключеніе вѣчнаго мира и его значеніе.—Сношенія между Москвою и Литвою по поводу договора о Греческомъ Законѣ и упорство Литовцевъ дать такое обязательство, какое требовали Москвичи. — Бракъ Александра Казимировича съ Еленой Иваиовной; Московское и Литовское описаніе его. — Враждебныя сношенія Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ по поводу титула Государя всея Руси и неисполненіе Литовцами личныхъ просьбъ Московскаго Государя. — Разрывъ сношеній и употребленіе Литовцами ходатайства Елены Иваиовны предъ ея отцемъ о дѣлахъ ея мужа. — Извѣстіе изъ Литвы о принужденіи Елены Ивановны измѣнить Православію.

I.

Изъ всего выше изложеннаго мы можемъ видѣть, въ какихъ отношеніяхъ находилось Московское Правительство къ Литовскому за первую половину государствованія Ивана III. Всѣ труды Казимира во вредъ Московскому Государю остались безполезными, по тому что онъ не помогалъ его врагамъ. Начало враждебныхъ

дѣйствій со стороны Москвы противъ Литвы начались со времени нашествія Ахмата подъ Алексинъ. Осенью 1473 года ходилъ Семенъ Беклемишевъ къ Любутску съ ратью Великаго Князя. Походъ былъ съ цѣлію вмѣшательства въ дѣла служебныхъ Князей. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ готовился уже къ борьбѣ съ Литвою, но сношенія съ нею не прекращались. Особенно важны они были послѣ подчиненія Новгорода, какъ было уже указано. Казимиръ требовалъ Новгорода и Великихъ Лукъ;—отвѣтомъ на это было разореніе Кіева отъ Менгли-Гирея и бунтъ Бѣльскаго съ товарищи. Но Казимиръ все таки не началъ самъ войны; онъ поднималъ по прежнему Орды и послѣдняго Князя Сѣверной Россіи, могшаго, по видимому, бороться съ Москвою, — Тверскаго. Это дѣло вышло тоже неудачно, и съ этѣмъ Казимиръ примирился. Формальнаго признанія принадлежности Москвѣ Новгорода и Твери со стороны Казимира не было и, какъ послѣ увидимъ, Литовцы на это указывали, а Казимиръ объявлялъ въ Москвѣ чрезъ посла, что Тверскому Великому Князю на просьбу о помощи далъ отказъ, на основаніи своего докончанья съ Василіемъ Васильевичемъ. [1] Иванъ же Васильевичъ взятіе Твери считалъ своимъ наступленіемъ на Литву, по тому что «Тверской Великій Князь былъ въ докончаньѣ съ Казимиромъ, быть вездѣ за одинъ, и при томъ въ близкомъ свойствѣ, а онъ, Московской Государь, взялъ Тверскую землю.» [2] Казимиръ мало того, что примирился и со взятіемъ Твери, но тотчасъ же завелъ сношенія съ Московскимъ Государствомъ, напоминая ему, что онъ, Казимиръ, кончалъ съ Василіемъ Васильевичемъ, чтобъ быть имъ вездѣ за одинъ, по этому слѣдуетъ встать вмѣстѣ противъ общаго непріятеля Христіянскаго, противъ Турокъ, которые теперь наступаютъ на Стефана, Воеводу Волошскаго. Отвѣтъ на это былъ тотъ, что Московскому Государю нельзя этого дѣлать, по тому что далеко, а тѣ Государи, которые близко, должны стоять и оберегать Христіянство. [3]

Сношенія съ этого времени между Москвою и Литвою не прекращаются. Этѣ сношенія были таковы, что Наказы въ Крымъ

---

[1] Ак. З. Р. т. 1, № 89.

[2] П. Дип. Сн. Р. т. 1, стр. 169.

[3] Ак. З. Р. т. 1, № 88.

посламъ говорили, что «гладкости въ этѣхъ сношеніяхъ ни какой нѣтъ». Предметомъ ихъ были дѣла Князей и пограничныя ссоры. Не считаю нужнымъ входить въ разборъ послѣднихъ, такъ какъ они всегда существовали и были однообразны: такъ владѣніе нѣкоторыми землями было спорное; при томъ теперь пограничныя дѣла должны были быть еще значительнѣе, по тому что оба Государства не имѣли между собою положительно нигдѣ естественныхъ границъ, а этѣ границы, со времени заключенія послѣдняго договора Василія Темнаго съ Казимиромъ, увеличились своимъ протяженіемъ, въ слѣдствіе присоединенія къ Москвѣ Твери и Новгорода, отъ чего Московское Государство сдѣлалось и наслѣдникомъ пограничныхъ дѣлъ присоединенныхъ къ себѣ областей. Но должно замѣтить то, что въ это время пограничныя ссоры были въ близкой связи съ ссорами между собою служебныхъ Князей. Взаимныя предложенія съѣзда судей на границы оставались безъ послѣдствій. Но когда Иванъ Васильевичъ, управившись съ Казанью и считая взятіе Твери наступленіемъ на Литву, взялъ въ свои руки и обязанность руководить не только своими служебными Князьями, но и Литовскими, то наступленіе на самую Литву дѣйствительно началось. Наступленіе на Литву со стороны Москвы именно въ это время было необходимо, не только какъ мщеніе за прежнія ея дѣла и приведеніе въ исполненіе общей задачи Русской Исторіи, объединенія Руси, но и для спасенія свободы всей Европы отъ Ягайловскихъ завоеваній. Ягайловцы, отказавшись руководить народами, у которыхъ они были наслѣдственными Государями, въ то же время завоевывали другіе народы, но не оружіемъ, а посредствомъ браковъ, наслѣдствъ и избраній на престолы. Въ этомъ стремленіи быть Государями всѣхъ народовъ, Ягайловцы не стѣснялись въ средствахъ; они при избраніи на престолы давали согласіе на всевозможныя условія, и въ то же время не признавали за собой ни какихъ обязательствъ. Чѣмъ послѣ былъ страшенъ для Европы Карлъ V, тѣмъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія угрожали Ягайловцы; они уже сидѣли на престолахъ Литвы, Польши, Чехіи, Угріи и Семиградіи и соперничали въ своихъ завоеваніяхъ народовъ съ Габсбургами.

Послѣдній посолъ, который при Казимирѣ ѣхалъ изъ Москвы въ Литву, былъ Иванъ Берсень; онъ уже не засталъ Кази-

мира въ живыхъ, и по этому воротился домой. Въ это время дѣятельность служебныхъ Князей, отъѣхавшихъ изъ Литовскаго подданства въ Московское, продолжалась однообразно: при помощи Московскихъ войскъ одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское Правительство не считало, что у него съ Московскимъ идетъ война. Но захваты со стороны Москвичей продолжались, Литва была застигнута въ расплохъ и тамошнее Правительство рѣшилось наконецъ остановить наступленіе Москвы. Ягайловцы для этой цѣли придумали особенное средство: знаменитая брачная политика не принадлежала одной счастливой Австріи, она была родовою собственностію и другой счастливой страны, Польши, и теперь ее-то и пустили въ ходъ противъ Ивана III. Конецъ XV и начало XVI вѣка такое время, что тогда достаточно было прославиться могуществомъ, или богатетствомъ, какому ни будь Государю, чтобы къ нему явилась масса жениховъ для его дочерей съ притязаніемъ и наслѣдовать его престолъ; послѣднее за ту честь, какую женихи окажутъ могущественному Государю вступленіемъ съ нимъ въ родство. Перевѣсъ въ исканіи богатыхъ невѣстъ оставался за Габсбургами и Ягайловцами. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: какая могла быть причина того, что предки Ягайловцевъ, — Гедиминъ и Ольгердъ,—не знали подобнаго оружія для завоеванія народовъ, какое вошло въ употребленіе у ихъ потомковъ? На этотъ вопросъ можно только отвѣтить слѣдующимъ образомъ: если Государь есть только представитель своего народа, то когда этотъ народъ примиряется съ извѣстнымъ положеніемъ, тогда Государь тѣмъ болѣе естественно долженъ примириться съ нимъ; если Государь дѣйствуетъ извѣстнымъ оружіемъ, то онъ употребляетъ его только по тому, что этѣмъ оружіемъ хорошо владѣетъ его народъ. Для любовныхъ дѣлъ, для устройства выгоднаго брака, для избранія на престолъ, употребляется, по большей части, интрига, обманъ; обманъ есть орудіе слабаго, орудіе женщины; мужчина, употребляющій интригу, не стоитъ названія мужчины. Ягайловцы употребляютъ этѣ женскія орудія, но они употребляютъ ихъ по тому, что сами завоеваны отъ Литвы этѣми орудіями; Поляки ихъ завоевали бракомъ, интригой, и ополячили. Если мужчина, употребляющій интригу, какъ орудіе, есть человѣкъ слабый, женственный, то и народъ, дѣйствующій такимъ же оружіемъ, не можетъ быть инымъ, какъ народомъ слабымъ, женственнымъ. Но

для объясненія всего ниже слѣдующаго намъ еще здѣсь нужно замѣтить, что кромѣ интриги, какъ отличительнаго свойства всѣхъ дѣйствій Поляковъ, другая отличительная черта въ ихъ поступкахъ заключается въ томъ, что они всегда способны къ великолѣпной отдѣлкѣ всѣхъ мелочей всякаго своего предпріятія и въ то же время остаются при полномъ непониманіи самой сущности дѣла; они увлекаются этѣми мелочами до того, что наконецъ совершенно запутываются въ нихъ. Когда въ борьбѣ съ Поляками выставляютъ имъ на видъ главное дѣло и его сущность и предлагаютъ противъ него бороться, то они отъ этого отказываются и стараются свести борьбу противъ частностей дѣла; кромѣ того, объясняя всякій успѣхъ какого ни будь предпріятія не правотою дѣла, а только счастіемъ и личными талантами руководителя дѣла, Поляки, на основаніи всѣхъ этѣхъ понятій въ борьбѣ народовъ всегда готовы бороться противъ лицъ, противъ Правительства, но не противъ народа.

Интригою легко опутать ребенка, человѣка слабаго нравственными силами, но при столкновеніи съ человѣкомъ степеннымъ, она оказывается недѣйствительной, сама собою падаетъ, и при томъ вредитъ именно тому, кто интригуетъ. Если степенный человѣкъ увлечется на время и позволитъ себѣ поддаться прелестямъ женственной интригующей націи, согласится встать на ея сторонѣ, то послѣ этого онъ скорѣй бѣжитъ, чѣмъ помирится съ такими порядками. Такъ, ни одинъ изъ Русскихъ Государей и ихъ сыновей, будучи почти постоянно кандидатами на Польской престолъ, не взошелъ на него по избранію Поляковъ; а когда одинъ Французскій Принцъ, и при томъ самый развращенный, былъ избранъ въ Короли Польши, то дѣло кончилось тѣмъ, что Король у Поляковъ сбѣжалъ. Въ описываемое же нами время, когда была пущена противъ Ивана III интрига, въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а потомъ, по поводу же своего родства съ Ягайловцами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая подъ властію Польши и Литвы находится; но онъ, какъ Государь всей Руси, все таки имѣетъ право наблюдать, какъ управляютъ Русью, и находя, что дурно, началъ отнимать приданое

дочери по кускамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе почти окончательно выполнила Екатерина II.

Начало этого великаго дѣла было таково: какъ только слава могущества и богатства Ивана III начала разноситься на Западѣ, то онъ долженъ былъ отбиваться отъ жениховъ къ своимъ дочерямъ. Первымъ, сватомъ и женихомъ, явился не кто иной, какъ Габсбургъ, знаменитый Максимиліянъ I; за нимъ началъ сватовство Конрадъ Мазовецкій. Но какъ только умеръ Казиміръ, то брачное оружіе было направлено и Ягайловцами изъ Литвы на наступающую на нее Москву; не расчитали они только того, что подобное оружіе не совсѣмъ удобно противъ наступающихъ, но въ этомъ они убѣдились послѣ; теперь же, 14 Іюля, 1492 г., прислалъ къ Новгородскому Намѣстнику, Якову Захарьевичу, Намѣстникъ Полоцкой, Панъ Янъ Забережскій, своего человѣка, Лаврика, съ грамотой, содержаніе которой было слѣдующее: «Господину и дядѣ моему милому, Пану Якову Захарьевичу, Воеводѣ Великаго Новгорода, отъ Яна Юрьевича. Пана Троцкаго, Намѣстника Полоцкаго, челобитье. Радъ слышать твое здоровье, и здоровье твоей паньи, и дѣтей Вашей Милости; слыша это, Бога милостиваго молимъ и прославляемъ. Послали мы до тебя нашего Писаря, Лаврика, и ты бы ему дозволилъ нѣкоторые вещи покупить, да что онъ будетъ отъ насъ говорить, и ты ему вѣрь, то наши рѣчи.» Такимъ образомъ эта грамота была вмѣстѣ и вѣрющей грамотой. Яковъ Захарьевичъ услышалъ отъ Лаврика такія рѣчи, что самъ поѣхалъ въ Москву и объявилъ тамъ Великому Князю, что то рѣчи о сватовствѣ. Въ это время на границахъ Москвы и Литвы происходила настоящая война, по случаю служебныхъ Князей. Иванъ Васильевичъ приговорилъ съ Боярами по этому поводу, что Якову Захарьевичу противъ тѣхъ рѣчей своего человѣка къ Пану Яну не посылать; но послѣ къ Якову Захарьевичу, уже въ Новгородъ, послалъ грамоту (Октября 17): «что прислалъ къ тебѣ Панъ Янъ Забережскій Писаря своего, Лаврика, и мы здѣсь съ тобою объ этомъ говорили, да приговорили не посылать тебѣ къ нему отвѣтъ; но нынѣ приговорили, что тебѣ пригоже противъ тѣхъ рѣчей послать съ отвѣтомъ, зане же и между Государями ссылка бываетъ, хотя бы и рати сходились. И ты бы выбралъ своего человѣка добраго, котораго пригоже, и послалъ бы его къ Пану

Яну отъ себя съ поминками, а грамоту вѣрющую писалъ бы отъ себя по пригожу, вѣжливо, по тому что онъ тебя почтилъ, и ты бы его почтилъ, какъ пригоже. А что ему говорить на единѣ, и я тебѣ о томъ послалъ запись. Да накажи своему человѣку: учнутъ его спрашивать о мѣстахъ, которые я поималъ, и онъ бы отвѣчалъ невѣданьемъ; а спросятъ его о нарядѣ людскомъ, и онъ бы отвѣчалъ вѣжливо: «У нашего Государя, у Великаго Князя, вся земля, обычай таковъ, всѣ люди нарядны.» Да смотрѣлъ бы тамъ твой человѣкъ, каково Королевичево дѣло съ Паны, и что слухъ про Королевичевыхъ братьевъ, про Альбрехта и Жигимонда.» Рѣчь къ Яну Забережскому отъ Якова Захарьевича должна была быть слѣдующая: «Присылалъ ты къ намъ говорить, чтобы между Государями сватовство сталось и между земель миръ былъ и покой. Ино, Пане, мы весьма хотимъ, чтобы далъ Богъ между Государей доброе житье; но положи на своемъ разумѣ, можно ли тому быть? Между Государей любви и единачества нѣтъ, то какъ же и тому дѣлу дѣлаться? Если бы Богъ далъ напередъ между Государей любовь и единачество было, то тогда бы и тому дѣлу могъ быть починъ.» Какъ только получилъ этотъ отвѣтъ Янъ Забережскій, то прислалъ уже грамоту въ Москву (2 Ноября), къ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву: «Поразумѣй у своего Государя, есть ли его воля, дать свою дочку за нашего Великаго Князя, Александра, и если бы то дѣло сталось, тогда бы любовь и докончанье между ними было, по тому, какъ было при ихъ отцахъ; а что издавна служило обоимъ Панствамъ, то и нынѣ было бы по тому.» Далѣе Янъ Забережскій просилъ на это отвѣта. Такимъ образомъ первый вопросъ былъ о сватовствѣ, а потомъ о приданомъ. Но, еще не дождавшись отвѣта на послѣднюю грамоту, изъ Литвы пріѣхало въ Москву посольство (4 Ноября). Содержаніе рѣчей пословъ было о восшествіи на престолъ Александра и объ томъ, что на границахъ чинятся такія многія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это пограничныя обиды. Но посламъ были наказаны еще рѣчи, объ которыхъ они проговорились въ первый же день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у Великаго Князя, и потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаньѣ, сказали, что у нихъ

есть объ томъ рѣчь къ Князю Ивану Юрьевичу. На третій день послѣ этого (въ Михайловъ день, 8 Ноября) послы были на пиру у Князя Патрикѣева, ѣли и пили, и начали говорить опять о сватовствѣ и докончаньѣ. На утро Великій Князь приказалъ Князю Ивану Юрьевичу послать за послами и спросить ихъ объ той рѣчи. У Ивана Юрьевича должны были присутствовать при разговорахъ еще Казначей, Дмитрій Владимировичъ, и Дьякъ, Өедоръ Курицынъ. Когда послы явились, то Князь Патрикѣевъ началъ говорить: «Пане Станиславъ, и ты, Иванъ Владыка, вы вчера намъ говорили рѣчи, да мы тогда ужь испили, то и отложили рѣчи до нынѣшняго дня, такъ вы теперь намъ ихъ скажите!» Станиславъ Глѣбовичъ: «Господине Князь Иванъ, что я тебѣ говорилъ вчера, такъ говорилъ это отъ себя, чтобы ты похотѣлъ добра: встали бы между Государей любовь и докончанье; а наши дяди, Рада Государя нашего, вельми того хотятъ, чтобы между Государями и сватовство состоялось, любовь и докончанье, да и Панъ Янъ до тебя писалъ объ томъ листъ.» Князь Иванъ Юрьевичъ велѣлъ предъ послами читать Янову грамоту; они на это сказали: «Та, Господине, грамота намъ вѣдома, да и Радѣ Государя нашего всей.» Князь Патрикѣевъ: «Въ Яновой грамотѣ написано впереди о сватовствѣ, а потомъ о докончаньѣ, да и вы говорили также. Такъ мы съ вами о томъ говоримъ: по вашему, которому дѣлу прилично быть впередъ: любви и докончанью, или сватовству?» Послы: «Когда, Господине, будутъ наши великіе люди на то, тогда они съ вами, великими людьми, о томъ поговорятъ, а съ Божьей воли которое дѣло захотите напередъ повести, то и будетъ.» Князь Патрикѣевъ: «Ваши дяди, Рада Государя вашего, хотятъ, чтобы между Государями любовь и докончанье было, да и сватовство сталося; а наша братья и мы то же хотимъ, и какъ дастъ Богъ увидимся съ вами, то объ этомъ поговоримъ.» Послѣ этого данъ былъ соотвѣтствующій отвѣтъ на посольство о, такъ называемыхъ Литовцами, пограничныхъ ссорахъ, — имъ отвѣчали объ нихъ, какъ о ссорахъ. Патрикѣевъ замѣтилъ посламъ, что когда пріѣдутъ послы о мирѣ, то лишнихъ рѣчей не было бы при этомъ; а то прежде при Королѣ пріѣзжалъ Богданъ о мирѣ, да много было лишнихъ рѣчей, и за тѣмъ дѣло не сталось. 12 Ноября послы уѣхали изъ Москвы. [4]

---

[4] Ак. З. Р. т. 1, № 105. Здѣсь изъ Литовской Метрики только одно посольство

15 Ноября Князь Патрикѣевъ отпустилъ въ Литву человѣка Яна Забережскаго вмѣстѣ съ своимъ; отвѣтъ на грамоту Забережскаго содержалъ то же, что и отвѣтъ посламъ, но была слѣдующая прибавка: «Да писалъ ты въ своемъ листѣ такъ: что издавна служило къ обоимъ Панствамъ, то и нынѣ бы было по тому же. Ино Государь нашъ, Князь Великій, Великаго Княжества Литовскаго не держитъ ничего, а держитъ, съ Божіею волею, земли свои, что далъ ему Богъ.» Такимъ образомъ эти слова содержали намекъ на то, что хотѣли уже прежде сказать Казимиру. 29 Декабря Забережскій прислалъ на это письмо отвѣтъ: «Я, Господине Княже, объ томъ дѣлѣ здѣсь съ Княземъ Бискупомъ и съ Паны Радою гораздо думали, и они пріязни между Государями хотятъ, и объ томъ говорили Государю нашему, Великому Князю, чтобы была у него съ вашимъ Государемъ вѣчная пріязнь, какъ за предковъ ихъ Милости. Государь нашъ хочетъ слать своихъ великихъ пословъ, когда вернется мой слуга отъ тебя». Далѣе, въ соотвѣтствіе намекамъ Князя Патрикѣева и общаго гордаго тона Московскихъ рѣчей и требованій, на которыя Бояре требовали непремѣннаго согласія, Забережскій писалъ: «Господине Княже Иванъ, вы своего Государя чести стережете, и мы по тому жь чести своего Государя смотримъ, и когда тѣ великіе послы будутъ у вашего Государя, да безъ добраго конца вернутся, то самъ посмотри, къ чему доброму то дѣло пойдетъ.» Забережскій говорилъ, что послы пріѣдутъ тогда, когда вернется его человѣкъ, и высказывалъ желаніе, чтобы не было особенно много препятствій въ переговорахъ со стороны Москвичей

Это желаніе Литовцевъ Москвичи исполнили тѣмъ, что поспѣшили высказать всѣ свои притязанія, 5 Генваря, 1493 года, поѣхало въ Литву посольство, впервые къ Александру, отъ Ивана Васильевича; посломъ былъ Дмитрій Давыдовичъ Загряжской. Въ слѣдъ за нимъ, 17 Генваря, поѣхалъ такъ же и человѣкъ Яна Забережскаго; и посланный къ послѣднему отъ Князя Патрикѣева съ грамотою. Князь Патрикѣевъ, давая общій отвѣтъ, чтобы были присланы

Станислава Глѣбовича, безъ отвѣта. Вѣроятно, издателями это посольство отнесено къ Сентябрю, когда, очень можетъ быть, оно было приготовлено для отправленія, и тогда внесено въ Метрику.

послы для переговоровъ, въ отвѣтъ, на послѣднія слова Забережскаго, писалъ: «Ино, Пане, самъ поразумѣй: коли промежъ Государей великіе люди ѣздятъ, тогда, Божьею волею, промежду ихъ доброе дѣло дѣлается.» Самое же посольство Загряжскаго по содержанію было хотя очень обыкновенное (именно: по поводу многихъ отъѣздовъ Князей съ отчинами, сложенія присяги ими предъ Литовскимъ Государемъ, и объ обидахъ Князьямъ и Московскимъ подданнымъ со стороны Литовскихъ подданныхъ), но необходимое по многимъ, совершившимся въ это время, дѣламъ. Но въ этомъ посольствѣ была слѣдующая новость: вездѣ, гдѣ нужно въ посольствѣ употреблять титулъ Государей, Александръ назывался Великимъ Княземъ Литовскимъ, а Иванъ Васильевичъ «Божьею милостію Государь всея Руси и Великій Князь;» въ вѣрющей грамотѣ къ этому прибавленъ былъ еще болѣе длинный титулъ: «Владимирской, Московской и т. д.» На случай вопроса со стороны Литовцевъ: «Чего дѣля Великій Князь приказалъ—«Государь всея Руси,» — а напередъ того отецъ его, да и онъ, къ отцу Государя нашего такъ не приказывалъ, да и предки его такъ къ предкамъ нашего Государя не приказывали, то Дмитрію молвить на это: «Такъ Государь мой со мною приказалъ: а кто хочетъ то вѣдать, и онъ поѣзжай въ Москву, тамъ ему про то скажутъ.»

Загряжской правилъ свое посольство Александру въ Вильнѣ, 6-го Февраля. Наши офиціяльныя бумаги, содержащія дипломатическія сношенія съ Литвой за это время, говорятъ объ отвѣтѣ на посольство Загряжскаго то, что въ Литвѣ сказали, что пришлютъ о всѣхъ дѣлахъ пословъ. Изъ Литовскихъ же офиціяльныхъ бумагъ узнаемъ то, что 20 Февраля было отправлено посольство въ Москву, имѣвшее содержаніемъ отвѣтъ объ Князьяхъ отъѣзчикахъ; въ посольскихъ рѣчахъ, гдѣ нужно было употреблять титулъ, Иванъ Васильевичъ назывался просто «Великій Князь.» Этотъ посолъ долженъ былъ править посольство и Князю Ивану Юрьевичу. Но это посольство было возвращено назадъ съ дороги; къ посольскимъ рѣчамъ было прибавлено два пункта о взятіи Москвичами нѣсколькихъ городовъ, и они кончались словами, чтобы Московскій Государь впередъ такихъ дѣлъ не велѣлъ чинить, если съ Литовскимъ неж итья не хочетъ. Кромѣ прибавки пунктовъ къ посольству, самое

и справленіе посольства было возложено на другихъ лицъ; [5] но и этѣ послы не пріѣхали теперь въ Москву. Офиціяльныя сношенія Правительствъ прекратились, а начались прежнія полуофиціяльныя. Въ Мартѣ мѣсяцѣ прислалъ въ Москву грамоту изъ Новгорода Яковъ Захарьевичъ, извѣщая, что Намѣстникъ Полоцкой, Янъ Забережскій, прислалъ къ нему своего сокольника съ грамотой о дозволеніи купить кречетовъ. Грамота Яна Забережскаго была отъ 26 Февраля; послѣ просьбы о кречетахъ, въ ней говорилось: «а что твоя Милость будетъ до насъ писать о своихъ дѣлахъ, мы ради то для тебя исполнять.» Яковъ Захарьевичъ спрашивалъ у Великаго Князя: велитъ ли онъ того Янова сокольника отпустить? Великій Князь на это послалъ Якову Захарьевичу такую грамоту: «Намъ видится, что къ тебѣ прислалъ Янъ Забережскій не ради кречетовъ, а посмотрѣть, или задираючи тебя передняго для дѣла, объ которомъ онъ напередъ къ тебѣ присылалъ, и чтобы ты къ нему и нынѣча послалъ. И мы здѣсь приговорили, что пригоже тебѣ къ нему и грамоту послать съ своимъ человѣкомъ, о переднемъ дѣлѣ, что напередъ того онъ присылалъ къ тебѣ своего человѣка съ рѣчьми, и изымаются они за то дѣло, ино дай Богъ такъ, а не изымаются, ино въ томъ намъ низости ни которой нѣтъ.» Къ Якову Захарьевичу были посланы списки съ грамоты и рѣчей, которые онъ долженъ былъ отправить къ Яну Забережскому. Рѣчи были о кречетахъ, что ихъ продажныхъ въ Новгородѣ нѣтъ, по тому что «всѣ они идутъ къ нашему Государю, а у насъ нынѣ каковые прилучились, и они вотъ передъ тобою.» Грамота же была слѣдующаго содержанія: «Пишемъ къ твоей Милости по нашему пріятельству, что напередъ присылалъ до насъ съ рѣчьми, чтобы похотѣли мы, было бы между Государями доброе пожитье и между земель покой. Да писалъ ты объ томъ же и до Князя Ивана Юрьевича, и то дѣло пошло съ Божьею милостію впередъ къ доброму концу. А нынѣ, Пане, вельми дивуемся, что такое дѣло оставя, да такіе великіе зацѣпки съ вашей стороны стались. Ино, Пане, похотите вы нынѣ между Государей всякаго добраго дѣла, то и наши дяди и братья того же хотятъ.» Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Яковъ Захарьевичъ прислалъ въ Москву отвѣтъ

---

[5] Ак. З. Р. т. 1, № 109.

Яна Забережскаго на свою грамоту. Отвѣтъ былъ изъ Вильны, отъ 18 Мая, и въ немъ говорилось такъ: «Отъ нашего Государя ни какихъ зацѣпокъ не сталось, а тѣмъ дѣло все остановилось, что стали зацѣпки отъ Вашего Государя: на миру воюетъ и въ отчину нашего Государя войну пустилъ, города и волости великіе забралъ, а иные пожогъ, людей же головами въ плѣнъ повелъ. Если бы все то было оправлено и шкоды заплачены, то мнѣ бы съ Панами братіею можно было Государю представлять, чтобы между Государями доброе дѣло сталось.» Послѣ этого отвѣта Иванъ Васильевичъ рѣшилъ, что Якову Захарьевичу къ Яну Забережскому непригоже грамоту посылать (и съ своимъ) и съ Яновымъ человѣкомъ, а отвѣчать, что если Великій Князь Александръ пришлетъ своихъ пословъ къ Государю, то Яковъ Захарьевичъ съ своей братіею будетъ хлопотать о добрѣ между Государями. Но послѣ такого гордаго отвѣта вышло то, что приготовленное Литовцами въ концѣ Февраля и вторично передѣланное посольство, со вновь назначенными тогда послами, явилось въ Москву 29 Іюня. Проговоривъ Великому Князю выше упомянутыя рѣчи, въ которыхъ объ новомъ титулѣ ничего не упоминалось, послы на другой день были у Князя Патрикѣева и говорили ему рѣчи отъ Великокняжеской Литовской Рады объ томъ, что изъ переписки съ Яномъ Юрьевичемъ Паны Рада узнали, что Рада Московскаго Государя хотятъ дѣло вести къ доброму концу, и по этому хотѣли уже великихъ пословъ отправить въ Москву, «какъ вдругъ отъ Вашего Государя новое дѣло пришло: онъ въ своемъ листѣ къ нашему Государю написалъ свое имя высоко, не по старинѣ, не по тому, какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того, Княже, посмотри, гораздо ли такъ дѣлается? Старину оставляете, и въ новыя дѣла вступаете. Да кромѣ того землямъ нашего Государя многіе шкоды подѣланы; а нашъ Государь изъ старины не выступаетъ; ино, Княже Иванъ, впередъ такихъ бы дѣлъ не было, чтобы между Государями добрые дѣла впередъ шли.» Литовскимъ посламъ дома было наказано, что когда они будутъ говорить этѣ рѣчи и если Князь Патрикѣевъ скажетъ: «Государь нашъ старше лѣтами, а вашъ Государь моложе его,» то отвѣчать: «Хотя нашъ Государь и моложе лѣтами, но въ чести не меньше, и находится въ той же мѣрѣ, какъ былъ и его отецъ, Король; а если между Государями будетъ любовь, докончанье и всякое добро,

тогда ихъ Милости придутъ къ тому, какъ было при Великомъ Князѣ Витовтѣ.» [6] Князь Патрикѣевъ, какъ видно, не дѣлалъ такихъ замѣчаній о лѣтахъ Государей, и отвѣчалъ такъ: «Нашъ Государь въ своемъ листѣ къ вашему Государю ничего высокаго не писалъ и новизны ни какой не вставлялъ, а чѣмъ его Богъ даровалъ отъ дѣдъ и прадѣдъ, то онъ отъ начала и есть урожденный Государь всея Руси.» Относительно же Князей былъ данъ отвѣтъ черезъ Бояръ, что они — старые слуги Московскихъ Государей, и когда они теперь отъѣзжали, то ихъ обижали, и по этому велѣно было войскамъ защищать ихъ. Кончался отвѣтъ слѣдующимъ: «Говорено намъ отъ Александра, чтобы намъ съ нимъ не житья не хотѣть, то мы его никогда и не хотѣли.»

Надъ каждымъ отвѣтомъ Москвичей Литовцамъ приходилось долгое время думать. Теперь, когда они снова приготовили [7] посольство, спустя значительное время, и отправили его въ Москву (оно прибыло только 16 Сентября), посломъ былъ второй посолъ предшествующаго посольства, и говорилъ Ивану Васильевичу отъ Александра, что онъ, уразумѣвши отвѣтъ на предшествующее посольство, прислалъ теперь просить опасной грамоты на великихъ пословъ, которые должны пріѣхать для переговоровъ. Посолъ обязанъ былъ по прежнему обратиться отъ Пановъ Рады къ Князю Патрикѣеву, чтобы онъ довѣдался у своего Государя, хочетъ ли онъ съ ихъ Государемъ докончанья и вѣчной пріязни. Отвѣтъ былъ прежній, опасная грамота была дана, и въ ней красовались въ титулѣ Ивана Васильевича слова «Государь всея Руси». Въ продолженіе всѣхъ предшествующихъ пересылокъ видны только требованія Московскаго Правительства; Литовцы развѣ только изъ того, что Яковъ Захарьевичъ, на грамоту Яна Забережскаго о кречетахъ, заговорилъ о напрасномъ разрывѣ переговоровъ, только изъ этого они могли заключить, что Москвичи не

---

[6] Этѣ рѣчи къ Великому Князю и къ Князю Патрикѣеву были содержаніемъ посольства Андрея Олехновича и Войтка Яновича; напечатаны они изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 109, III и № 110. Время пребываніе пословъ въ Москвѣ 29 Іюня—8 Іюля.

[7] Въ Ак. З. Р. т. 1, № 113. Срокъ Посольства обозначенъ издателями «прежде Сентября.»

прочь отъ мира, но объ уступкахъ Москвичей имъ было трудно предполагать. Вѣроятно, по этому теперь, получивши опасную грамоту на пословъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, изъ Литвы въ Москву пріѣхало посольство только 17 Генваря, 1494 года, а между тѣмъ оно было приготовлено 6 Ноября. Къ чему привела эта гордость Москвичей въ сношеніяхъ, свѣдѣтельствуетъ Наказъ Литовскимъ посламъ (хотя очень не полный, какъ можно видѣть это изъ сравненія его съ переговорами), изъ котораго оказывается, что послы должны были дѣлать почти на всѣ требованія Москвичей уступки. Хотя они должны были говорить о Новгородѣ Великомъ, о Лукахъ и Ржевѣ и Великомъ Княженіи Тверскомъ, о Псковѣ и Великомъ Князѣ Рязанскомъ, о Князьяхъ отъѣзчикахъ, и при этомъ о городахъ и земляхъ, недавно занятыхъ Москвичами, и давно бывшихъ спорными, чтобы все это было по старому, на примѣръ, какъ въ договорѣ Василья Васильевича съ Казимиромъ; но послы, начавши съ Новгорода, и «если Московскій Государь того не всхочетъ и они не взмогутъ приперети, то они маютъ ему и того попустити;» и такъ они должны были поступаться постепенно, однимъ за другимъ, «дабы докончанье шло впередъ и изъ того не рушилось.» Послы должны были даже говорить о Князьяхъ Можайскомъ, Шемячичѣ и Верейскомъ, «дабы Князь Великій Московскій гнѣвъ свой имъ отпустилъ, и отчинъ ихъ имъ поступился, а Великій Князь Александръ хочетъ ихъ отпустить изъ своего Панства.»

Въ рѣчахъ къ Великому Князю послы объявили, что Александръ хочетъ докончанья по тому, какъ докончалъ его отецъ съ Великимъ Княземъ Василіемъ. [8] На другой день послѣ рѣчей, послы прислали къ Князю Патрикѣеву напомнить, чтобы былъ разговоръ, какъ о докончаньѣ, такъ и о сватовствѣ, и чтобы быть имъ у Великой Княгини Софьи, а дочери Великаго Князя тамъ же находиться. На это они получили отвѣтъ, что дастъ Богъ докончанье, тогда можно говорить о сватовствѣ и быть у Великой Княгини. Послы послѣ этого были приглашены на переговоры

[8] Въ Ак. З. Р. т. 1, № 114, напечатанъ Наказъ Литовскимъ посламъ изъ Литовской Метрики, заключающій въ себѣ рѣчи, какія они должны были говорить о мирѣ и сватоствѣ.

о мирѣ, а когда они заговорили о договорѣ Казимира съ Василіемъ Васильевичемъ, то Бояре отвѣчали: «Тотъ договоръ заключенъ по неволѣ, а нужно заключить такой договоръ, какой былъ между Семеномъ Ивановичемъ и Ольгердомъ.» Литовцы отвѣчали, что этотъ договоръ былъ заключенъ по невзгодѣ Ольгерда и Кейстута. Когда начали говорить о Новгородѣ, Твери, Псковѣ и о городахъ захваченныхъ, чтобы быть всему этому по старому, и когда наконецъ послы объявили, что они поступаются всѣмъ, относящимся до Новгорода, Пскова и Твери, но захваченные города должны быть возвращены, а то и докончанью не быть, то на это, чрезъ нѣсколько времени, получили отвѣтъ: «Поступается вашъ Государь намъ Новгорода, Пскова и Твери; ино, милостью Божіею, они изъ старины отчина наша, и нынѣ есть за нами, такъ что же онъ нашимъ же поступается? А если хочетъ вашъ Государь докончанья и вѣчной пріязни, такъ пусть живетъ по старымъ докончаньямъ предковъ, и что за собою держитъ наше, ино бы того намъ поступился.» Послы говорили: «Государь нашъ за собою вотчинъ Великаго Князя не держитъ, а держитъ свою.» Тогда, послѣ многихъ рѣчей «въ разговоръ,» Великій Князь объявилъ чрезъ Бояръ свои главныя окончательныя условія: «Съ Божіею помощію, желая мира и докончанья, мы выступаемъ изъ докончаній нашихъ предковъ, отказываемся отъ Смоленска и Брянска, и хотимъ мира такъ: кто что держитъ въ своемъ Государствѣ, то пусть и держитъ.» Такимъ образомъ дѣло дошло до захваченнаго собственно отъ Литвы, и это все Москвичи требовали уступить; тутъ Послы объявили: «Инако дѣлать намъ не наказано, какъ уже молвили.» На этомъ переговоры остановились.

Въ Воскресенье Послы были на обѣдѣ у Князя Патрикѣева, но объ дѣлѣ не говорили; тогда Великій Князь приговорилъ, чтобы послать въ Понедѣльникъ Дьяка, Ѳедора Курицына, къ посламъ отъ Князя Патрикѣева. Курицынъ, явившись къ посламъ, сказалъ: «Послалъ меня Князь Иванъ Юрьевичъ, что присылали вы (т. е., не вы Послы, а вы въ числѣ своей братьи, Пановъ Рады Литовскаго Великаго Княжества) къ нему прежде (изъ Литвы) Пана Войтка (что былъ посломъ объ опасной грамотѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ), что хотите съ нимъ видѣться, и рѣчи говорить.» Послы отвѣчали: «Прежде присылали, старшій

изъ насъ, Панъ Бискупъ, и Панове братья, до его Милости, и говорили, что хотятъ мира, а онъ говорилъ, чтобы пріѣзжали великіе послы; а нынѣ мы пріѣхали, и дѣло еще не кончилось; а съ Господиномъ Княземъ мы ради теперь видѣться; а отказъ на это дадимъ чрезъ своего.» Когда Курицынъ вышелъ отъ пословъ, то они за нимъ послали и спросили: «Какъ видѣться съ Княземъ Иваномъ, и гдѣ говорить съ нимъ?» Курицынъ: «Гдѣ хотятъ Паны: на дворѣ ли Великаго Князя, или у самаго Князя Ивана». Послѣ этого послы отправили Писаря къ Князю Патрикѣеву, что хотятъ съ нимъ видѣться, и онъ отвѣчалъ, что видѣться имъ на Государевомъ Дворѣ, какъ по нихъ пришлетъ Князь Великій. На другой день, во Вторникъ, Великій Князь приказалъ посламъ быть на дворѣ. Прежде, при началѣ переговоровъ, послы приказывали сказать Князю Патрикѣеву, чтобы, вмѣстѣ съ переговорами о докончаньѣ, былъ разговоръ и о сватовствѣ, и чтобы имъ, посламъ, быть у Великой Княгини Софьи, и дочери Великаго Князя тутъ же находиться; теперь Князь Патрикѣевъ приказалъ сказать посламъ чрезъ Пристава: «Хотѣли вы быть у Великой Княгини, ино вамъ быть нынѣ у нее.» Послы спросили Пристава: «Быть ли дочерямъ у Великой Княгини?» Приставъ отвѣчалъ: «Дочерямъ не быть». Послѣ этого разговора послы были у Великаго Князя и у Великой Княгини, правили поклонъ отъ своего Великаго Князя и поминки явили отъ себя; точно такъ же и ихъ спрашивали о здоровьѣ ихъ Великаго Князя и объ ихъ здоровьѣ. Когда послы вышли отъ Великой Княгини, то Приставъ объявилъ имъ: «Панове, хотѣли видѣться съ Княземъ Иваномъ, и онъ здѣсь, въ другой горницѣ». Послы вошли въ эту горницу; здѣсь находились Князь Патрикѣевъ съ сыномъ, Князь Семенъ Ряполовскій, Казначей Димитрій Владимировичъ и Дьяки Ѳедоръ Курицынъ и Андрей Майко. Послы и Бояре говорили многія рѣчи о любви и докончаньѣ. Съ этого дня начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ Москвичами отъ Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что теперь находится во владѣніи обоихъ Государствъ, то и должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ Московскомъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, предложили слѣдующее: такъ какъ одни Князья Вяземскіе служатъ Литвѣ, а другіе Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, «и когда Государи будутъ въ докончаньѣ и кровномъ связаньѣ, о

Вязьмѣ смолву учинятъ и обыщутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступиться». Но такъ какъ на это не соглашались Бояре, то послы о большой части городовъ и Княжескихъ владѣній предлагали ихъ оставить «на обыскъ». Да поговоривъ много спорныхъ рѣчей, сначала «спустили о Вязьмѣ,» потомъ о другихъ городахъ, что ихъ въ доканчаньѣ написать въ сторону Московскаго Государя. Точно такъ же и Бояре «спустили» о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ волостяхъ, да на томъ и конецъ учинили; а о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали Боярамъ, что у нихъ есть посольство къ Великому Князю о сватовствѣ, и Бояре положили на нихъ, какъ они его хотятъ править. Послы рѣшили править его на другой день послѣ послѣдняго дня переговоровъ, въ Воскресенье (2 Февраля). Въ этотъ день послы были у Великаго Князя, подали вѣрющую грамоту, и старшій изъ нихъ, Петръ Яновичъ Бѣлой, говорилъ отъ Александра: «Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и доканчанье, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лѣпшаго пожитья, была бы на то Божья воля, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной пріязни и кровномъ связаньѣ нынѣ и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «Слышалъ ваши рѣчи, и съ Божіей волею хотимъ то дѣло дѣлать съ вашимъ Государемъ, и какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ». Послѣ этого былъ офиціяльный обѣдъ на дворѣ у Великаго Князя, и обыкновенно слѣдующее за нимъ угощенье пословъ у нихъ на подворьѣ.

Предъ этѣмъ, какъ мы можемъ видѣть, Московское Правительство постоянно старалось отдѣлять дѣло мира отъ сватовства, и только разъ, когда переговоры остановились при разговорахъ о городахъ и волостяхъ, взятыхъ у Литвы, Бояре предложили посламъ быть у Великой Княгини, но тамъ не было дочери Великаго Князя, съ этого же времени, когда положительно опредѣлили о владѣніи земель, то переговоры о мирѣ и сватовствѣ соединяются вмѣстѣ. 5-го Февраля послы были у Великаго Князя, и Бояре съ ними говорили о доканчаньѣ, и велѣли читать предъ ними образцовой списокъ договорной грамоты. Въ этомъ спискѣ, въ титулахъ Государей, Московскій Великій Князь былъ названъ «Государемъ всея Руси». Не видно, чтобы послы что ни будь сказали объ этомъ;

они похвалили списокъ, и велѣли съ него писать на чисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ доконьчаньѣ украйныя мѣста, а потомъ написать, чтобы служебныхъ Князей не принимать; Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили.

Послѣ этого отъ Великаго Князя вышелъ Князь Патрикѣевъ съ Боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали посламъ отъ Государя: «Говорили вы отъ своего Государя, чтобъ намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божіею волею, хотимъ ее за него дать.» Послы сказали: «Боже то дай!» Если Литовцы къ отношеніямъ Государствъ присоединяли отношенія ихъ Государей, то теперь Москвичи присоединили слѣдующее: Бояре начали говорить о Греческомъ Законѣ и о Римскомъ, чтобъ Великой Княжнѣ въ томъ отъ Государя неволи не было, была бы она въ своемъ Греческомъ Законѣ. Послы объявили: «Той неволи не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ Государя нашего, то и крѣпость на томъ учинятъ». Бояре донесли объ этомъ Великому Князю, и онъ имъ приказалъ сказать посламъ: «Если говорите, что Государь вашъ неволи не хочетъ учинить моей дочери о Греческомъ Законѣ, то мы отдаемъ за него свою дочь, и завтра будете вы у Великой Княгини, тамъ увидите Княжну, и тогда же обручанью быть».

На другой день послы пріѣхали на дворъ Великаго Князя, и пошли къ Великой Княгинѣ. Здѣсь находилась и Великая Княжна, Елена Ивановна. Впечатлѣніе, производимое Еленой Ивановной на другихъ, говорятъ, было хорошее; о послахъ, которые послѣ пріѣхали уже за ней, разсказываютъ, что когда они взглянули въ первый разъ на нее, «то уразумѣли, что это Ангелъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и подъ этѣмъ впечатлѣніемъ, засмотрѣвшись на ея красоту, они нѣкоторое время стояли безмолвно, какъ вкопаные.» [9] Теперь второй посолъ, Панъ Станиславъ Гастольдъ, правилъ Еленѣ Ивановнѣ отъ Великаго Князя Александра поклонъ, и притомъ представили поминки. Великая Княжна велѣла Окольничему спросить о здоровьѣ пословъ, объ здоровьѣ же Великаго Князя не спрашивала. Послѣ смотринъ, когда послы вышли отъ Великой

[9] Ак. Юж. и Зап. Р. т. 2, № 79, стр. 112.

Княгини, то Казначей, Димитрій Володимировичъ, отъ Великаго Князя и Бояръ спросилъ: «Панове! Видѣли вы Великую Княжну, ино какъ дѣлу быть?» Послы отвѣчали: «Вы, Бояре, вчера говорили, что нынѣ обручанью быть, такъ то дѣло и было бы». Димитрій Володимировичъ объявилъ объ этомъ Великому Князю. Тогда Князь Великій, «сѣдъ съ Великою Княгинею, и Княжна тутъ же была да и Бояре,» пригласили пословъ и началось обручанье: Священники читали молитвы; крестами, цѣпями и перстнями мѣнялись. Мѣсто Великаго Князя, Александра, при обручаньѣ заступалъ второй посолъ, Панъ Станиславъ Гастольдъ, а первый посолъ былъ отъ этого отставленъ того дѣля, что у него была другая жена.

Послѣ обручанья послы поѣхали къ себѣ на подворье, и на другой день были приглашены на дворъ Великаго Князя. Бояре имъ объявили, что докончальныя грамоты уже переписаны на чисто, и по этому Государь къ грамотѣ, которая должна быть у Великаго Князя, Александра, велитъ привѣсить свою печать, и крестъ на ней поцѣлуетъ, а послы бы то же сдѣлали за своего Государя, что онъ поцѣлуетъ крестъ на докончальной грамотѣ и свою печать къ ней привѣситъ. Послы дали согласіе, и послѣ этого происходило крестное цѣлованіе Ивана Васильевича и пословъ на докончаньѣ.

Такимъ образомъ былъ заключенъ договоръ о вѣчномъ мирѣ и союзѣ между Московскимъ и Литовскимъ Государствами. [10] 9-го Марта отправилось въ Литву изъ Москвы посольство, для присутствія при присягѣ Александра на договорѣ; присяга была дана. Пріобрѣтенія по договору для Москвы были весьма значительны: между Псковскими, Новгородскими и Тверскими областями, отчинами Московскаго Государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржевы на юго-востокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ Московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ Литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя пріобрѣтенія, утвержденныя этѣмъ договоромъ за Москвою, какъ то, что съ этѣмъ договоромъ и переговорами о немъ связана, мож-

---

[10] Этотъ договоръ напечатанъ изъ Польскихъ дѣлъ у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 222—234; У Карамзина т. 5, пр. 396; С. Г. Г. и Д т. 5, № 29.

но сказать, исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго Государства къ Польско-Литовскому; здѣсь собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній Государствъ первые высказали Литовцы, именно тѣмъ, что они, хотя натолкнутые необходимостію, поставили условіе, что впередъ служебныхъ Князей съ отчинами не принимать, и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ средневѣковыхъ порядковъ. Починъ этого дѣла принадлежалъ Литовцамъ, потому что Польско-Литовское Государство, представитель средновѣковой Европы въ новѣйшія времена, не могшее уничтожить у себя старыхъ, вредныхъ для Государства, порядковъ, хотѣло устроить дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы враги не могли пользоваться этѣми порядками въ свою пользу. Но Литовцы только и сдѣлали въ свою пользу, между тѣмъ какъ Московское Государство, со времени борьбы Дмитрія Шемяки съ Василіемъ Темнымъ, стало на столько твердо на почвѣ новыхъ Государственныхъ началъ, что отдѣляло интересы Государства отъ личныхъ интересовъ Государя; Литовцы же въ этомъ отношеніи, подъ вліяніемъ среднихъ вѣковъ, и изъ за временныхъ выгодъ, нетолько желали навязать Москвичамъ подобные пріемы, не отдѣлять интересы Государства отъ личныхъ интересовъ Государя, но и сами оставили этѣ порядки у себя. Мало того, они допустили употребленіе въ договорѣ титула «Государь всея Руси,» и при томъ, сдѣлавши всякіе уступки требованіямъ Москвичей, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о Греческомъ Законѣ. Это обѣщаніе развилось въ заключеніе въ главное отношеніе и въ право вмѣшательства Москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго Государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ Восточной Греко-Россійской Церкви. Въ этомъ отношеніи Литовское Правительство при Александрѣ, желая устроить свои отношенія къ Москвѣ, какъ они были при Витовтѣ, напротивъ, дало возможность разрушить то, что съ такимъ успѣхомъ подвигали впередъ Ольгердъ и Витовтъ своимъ стремленіемъ имѣть для Литовско-Русскаго Великокняженія самостоятельную церковную іерархію, не зависящую отъ Митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ. Это новое право Московскаго Правительства явилось отъ того, что оно поспѣшило воспользоваться обѣщаніемъ Литовцевъ о Греческомъ Законѣ и развить его, въ

дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что Литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою Православія одной Елены Ивановны, своими поступками и неосмотрительностію, въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ Православныхъ не нудятъ къ Римскому Закону, такъ сказать, показали Москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ Православія.

Съ мгновенія утвержденія этого договора Александромъ цѣль дѣйствій всякаго истинно Русскаго Правительства опредѣлилась на всю будущую исторію такъ, что оно должно дѣйствовать, если не желаетъ рисковать собственнымъ своимъ существованіемъ, во первыхъ, только въ интересахъ Государственныхъ, во вторыхъ, что Московскій Государь есть въ то же время Государь всея Руси, и въ третьихъ, что Государь всея Руси имѣетъ право и обязанъ защищать Православныхъ. Но такъ какъ самый договоръ 1494 г., 5-го Февраля, не давалъ еще права толковать съ Литовцами о людяхъ Греческаго Закона, то все за тотъ же бракъ, тотчасъ послѣ перваго договора, Московское Правительство вытребовало отъ Литовскаго обязательство и на это.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: не уже ли же Литовское Правительство, ни минуты не подумавши, рѣшилось такъ дорого купить жену для своего Государя? Мы видѣли и увидимъ ниже, что, напротивъ, Литовцы надъ этѣмъ очень много думали, но въ конечномъ итогѣ пришли къ убѣжденію, что можно поступать такъ, какъ они поступали, и выказали этѣмъ убѣжденіемъ презрѣніе ко всему, носящему Русское имя, презрѣніе, какое можетъ чуствовать только Полякъ, и въ особенности ополячившійся: они дѣлали за бракъ уступки въ надеждѣ, не только сдѣлать ихъ въ послѣдствіи недѣйствительными, но даже были убѣждены, какъ увидимъ ниже, что всѣ захваченныя земли будутъ безвозмездно имъ возвращены, и даже будетъ сдѣлано что-то болѣе того. Но въ этомъ убѣжденіи ополячившіеся люди ошиблись, для того, чтобы почувствовать къ Русскимъ людямъ еще больше презрѣніе, и послѣ этого поступать съ ними еще болѣе неосмотрительно, чтобы, въ заключеніе, еще больше ошибиться.

II.

Какъ только Иванъ Васильевичъ поцѣловалъ крестъ на договорѣ, то велѣлъ посламъ выступить въ другую горницу, и выслалъ къ нимъ Князя Патрикѣева съ Боярами. Бояре говорили посламъ о томъ, чтобы Великій Князь Александръ далъ утвержденную грамоту о держаніи Еленою Ивановной Греческаго Закона, и при этомъ велѣли прочесть предъ послами образецъ такой грамоты; она была слѣдующаго содержанія: «Мы, Александръ (титулъ), дали есмы этотъ листъ брату моему и тестю, Іоанну, Государю всея Руси (титулъ), на то, что за меня далъ свою дочерь, Елену, и намъ его дочери не нудить къ Римскому Закону, держать ей свой Греческій Законъ». Выслушавъ грамоту, послы сказали: «Такую грамоту нашъ Государь дастъ за своею печатью». Списокъ съ этой грамоты они взяли себѣ. Въ Воскресенье на Масляное заговѣнье былъ посламъ офиціяльный обѣдъ у Великаго Князя; здѣсь ихъ дарили, «сватовства дѣля,» отъ Великаго Князя, Великой Княгини и невѣсты. Послѣ пира пословъ угощали (поили) на ихъ подворьѣ; а на другой день Великій Князь послалъ къ нимъ противъ ихъ поминокъ, «да что и свыше надавалъ». 11-го Февраля посламъ былъ данъ отпускъ, а 12-го они поѣхали въ Литву.

9-го Марта отправилось изъ Москвы въ Литву посольство, съ громаднымъ поѣздомъ; оно ѣхало, какъ для присутствія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ, такъ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Алексадру: [11] «Мы, съ Божіею волею, даемъ свою дочь за тебя, и обручали ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о Греческомъ Законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери Греческой Законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ; да послы взяли и списокъ, какую тебѣ дать грамоту о Греческомъ Законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ». Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы Великій Князь Александръ далъ такую грамоту слово въ слово по списку, а если Великій Князь крѣпко не захочетъ давать грамо-

---

[11] Рѣчи Московскихъ пословъ этого посольства напечатаны изъ Литовской Метрики въ Актахъ Зап. Рос. т. 1, № 116.

ты, то объ ней не стоять, а утвердить его рѣчьми, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что неволи въ Вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не будетъ. А начнутъ Боярамъ говорить о срокѣ, когда по Княжну пріѣзжать, то назначать срокъ на ранѣе Петрова (29-го Іюня), или Ильина (20-го Іюля), дни, а если захотятъ позднѣе, то на ихъ волѣ »

По дорогѣ въ Литву вездѣ Бояръ встрѣчали съ почетомъ и угощали; еще большій почетъ былъ имъ оказанъ въ Вильнѣ. Когда Бояре проговорили рѣчи о сватовствѣ, то имъ, безъ всякихъ разговоровъ, подали грамоту о Греческомъ Законѣ. Но прочитавъ грамоту, Бояре отказались ее принять, по тому случаю, что въ ней была приставлена строчка противъ Московскаго списка: «а коли похочетъ своею волею приступить къ нашему Римскому Закону, ино ей въ томъ воля». О крѣпкомъ словѣ, которымъ можно было ограничиться, они уже не упоминали. На отпускѣ этѣхъ пословъ Великій Князь Александръ, отступивъ немного отъ своего мѣста, давалъ руку Боярамъ и говорилъ: «Мы брату и тестю нашему дякуемъ за то, что онъ хочетъ съ нами жить въ кровномъ связаньѣ и вѣчной пріязни.» Послѣ же его словъ, бывшій посломъ о мирѣ и сватоствѣ, Панъ Петръ Яновичъ, Воевода Троцкій, говорилъ: «Нашъ Государь, по желанію вашего, давалъ вамъ листъ о Греческомъ Законѣ, и вы его не хотѣли взять, и по этому нашъ Государь пошлетъ до вашего своихъ пословъ объ этомъ дѣлѣ и о другихъ». [12] Съ этѣмъ отказомъ Бояре (30-го Апрѣля) поѣхали въ Москву. Ихъ провожали по прежнему; но послѣ этого посольства пересылка о сватовствѣ на время прекратилась, и обѣщанное посольство не являлось слишкомъ три мѣсяца. Изъ Москвы не заговаривали объ этомъ дѣлѣ, и пересылки между Правительствами шли о дѣлахъ служебныхъ Князей. [13] Наконецъ, 13-го Августа,

---

[12] Слова Александра и рѣчь Воеводы Троцкаго напечатана изъ Литовской Метрики въ Ак. Зап. Р. т. 1, № 116. II.

[13] Было два Посольства: изъ Литвы о Князѣ Мезецкомъ и изъ Москвы о Княгинѣ Бѣльской. Посольство о Князѣ Мезецкомъ напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 122. Посольство дѣйствительно было въ Октябрѣ, котораго же числа оно было, я изъ дѣлъ Польскихъ не замѣтилъ. Впрочемъ, этѣ Посольства по своему значенію не важны.

пріѣхалъ изъ Литвы посолъ, Лютаворъ Хребтовичъ. Въ рѣчахъ къ Великому Князю онъ благодарилъ, по прежнему, отъ имени своего Государя, за то, что Иванъ Васильевичъ даетъ за него свою дочь, и потомъ прибавилъ, что Великій Князь, Александръ, давалъ Боярамъ грамоту по тому, какъ той грамотѣ слѣдовало быть, но они ее не взяли. Лютаворъ представилъ и списокъ грамоты. [14] Объ этомъ же говорилъ Лютаворъ и Боярамъ, которые въ послѣдній разъ были послами въ Литвѣ. Когда дѣло дошло до переговоровъ съ Боярами, то послѣдніе прямо объявили: «Паны послы, Петръ и Станиславъ, обѣщались, что Великій Князь Александръ дастъ требуемую грамоту слово въ слово противъ списка; такъ отъ чего же онъ теперь ее не даетъ?» Лютаворъ отвѣчалъ: «Что мнѣ наказалъ мой Государь, то я и говорилъ Великому Князю, а больше мнѣ ни чего не наказано». На этотъ отвѣтъ Бояре сказали: «Великій Князь согласился дать свою дочь за вашего Государя, если онъ дастъ грамоту о Греческомъ Законѣ, какую видѣли сами Паны послы; но когда Великій Князь Александръ такой грамоты не даетъ, то и нашему Государю нельзя за него дать своей дочери: и то дѣло не мы рушимъ, а рушитъ его Великій Князь Александръ».

Послѣ этѣхъ переговоровъ Лютаворъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ Великому Князю, Василію Ивановичу, и послѣ обѣда сказалъ своему Приставу, что ему нужно видѣться съ Бояриномъ Дмитріемъ Володимировичемъ и Дьяками; по этому онъ былъ приглашенъ прибыть для разговоровъ на слѣдующій день. Теперь Лютаворъ говорилъ: «Пане Дмитріе! Вчера ты намъ говорилъ отъ своего Государя: такъ что же вашъ Государь не хочетъ брать таковой грамоты, какую мы давали, и того дѣля не хочетъ дать своей дочери за нашего Государя? А нашъ Государь прислалъ съ нами и другія рѣчи; да ему казалось, что прежней грамоты Бояре не взяли ради спора; а то, что строка о Римскомъ Законѣ вставлена въ той грамотѣ, такъ онъ чаялъ, что вашъ Государь ту строку полюбитъ. Вы же не думайте, что я говорилъ, что нашъ Государь не дастъ такой грамоты, какой вы требуете; такого дѣла я не

---

[14] Рѣчи Лютавора къ Великому Князю напечатаны изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 116, III, первые три пункта.

могу на себя взять, по тому что мнѣ того не наказано. По моему же разуму кажется, что если вашъ Государь накажетъ о той грамотѣ со мною, то нашъ Государь пришлетъ ее, и строчку о Римскомъ Законѣ велитъ выкинуть, по тому что не уже ли изъ за строчки между Государями свойству не быть? да и нашъ Государь во всемъ полагается на вашего». Послѣ такой рѣчи Лютавору данъ былъ образцовый списокъ грамоты о Греческомъ Законѣ, и Бояре сказали: «Прежде Бояре съ Панами говорили о срокѣ, когда пріѣзжать за Княжной, да тогда дѣло о грамотѣ не свелось, такъ и о срокѣ конца не уложили; а теперь бы Князь Великій, Александръ, прислалъ ту грамоту не мѣшкая, и съ кѣмъ ту грамоту пришлетъ, то съ тѣмъ бы и о срокѣ наказалъ, чтобы намъ было вѣдомо.»

И такъ дѣло встало, какъ желали въ Москвѣ. Лютаворъ поѣхалъ въ Литву 30-го Августа. Но тамъ опять надъ этѣмъ дѣломъ продумали до Ноября мѣсяца. Въ этѣ промежутки между посольствами о сватовствѣ, какъ надо полагать, происходили пересылки между Вильной и Римомъ о бракѣ Католическаго Государя съ дочерью раскольника, и изъ Рима дано было дозволеніе рѣшиться на такое дѣло по нуждѣ. Въ Ноябрѣ (16) пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву Писарь Адамъ: онъ привезъ требуемую грамоту о Греческомъ Законѣ и объявилъ, что Паны за Княжною пріѣдутъ на Рождество Христово. [15] Самъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это посольство, «что если Паны, за которыми дѣлами не успѣютъ въ Москвѣ быть на тотъ срокъ, то, по крайней мѣрѣ, были бы на Рождествѣ, такъ, чтобы нашей дочери быть у Великаго Князя, Александра, за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго».

На Крещенье 1495 года пріѣхало въ Москву посольство за Княжной, Еленой Ивановной; въ числѣ пословъ былъ много хлопотавшій о сватовствѣ Панъ Янъ Забережскій, но съ послами не было ихъ женъ. Послѣ рѣчей пословъ о цѣли ихъ пріѣзда и правленія поклоновъ семейству Великаго Князя, они явили отъ себя поминки Великому Князю, его дѣтямъ и внуку; когда по-

---

15 Рѣчи Пана Адама см. Ак. З. Р. т. 1, № 116, IV, и грамоту о Греческомъ Законѣ V; Дана эта грамота 26 Октября, индикта 13, въ Ковнѣ.

слы, правили отъ Александра поклонъ и представили поминки отъ себя Княжнѣ, Еленѣ Ивановнѣ, то Княжна, чрезъ Боярина, дяковала Панамъ. Въ этотъ день пріема пословъ для нихъ былъ данъ торжественный обѣдъ. Литовское описаніе этого посольства [16] разсказываетъ, что во время пира самъ Царь и Великій Князь Московскій, вспомнивъ подарки, пилъ романею за здоровье Великаго Князя, Александра, и выпивши молвилъ: «Чѣмъ бы тѣ подарки можно отдарить?» Послы встали и низко ударили челомъ, какъ Царю, и сказали: «Тѣ подарки потребуютъ великой пріязни Вашей Царской Милости къ нашему Великому Князю, Королевичу Польскому, Александру». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «А какой? Не откажу». Послы въ другой разъ поклонились и сказали: «Нашъ Великій Князь не имѣетъ отца, такъ проситъ, чтобъ твоя Царская Милость принялъ его и былъ ему вторымъ отцомъ, давши за него дочь свою, Елену». «До утра», сказалъ Иванъ Васильевичъ, «а теперь прошу будьте веселы въ палатахъ нашихъ», и, сказавъ это, вышелъ вонъ, приказавъ Боярамъ угощать Пановъ. Послѣ угощенья на дворѣ, Бояре отправились угощать Пановъ на ихъ подворьѣ.

Это было 10-го Генваря, а 11-го, въ Воскресенье, послы встали рано и поѣхали къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ; здѣсь былъ Иванъ Васильевичъ, обѣдню служилъ самъ Митрополитъ. По окончаніи службы послы, приглашенные черезъ Бояръ, пошли за Иваномъ Васильевичемъ. Когда они вошли въ покои, Великій Князь спросилъ ихъ о здоровьѣ. Послы благодарили за вчерашнее угощенье и сказали: «Государь нашъ челомъ бьетъ о дочери вашей, Еленѣ, и будетъ вамъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ на всякаго непріятеля». Иванъ Васильевичъ заплакалъ и сказалъ: «Если такъ Богу угодно, то да будетъ его воля!» За это послы опять били челомъ «до земли». Московскій офиціяльный разсказъ объ этомъ времени, не упоминая о слезахъ Ивана Васильевича,

---

[16] Напечатано въ Ак. Юж. и З. Р. т. 2, № 79. Эта записка позднѣйшей переписки и изъ сличенія ея съ Московскими офиціяльными бумагами оказывается, что она въ нѣкоторыхъ данныхъ расходится съ ними; это могло произойти отъ того, что въ Литовской запискѣ главное вниманіе обращено на пиры и чувствительныя сцены, въ Московскихъ же бумагахъ только на политическую сторону дѣла.

говоритъ, что послы были у Великаго Князя и онъ имъ говорилъ: «Панове, молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобы онъ, на чемъ намъ слово молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, и нашу дочь ни которыми дѣлами къ Римскому Закону не нудилъ; а если и похочетъ наша дочь сама къ Римскому Закону приступить, мы ей на то воли не даемъ, да и онъ ей тоже на то воли не давалъ бы, чтобы изъ за этого между нами любовь и дружба не рушилась. Да также молвите ему: какъ дастъ Богъ наша дочь будетъ за нимъ, то онъ ее, нашу дочь, а свою Великую Княгиню, жаловалъ бы и держалъ такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша къ своей дочери его жалованье, были о томъ веселы. Да молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобъ онъ учинилъ, насъ для, велѣлъ нашей дочери, а своей Великой Княгинѣ, поставить церковь нашего Греческаго Закона на переходахъ у своего дворца, у ее хоромъ, чтобъ ей близко къ церкви ходить, а его бы жалованье нашей дочери намъ добро слышати. Да молвите отъ насъ Бискупу да Панамъ, вашей братьѣ, всей Радѣ, да и сами того поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, чтобы между насъ братство, любовь и прочная дружба не порушилась, доколѣ дастъ Богъ». И въ этотъ день послы обѣдали у Великаго Князя. [17]

12-го Генваря послы были приглашены на дворъ Великаго Князя и были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ. Послы сказали, что вѣнчать Великаго Князя Бискупу, а Княжну Митрополиту, а если его не будетъ, то Владыкѣ. Объ этомъ рѣшеніи въ этотъ же день послы отправили въ Литву грамоту. Послѣ переговоровъ объ вѣнчаньѣ шли еще переговоры о Князьяхъ. Такъ описываютъ этотъ день Московскія правительственныя бумаги; но, вмѣсто разсказа объ этѣхъ событіяхъ, Литовская записка говоритъ, что когда послы пріѣхали въ этотъ день въ экипажѣ, присланномъ за ними, на дворъ Великаго Князя, то онъ, взявши двухъ старшихъ пословъ за руки, повелъ ихъ чрезъ свои компаты, обитые золотомъ, къ Великой Княгинѣ; съ ними шелъ и Митрополитъ. Когда во-

[17] Въ Литовской запискѣ сказано, что послѣ слушанія у Царя Митрополитъ просилъ пословъ къ себѣ на кушанье, а въ Московской правительственной запискѣ сказано, что послы ѣли у Великаго Князя, а не пили; понть посылали на подворье.

шли къ Великой Княгинѣ, то послы поклонились ей до земли и просили у нея дочери ея замужъ за ихъ Государя. Великая Княгиня отвѣчала: «То Божья воля и дѣло моего Государя» (Царя). Въ это время вошла Княжна Елена Ивановна къ своему отцу, и уклонившись стала. Послы, взглянувши на нее, уразумѣли, что это ангелъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и, засмотрѣвшись красотѣ, нѣкоторое время стояли какъ вкопаные; потомъ пали ей до ногъ и просили, чтобы она ихъ Государя держала въ ласкѣ; она же заплакала. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ спросилъ пословъ, имѣютъ ли они съ собою портретъ Великаго Князя Александра? По этому послали на подворье, и портретъ былъ принесенъ. Александръ былъ написанъ весьма красивый: лицо бѣлое, щеки румяныя, глаза черные, усъ только что пробивался. Посмотрѣвъ на портретъ, Иванъ Васильевичъ сказалъ: «Настоящій Королевичъ Польской! Ну, Елена, пусть малеванный остается у меня въ покояхъ, а тебѣ живой Великій Князь Александръ будетъ навсегда пріятель». Послѣ этѣхъ словъ Иванъ Васильевичъ благословилъ дочь, а послы, ударивши челомъ, цѣловали руку Цареву, Царицыну и Царевны, и имъ сказано, что ѣхать въ путь завтра рано.

13-го Генваря, послѣ обѣдни въ Успенскомъ Соборѣ, на которой присутствовали: самъ Великій Князь съ Великою Княгинею, снохою, дѣтьми и Боярами, было прощанье. Великій Князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ Пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену Ивановну въ Литву: здѣсь, простившись съ дочерью, Великій Князь давалъ руку Панамъ и приказалъ передать Александру отъ себя и Великой Княгини поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня Елена Ивановна, сопровождаемая громаднымъ поѣздомъ и обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы. [18] До Дорогомилова провожалъ ее Великій Князь Василій;

---

[18] Въ Литовской запискѣ сказано, что послы, съѣвши обѣдъ у Великаго Князя, взявши листы и поминки, выѣхали изъ Москвы. Въ Московскихъ бумагахъ объ обѣдѣ ни чего не сказано. Въ Литовской далѣе говорится, что поѣздъ для проводовъ состоялъ изъ войска въ 2,000 человѣкъ, а возовъ скарбныхъ съ гербами выправлено до Литвы нѣсколько тысячъ.

здѣсь онъ угощалъ пословъ обѣдомъ; Княжна же обѣдала у себя; на другой день послы поѣхали впередъ, Княжна же дневала на Дорогомиловѣ; къ ней пріѣхали отецъ, мать и Великая Княгиня, Елена. Отецъ, пробывъ нѣкоторое время, воротился въ Москву; Великія же Княгини остались ночевать у невѣсты; на третій день отецъ опять пріѣхалъ къ Еленѣ Ивановнѣ; теперь было настоящее прощанье, и послѣ обѣдни свадебный поѣздъ двинулся въ путь.

Отпуская въ Литву свою дочь, Иванъ Васильевичъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о Греческомъ Законѣ и, кромѣ того, память: «въ Латинскую божницу не ходить, а ходить ей къ своей церкви; а захочетъ посмотрѣть Латинскую божницу, или монастырь, то посмотрѣть разъ, или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ ити съ собою, то проводить свекровь до божницы, и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить». [19] Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ Васильевичъ своей дочери, чтобы она крѣпко держала Греческій Законъ, а къ Римскому не приступала.

Во главѣ посольства къ Александру находились: Князь Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Посламъ было наказано, какъ Княжна будетъ ѣхать въ Вильну, то по дорогѣ въ городахъ заходить въ соборные церкви и монастыри; гдѣ встрѣтятъ Княжну большіе Паньи, то женамъ Семеновой и Михайловой выступить изъ тапканы, встрѣтить Паней; а садиться Паньямъ въ тапкану, одной или двумъ большимъ, рядомъ съ Княгиней Ряполовской; если встрѣтитъ Княгиня Олельковичъ, то передъ ней Княжнѣ приподняться и посадить противъ себя. Да при случаѣ молвить какъ пригоже, чтобы Паньи не за всегда сидѣли въ тапканѣ, а ночевать имъ у Княжны не дозволять. Вообще на обѣдѣ у Княжны и посламъ не быть; а если учнетъ бить челомъ какой ни будь Панъ, что хочетъ дать Княжнѣ обѣдъ,

---

[19] Этотъ Наказъ Еленѣ Ивановнѣ напечатанъ у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 235; далѣе напечатанъ списокъ Бояръ и Дѣтей Боярскихъ, которые поѣхали съ Великой Княжной.

то Княжнѣ обѣдать, но чтобы на обѣдѣ Пана не было, а была бы только его жена. Великому Князю Тверскому, Князьямъ Шемячичу, Можайскому, Ярославичу и Верейскому, если они, или ихъ жены, захотятъ бить челомъ Княжнѣ, то имъ у нея не быть; да когда Княжна пріѣдетъ въ Вильну, сказать Великому Князю, Александру, чтобъ эти Князья и ихъ жены къ его супругѣ не ходили. Кромѣ этого данъ былъ подробный Наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы и главное то, что Елена Ивановна на вопросъ Бискупа при вѣнчаньѣ, о томъ, любъ ли ей Великій Князь Александръ, должна отвѣчать: «Любъ мнѣ, и не оставить мнѣ его до живота ни которые ради болѣзни, опричъ Греческаго Закона: держать мнѣ Греческій Законъ, а ему меня къ Римскому Закону не нудить.» А Князь Семенъ Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ Бискупу, чтобы и Великій Князь Александръ у того же вопроса молвилъ, что ему къ Римскому Закону своей жены не нудить; остальные пункты Наказа были въ томъ же тонѣ.

По Наказу, по пріѣздѣ въ Вильну, Бояре прислали въ Москву подробное описаніе [20] случившагося во время пути и при вѣнчаніи. На дорогѣ къ Вильнѣ встрѣтили Княжну Князья Вяземскіе и принесли поминки. За 5-ть верстъ до Смоленска встрѣтили поѣздъ Паны послы, уѣхавшіе впередъ изъ Дорогомилова, Намѣстникъ Смоленскій и всѣ Смоленскіе жители; Намѣстникъ съ Панами, сошедши съ коней, подошли къ Князю Ряполовскому; онъ вышелъ изъ саней и, пошелъ съ ними къ тапканѣ и представилъ Княжнѣ.

Когда поѣздъ въѣхалъ въ Смоленскіе посады, то Московскія Дѣти Боярскія сошли съ коней и шли пѣшкомъ около тапканы; около моста Бояре, Князь Семенъ и Михайло, вышли изъ саней и также шли пѣшкомъ до Соборнаго храма; здѣсь встрѣтилъ Княжну, въ сопровожденіи духовенства, Смоленскій Владыка съ крестомъ и благословилъ имъ; Княжна вошла въ церковь и слушала молебенъ. Послѣ молебна Княжна поѣхала къ себѣ на дворъ,

---

[20] Оно напечатано съ копіи въ Древ. Рос. Вивл. ч. XIV, стр. 4—22; здѣсь же помѣщенъ Наказъ Еленѣ Ивановнѣ и списокъ лицъ, составлявшихъ посольство и поѣздъ.

куда ее провожали Паны; тутъ Княжна приказала Князю Ряполовскому подчивать ихъ виномъ. На другой день послѣ обѣдни, на которой присутствовала и Княжна, пришли къ ней въ свѣтлицу бить челомъ: жена Намѣстника съ падчерицею и жена Маршалка, Кошкина; тутъ же явился и Смоленскій Владыка съ поминками; ихъ посадили на лавкѣ и подавали вино: Паньямъ сама Княжна, Владыкѣ Князь Ряполовскій. При выѣздѣ изъ Смоленска Намѣстникъ проводилъ поѣздъ съ версту за городъ. Подобное же происходило при проѣздѣ во всѣхъ городахъ Западной Россіи; всюду по мѣстамъ быто било изъ пушекъ, гдѣ до какого мѣста Царевна пріѣзжала на обѣдъ, или на ночь. Еще до Смоленска Бояре начали говорить Панамъ о вѣнчаньѣ, чтобъ быть ему въ Греческой церкви и вѣнчать Митрополиту, или Владыкѣ, или Архимандриту. Паны имъ не давали отвѣта, а говорили, что обсылались объ этомъ съ Великимъ Княземъ, а онъ имъ отвѣта не далъ. Наконецъ, подъѣзжая къ Вильнѣ, Бояре начали говорить Панамъ съ бранью, по чему они отвѣта не даютъ о вѣнчаньѣ, и Паны, поговоривъ между собою, отпустили Яна Забережскаго къ Великому Князю. Янъ воротился изъ Вильны и объявилъ, что вѣнчанью быть въ Римской церкви, а не въ Греческой. Бояре отговаривали это сильно, но по Наказу въ конецъ не упирались. Уже по дорогѣ встрѣчали Княжну посланные отъ ея жениха съ подарками. Въ Марковѣ встрѣтилъ поѣздъ Маршалокъ Станиславъ Стромиловъ, и вмѣстѣ съ нимъ Князь Константинъ Острожскій и Князья Иванъ и Василій Глинскіе. Стромиловъ говорилъ, что присланъ служить Княжнѣ до Вильны; онъ привезъ отъ Великаго Князя возъ (экипажъ) Княжнѣ, великолѣпно убранный, и въ него было запряжено восемь жеребцовъ въ богатой сбруѣ. Паны говорили, чтобы Княжна продолжала путь въ возу, но она приказала Боярамъ это отговорить. За три версты до Вильны выѣхалъ верхомъ на встрѣчу Княжнѣ женихъ, въ сопровожденіи войска, какъ говорятъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ. Великій Князь съ сопровождающими своими остановился предъ тапканой; тапкана тоже остановилась. Московскіе поѣзжане на коняхъ, одѣтые въ соболи и бархатъ, встали около тапканы въ видѣ полумѣсяца. Отъ мѣста, гдѣ стоялъ Великій Князь, до тапканы постлали алое сукно, а у тапканы золотую камку. На камку вышла Княжна, а за нею Боярыни; Князь же Великій сошелъ съ коня и подошелъ по сукну къ Княж-

нѣ, подалъ ей руку, спросилъ о здоровьѣ, подалъ тоже руку и Боярынямъ. Въ это время раздавались крики Литовцевъ: «Хвала Господу за такой великій даръ, что далъ намъ дочь монарха Московскаго имѣть себѣ Паньей! Да здраствуетъ на многія лѣта Великій Князь Александръ, надъ нами пануючи!» Потомъ раздались выстрѣлы изъ мушкетовъ, а Княжна, послѣ свиданья съ женихомъ, снова вошла въ тапкану, и поѣздъ, въ сопровожденіи Литовцевъ, двинулся впередъ. Подъѣзжая къ городу, Великій Князь, Александръ, приказалъ Княжатамъ и Панятамъ сойти съ коней и итти пѣшкомъ по правую сторону тапканы, а Московскія Дѣти Боярскія пошли по лѣвую, самъ же Великій Князь ѣхалъ передъ тапканою. Всѣ Виленскіе жители встрѣтили поѣздъ и кидали цвѣты на дорогу; въ то же время раздавалась стрѣльба съ валу и замковъ.

Такъ ѣхалъ поѣздъ до Православной церкви Рождества, гдѣ невѣста вышла изъ тапканы. Здѣсь, передъ церковью, встрѣтилъ Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита; послѣ молебна Княгиня Ряполовская и жена Боярина Русалки расплетали косу невѣсты, покрыли покрываломъ, надѣли на голову кику и обсыпали хмѣлемъ; сопровождавшій невѣсту Попъ Ѳома [21] читалъ при этомъ молитвы и благословилъ ее крестомъ. Послѣ этого Елену Ивановну повели къ жениху въ Римскую церковь Станислава; передъ нею шелъ Попъ Ѳома и благословлялъ крестомъ. Передъ церковью Станислава встрѣтилъ невѣсту Бискупъ съ крыжемъ, но ее не благословилъ имъ. Великая Княжна встала рядомъ съ женихомъ, подъ нее постлали бархатъ, который прежде былъ постланъ передъ тапканой, да на мѣсто положили сорокъ соболей. Началось вѣнчанье. Бискупъ говорилъ молитвы жениху, а Попъ Ѳома невѣстѣ, надъ которой Княгиня Ряполовская держала вѣнецъ. Когда нужно было пить общую чашу, то Попъ Ѳома подалъ вино невѣстѣ и потомъ стклянница была растоптана. Подобное вѣнчаніе не понравилось Литовцамъ. Великій Князь и Бискупъ побранили накрѣпко, чтобы Попъ Ѳома не говорилъ молитвъ, а Княгиня Ряполовская не держала вѣнца, но Князь Семенъ стоялъ тутъ же и отговаривалъ этѣ требованія, а Попъ Ѳома продолжалъ свое дѣло. Московская правительственная записка, сказавши это, не говоритъ

[21] Въ Литовской запискѣ сказано, что Елену Ивановну сопровождали два Епископа.

намъ, какое впечатлѣніе на Литовцевъ произвели слова невѣсты о Греческомъ Законѣ и требованіе Князя Ряполовскаго, чтобы и Великій Князь произнесъ при вѣнчаніи слова о непринужденія своей жены къ Римскому Закону.

Московская правительственная записка кончаетъ разсказъ объ этомъ бракѣ такъ: «Послѣ вѣнчанья Великій Князь пошелъ къ себѣ въ гридню, а Великая Княгиня въ иную горницу съ своими Боярынями; да пришедши отъ вѣнчанья, Великій Князь послалъ за Боярами и велѣлъ имъ быть у себя съ поминками и рѣчь говорить; Бояре являли поминки и въ тотъ день ѣли у Великаго Князя. А Великая Княгиня вѣнчалась въ своихъ портѣхъ, и нынѣча уже четвертый день ходитъ въ своихъ портѣхъ да и въ кикѣ; а на другой день Великій Князь велѣлъ явить себѣ крестъ съ цѣпью и порты, въ которыхъ нужно быть послѣ вѣнчанья и послѣ мыльны, а мыльны у Великаго Князя не было, и Бояре то ему изъявляли, да и рѣчь говорили». Литовская же записка говоритъ, что послѣ вѣнчанья шли веселья недѣли съ три, и послѣ этого Великій Князь жилъ съ своею супругою въ великой любви, часто посылая поминки до Царя, тестя своего, а Царь, до него.

Но бракъ былъ политическій и принесъ совсѣмъ не то Литовцамъ, чего ожидали; въ этомъ отношеніи купили они себѣ горе, да на свои гроши.

III.

Всѣ требованія Московскаго Правительства, во время сватовства Александра къ Еленѣ Ивановнѣ, по видимому, исполнились, но на дѣлѣ оказалось, что и Москвичи, для устройства родства Государей, сдѣлали уступки. Но какъ только былъ утвержденъ этотъ родственный союзъ, то уступки превратились въ требованія. Въ Наказѣ Князю Ряполовскому съ товарищами было сказано: передъ вѣнчаньемъ говорить Александру, что, по его желанію и на основаніи обѣщанія, относительно Вѣры Елены Ивановны, Иванъ Васильевичъ далъ за него свою дочь; послѣ же вѣнчанья Московскіе послы должны повторить то, что самъ Иванъ Васильевичъ сказалъ Литовскимъ посламъ, т. е., чтобы Александръ

держалъ свою жену, какъ Богъ указалъ мужьямъ держать своихъ женъ и чтобы «его для» велѣлъ поставить своей Великой Княгинѣ церковь Греческаго Закона на переходахъ дворца. Къ этому была еще прибавлена просьба, тоже отъ самаго Ивана Васильевича, чтобы Александръ позволилъ Московскимъ Боярамъ, съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ, побыть у Елены Ивановны, пока она обойдется.[22]

Но спустя тѣхъ дѣлъ сколько пригоже, Бояре должны были говорить: «Прислалъ ты утвержденную грамоту о Греческомъ Законѣ не по тому списку, какой взяли твои Панове, да и печать у той грамоты не привѣсная; мы ту грамоту взяли, чтобы между насъ дѣло не длилось. Такъ ты дай намъ грамоту на хартеѣ, съ привѣсною печатью и слово въ слово противъ нашего списка.» Этѣ слова должны были заключиться слѣдующимъ выраженіемъ: «Мы съ тобою, братъ и зять, написали докончальныя грамоты, и пишемъ къ тебѣ: какъ тамъ написано, такъ и ты бы къ намъ писалъ по тому жь.» Александръ во время сватовства называлъ Ивана Васильевича отцомъ и тестемъ, но въ то же время пропускалъ его титулъ, и по этому въ Наказѣ посламъ было сказано: «Спросятъ объ утвержденной грамотѣ: что въ ней не по списку? Чего въ ней нѣтъ? то отвѣчать: нѣтъ титула: «Божіею милостію, Государь всея Руси,» а въ докончаньѣ и въ спискѣ то написано; да такъ же и въ посыльныхъ грамотахъ пишете только, «Великому Князю, Ивану Васильевичу,» не пересчитывая даже земель (т. е., Володимирской, Московской и т. д.), а нашъ Государь пишетъ къ вамъ Государя вашего имя по докончанью.»

На этѣ рѣчи Литовцы дали отвѣтъ:[23] во первыхъ, объ держаньѣ въ чести Елены Ивановны, что Александръ хочетъ доставлять ей честь какъ и самому себѣ; во вторыхъ, о Греческомъ Законѣ: что объ этомъ отказано и грамота дана; въ третьихъ, о церкви Греческаго Закона: «Князья и Паны имѣютъ права отъ

[22] Этѣ рѣчи изъ Литовской Метрики напечатаны въ Ак. З. Р. т. I, № 116, VII. Здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ пунктовъ въ сравненіи съ Московскими правительственными бумагами.

[23] Ак. Зап. т. 1, № 116, VIII; напечатанъ изъ Литовской Метрики.

предковъ нашихъ и отъ насъ, что церквей Греческаго Закона больше не прибавлять, а такихъ законовъ не годится рушить; для нашей же Великой Княгини есть церковь Греческаго Закона близко отъ дворца, и если она хочетъ ходить туда, то мы ей не возбраняемъ.» Что же касается новой утвержденной грамоты о Греческомъ Законѣ по Московскому списку, то на это былъ данъ отвѣтъ: «Мы брату и тестю дали грамоту такую, какой онъ отъ насъ хотѣлъ, и та грамота, за нашею печатью, у него.»

Такъ какъ о пожитьѣ Бояръ у Елены Ивановны была личная просьба Ивана Васильевича, то имъ дозволено было пожить у нея. Бояре, назначенные для этого, отправились изъ Москвы, когда еще не былъ полученъ отвѣтъ объ этомъ. Они поѣхали изъ Москвы 3-го Февраля; во главѣ посольства находился Князь Василій Васильевичъ Ромодановскій. По пріѣздѣ ихъ въ Литву, послы, Ряполовскій съ товарищами, вернулись въ Москву. Съ ними Александръ наказалъ объявить, что о всѣхъ дѣлахъ пришлетъ въ Москву пословъ.

Этотъ посолъ пріѣхалъ въ Москву 15 Мая (Станиславъ Петряшковичъ), и въ рѣчахъ отъ Александра говорилъ [24] сначала: «За великій даръ, что далъ за насъ свою дочь, мы дякуемъ и хотимъ пріязнію и всякимъ добромъ отдать;» послѣ этого «въ докончаньѣ сказано, что быть намъ другу другомъ, а недругу недругомъ, то объявляемъ тебѣ, что Стефанъ Воевода Волошской, тайно прислалъ своихъ людей и сжегъ нашъ городъ Бряславль.» Въ Москвѣ ждали еще рѣчей, и вотъ посолъ началъ говорить: «Мы, для тебя, твоихъ Бояръ и слугъ оставили у нашей Великой Княгини, но теперь ты бы имъ велѣлъ ѣхать домой, по тому что, по милости Божіей, у насъ и своихъ слугъ довольно.» Къ этому было еще прибавлено: «Когда твои послы были у насъ, то мы оказывали имъ честь, а когда они поѣхали домой, то мы велѣли имъ давать кормы, но они по дорогѣ купцовъ грабили; мили на двѣ, на обѣ стороны дороги, съ грабежемъ ѣздили и у людей всякую животину уводили: то бы тебѣ было вѣдомо.» О Стефанѣ Волошскомъ отвѣтили въ Москвѣ, что съ нимъ Государь въ дружбѣ и

---

[24] Напечатаны въ Ак. З. Р. т. 1, № 116, IX, изъ Литовской Метрики; по Польскимъ дѣламъ вѣрющая грамота писана «у Вильны Марта 18, индикта 13.»

свойствѣ, а по чему онъ теперь такъ учинилъ, не знаютъ, по тому что, послѣ заключенія мира съ Александромъ, объ этомъ къ Стефану еще не посылали. О грабежахъ пословъ сказали, что ихъ поѣздъ бралъ кормъ по приказу Приставовъ и при нихъ же, а напротивъ, людей нашихъ, что живутъ у нашей дочери, безчестятъ, грабятъ, а иныхъ и до смерти побили. Но объ чемъ Литовцы не хотѣли говорить, на томъ Московское Правительство настаивало, съ различными прибавленіями: «Все не по тому становится, какъ Александръ намъ обѣщалъ. Бояре съ Панами уложили, чтобы нашу дочь вѣнчать Митрополиту, или Епископу, нашего Греческаго Закона, а Александръ не дозволилъ этого; я приказывалъ ему, чтобы онъ, «насъ для,» поставилъ церковь во Дворцѣ для нашей дочери, а онъ намъ отказываетъ, что предки его, да и онъ самъ, постановили, что Греческихъ церквей больше не ставить; такъ братъ нашъ и зять пусть самъ и знаетъ, съ кѣмъ его предки и онъ законы постановляли, а намъ до тѣхъ законовъ нѣтъ ни какого дѣла; а что онъ говоритъ, что есть церковь Греческая близко къ Дворцу, то она далека для того, чтобы нашей дочери за все туда ходить. А что онъ велитъ нашимъ Боярамъ ѣхать отъ нашей дочери домой, то мы объ этомъ пришлемъ пословъ; да по чему онъ, когда уѣхали наши послы отъ него, отослалъ отъ нашей дочери нашихъ Бояръ и приставилъ къ ней слугъ все Римскаго Закона? Онъ бы теперь нашихъ Бояръ отъ нея не отсылалъ, «насъ для,» послѣ же приставилъ бы къ ней Пановъ и Паней только Греческаго Закона. Да еще вотъ что дѣлается: Александръ положилъ на нашу дочь свое платье, а Московское велѣлъ снять; наша дочь хотѣла объ этомъ обослаться съ нами, а онъ ей этого не позволилъ.» Повторено было и о титулѣ, такъ какъ и это посольство давало къ этому поводъ: «Нашъ братъ намъ обѣщалъ отказать съ посломъ, по чему онъ грамоты намъ пишетъ не по докончанью; ты же нынче объ томъ ни чего не говоришь, да и съ тобою грамота написана тоже не по докончанью: такъ за чѣмъ же твой Государь объ томъ не отказываетъ?» Отпуская посла, самъ Иванъ Васильевичъ говоритъ: «Скажи брату и зятю нашему, чтобы онъ стоялъ на томъ, что между нами записано; дочь нашу жаловалъ, къ Римскому Закону не нудилъ, и тѣмъ съ нами прочную дружбу не рушилъ!»

24 Мая этотъ посолъ поѣхалъ съ Москвы, и, въ слѣдъ за нимъ, поѣхалъ въ Литву Московскій гонецъ (27 Мая). На случай различныхъ вопросовъ ему данъ былъ Наказъ говорить, что рѣчей у него къ Великому Князю нѣтъ, а послалъ его Государь къ своей дочери, по тому что пришла вѣсть, что она недомогаетъ. Но тайно этотъ гонецъ долженъ былъ передать Еленѣ Ивановнѣ списокъ отвѣта, даннаго Литовскому послу, и спросить, какъ она живетъ; если чего нельзя самой сказать относительно этого, то передала бы это черезъ Бояръ. Отецъ приказывалъ Еленѣ Ивановнѣ, чтобы она заботилась о томъ, чтобы у нея слуги были Греческаго Закона, просила бы объ этомъ мужа, да такъ же просила бы еще о томъ, чтобы онъ продержалъ Бояръ до того времени, пока придетъ о томъ посольство отца. Боярамъ Иванъ Васильевичъ приказывалъ, чтобы они, если и будутъ имъ приказывать, не ѣхали изъ Литвы, пока не будетъ имъ о томъ приказано отъ него.

Укрѣпивъ этой посылкой свои требованія, Иванъ Васильевичъ не посылалъ за Боярами. Въ Литвѣ же, успѣвши разъ попросить помощи отъ Ивана Васильевича на Стефана, въ Іюлѣ [25] прислали гонца о помощи еще на другаго врага Литвы, на Менгли-Гирея. Но къ этой просьбѣ было прибавлено ходатайство Елены Ивановны, которая била челомъ отцу, чтобы онъ не держалъ ее безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ и всей его семьи, да такъ же поберегъ бы дѣло, о которомъ проситъ мужъ. Но между грамотами Александра и Елены Ивановны была та разница, что дочь писала полный титулъ отца, а зять его этотъ титулъ не употреблялъ. Отвѣтомъ на этѣ грамоты было посольство въ Литву [26] съ тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ готовъ помогать на Татаръ. Александръ благодарилъ за эту готовность, обѣщалъ прислать сказать, если Татары покажутся у его украйнъ. Но цѣль этой по-

[25] Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 16 Іюля; вѣрющая грамота писана «у Вильны, Іюля 5, индикта 13.»

[26] Напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 123; изъ текста, на основаніи Польскихъ Дѣлъ, можно видѣть, къ какому году оно относится; издатели отнесли его къ 1494 — 1495; посолъ былъ Третьякъ Долматовъ, который поѣхалъ изъ Москвы 19 Іюля.

сылки изъ Литвы въ Москву, какъ видно, была не Татары. Наконецъ, 27 Августа Иванъ Васильевичъ нашелъ, что должно вызвать своихъ Бояръ изъ Литвы въ Москву; но посольство, отправленное съ этой цѣлію, должно было повторить всѣ прежнія жалобы и требованія: о вѣнчаньѣ Елены Ивановны, о церкви и слугахъ Греческаго Закона и о титулѣ. Такая настойчивость вызвала слѣдующій отвѣтъ: «Слуги Римскаго Закона приставлены къ Великой Княгинѣ по тому, что они къ этому годны, и отъ этого ея Греческому Закону нѣтъ ни какой порухи. Грамота о Греческомъ Законѣ въ Москвѣ ужь есть, и по этому не къ чему давать новую.» Такъ какъ въ Москвѣ уже знали, какой отвѣтъ дадутъ о церкви Греческаго Закона, то посламъ былъ данъ Наказъ пересчитать, что прежде при Королѣ построены въ Литвѣ такія-то Православныя церкви; да также велѣно разузнать, нѣтъ ли гдѣ еще недавно построенныхъ Православныхъ церквей. Въ заключеніе отвѣта Литовцы обѣщали прислать о иныхъ дѣлахъ пословъ. [27]

Вопросъ былъ поставленъ такъ, что нужно было дать объясненія, а давать ихъ Литовцы не хотѣли, Москвичи же ждали обѣщанныхъ пословъ. Такимъ образомъ, въ теченіи перваго же года, послѣ заключенія между Государями родственнаго союза, у нихъ произошелъ разрывъ. Обстоятельства же какъ нарочно увеличивали враждебныя отношенія. Такъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что ѣхалъ къ нему посолъ отъ Турецкаго Султана черезъ Литовскія владѣнія, но его тамъ не пропустили. По этому онъ въ Генварѣ 1496 г. [28] послалъ въ Литву спросить только, по чему это тамъ такія дѣла дѣлаются. На это отвѣчали, что прежде черезъ Литовскія владѣнія Турецкіе послы не хаживали, и этого не пропустили, чтобы онъ дорогою не осматривалъ земель.

Литовцы не хотѣли давать отвѣтовъ на запросы Москвичей, но для нихъ какъ бы не требованія Москвичей, то давно необходимо было послать въ Москву посольство о своихъ иныхъ дѣлахъ. Прошло уже два года со времени заключенія мира, а земли,

---

27 Нѣсколько пунктовъ отвѣта напечатано изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 132.

28 Изъ Новгорода.

уступленныя Литвою, какъ они были заняты Московскими войсками и служебными Князьями, и потомъ только опредѣлены договоромъ, такъ и оставались и границы не были разведены. Въ слѣдствіе этого и многихъ другихъ причинъ пограничныя ссоры происходили постоянно. Намѣстники городовъ и служебные Князья позволяли дѣлать себѣ всевозможныя самоуправства и насилія; суда же по всѣмъ этѣмъ дѣламъ не было. Нѣкоторыя условія договора, назначенныя къ выполненію, постоянно откладывались, сначала за сватовствомъ, а теперь по тому, что Государи были заняты враждебными пересылками. Обо всѣхъ этѣхъ дѣлахъ было уже прежде не разъ упоминаемо послами, но безъ пользы. Въ слѣдствіе всего этого Литовцы были поставлены въ затруднительное положеніе, и теперь, какъ видно, воспользовавшись посольствомъ Ивана Васильевича о Турецкомъ послѣ, въ Мартѣ (1497 г.) прислали въ Москву посла. Рѣчи его содержали, впрочемъ, всѣ прежніе Литовскіе отвѣты на Московскія требованія, хотя уже не въ грубой формѣ. Александръ, для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ, предлагалъ съѣздъ судей на границахъ. [29]

Иванъ Васильевичъ обѣщалъ прислать отвѣтъ съ своимъ посломъ, и посолъ вскорѣ поѣхалъ (19 Мая, 1496 г.). Въ рѣчахъ его [30] не говорилось ни о титулѣ Государя, ни о дѣлахъ, связанныхъ съ бракомъ Елены Ивановны, но не говорилось и о дѣлахъ пограничныхъ; посолъ долженъ былъ говорить, что такъ какъ Александръ просилъ помощи на Менгли Гирея и Стефана Волошскаго, то послѣдніе дали извѣстіе въ Москву, что они съ Литовскимъ Государемъ хотятъ мира. Этѣ рѣчи кончались упоминаніемъ о Турецкомъ послѣ, но слѣдующими словами: «Ты, братъ, положи на своемъ разумѣ: вѣдь мы съ тобою въ любви, въ докончаньѣ и кровномъ связаньѣ, а ты ко мнѣ пословъ не пропускаешь?» Этотъ посолъ долженъ былъ говорить и Еленѣ Ивановнѣ, что ея отецъ заботится о дѣлахъ ея мужа, вводитъ его въ миръ съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ, а онъ къ нему Турецкаго

---

29 Ак. З. Р. т. 1, № 134 изъ Литовской Метрики. Здѣсь нѣтъ ни отвѣта на посольство, ни списка жалобъ.

30 Отрывокъ изъ нихъ напечатанъ Ак. З. Р. т. 1, № 136; перепечатано изъ Исторіи Князя Щербатова.

посла не пропустилъ и добраго житья съ нимъ не хочетъ. Послѣ перечета предъ Еленой Ивановной всѣхъ неисправленій Александра, рѣчи посла кончались словами, какими прежде Иванъ Васильевичъ предупреждалъ Новгородцевъ: «и то мнѣ, дочка, вельми въ досаду.»

Въ отвѣтъ на такое посольство въ Литвѣ опять заговорили прежнимъ гордымъ тономъ: «Братъ нашъ и тесть сказываетъ только о своихъ дѣлахъ, а не говоритъ, хотя и обѣщался, о чемъ мы посылали къ нему посла, что нашимъ подданнымъ съ его земель всякія обиды чинятся. А что онъ говоритъ, что Менгли-Гирей и Стефанъ хотятъ съ нами любви и докончанья, такъ ему извѣстно, какіе шкоды отъ нихъ намъ стались, и теперь дѣлаются, а по этому онъ можетъ судить, какими они могутъ быть намъ пріятелями. Мы отъ мира и пріязни съ ними не отказываемся, но пусть они шкоды исправятъ и впередъ не будутъ ихъ чинить!»

По прежнему въ заключеніи этѣхъ рѣчей Александръ обѣщалъ прислать объ иныхъ дѣлахъ пословъ. Въ Литовскихъ правительственныхъ бумагахъ записано по этому поводу посольство, имѣющее содержаніе дѣла о пограничныхъ ссорахъ; [31] но, какъ замѣтили издатели Литовскихъ документовъ, что при этомъ посольствѣ не обозначено ни времени, къ которому оно относится, ни имени посла, а по Московскимъ правительственнымъ бумагамъ оказывается, что это посольство никогда въ Москвѣ и не бывало. Теперь приготовленнаго посольства въ Москву изъ Литвы не посылали, по тому что поняли, какъ увидимъ сейчасъ, что нужно отвѣчать на слова: «то мнѣ, дочь моя, тѣ дѣла вельми въ досаду.»

Лѣтомъ 1496 г. Александръ сбирался, въ союзѣ съ своимъ братомъ, Яномъ Альбрехтомъ, воевать съ Стефаномъ, но походъ противъ него не состоялся въ слѣдствіе сопротивленія Пановъ. Въ этѣхъ дѣлахъ у Александра прошло всѣ лѣто и осень, наконецъ въ Литвѣ рѣшились завязать сношенія съ Москвою. Въ концѣ Ноября Александръ послалъ грамоту къ Ивану Васильевичу [32] такого содержанія: «Уразумѣли мы съ твоею дочерью, а

---

[31] Ак. З. Р. т. 1, № 137.

[32] Писана въ Берестьѣ 15 Ноября, привезъ ее Алексѣй Семичевъ.

нашей Великой Княгиней, что ты, братъ и тесть нашъ, хочешь вѣдать, для чего мы съ тобою добраго пожитья не держимъ, какъ слѣдовало бы быть между нами. Надѣемся, что ты самъ гораздо вѣдаешь, что ты забралъ многіе города и волости, которые издавна служили нашему Государству (когда забраны и какіе города, не говорится, а это важно). Ты мимо насъ входишь въ пріязнь и пересылаешься съ Турецкимъ, Перекопскимъ и Волошскимъ; ты приказываешь, чтобы мы съ Перекопскимъ и Волошскимъ были въ дружбѣ и пріязни, но послѣ того какъ ты съ ними пересылался, отъ нихъ еще большіе шкоды подѣлались и дѣлаются: а вѣдь, съ Божіею помощію, мы можемъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ быть лучшими пріятелями, чѣмъ они. Да еще съ тѣхъ поръ, какъ взяли мы съ тобою докончанье, нашимъ землямъ, не знаемъ, съ твоего ли вѣдома, или не съ твоего, дѣлаются многіе шкоды.» Слѣдующая половина грамоты отчасти разъясняетъ то, въ чемъ заключалась сущность неудовольствій Литовцевъ: «Ты бы, братъ нашъ, города и волости, которые забралъ у насъ, возвратилъ (здѣсь опять не говорится, когда они забраны и какіе), а шкоды велѣлъ оправить, и если будетъ у насъ съ тобою любовь по докончанью, то непріятели не будутъ на насъ мыслить, а пріятели радоваться.» И такъ первая сущность неудовольствій и всѣхъ грубыхъ отвѣтовъ Литовцевъ заключалась въ иномъ пониманіи ими докончанья. Къ подтвержденію этѣхъ объясненій Александра, Елена Ивановна написала къ отцу, вмѣстѣ съ гонцомъ, привезшимъ грамоту ея мужа: [33] «Била я челомъ мужу, чтобы онъ пожаловалъ меня волостями, что были за первыми Великими Княгинями Литовскими, но мужъ объявилъ, что отецъ мой поималъ многіе города и волости, и когда онъ отступится отъ нихъ, то и будутъ даны слѣдующія мнѣ волости.» [34]

---

[33] Содержаніе этой грамоты я возстановляю по послѣдующему Московскому отвѣту съ Ромодановскимъ, но самой грамоты въ дѣлахъ Польскихъ не записано. Въ посольствѣ Ромадоновскаго сказано, что та грамота прислана съ Семичевымъ а не съ Ангеловымъ, какъ сказано въ Исторіи Россіи т. 5, стр. 155 — 156, изд. 2. Ангеловъ ѣздилъ изъ Москвы къ Еленѣ Ивановнѣ собственно по ея дѣламъ (поѣхалъ Ангеловъ въ Литву 2 Ноября 1497 года).

[34] Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что всѣ неудовольствія Александра заключись въ томъ, что онъ жалѣлъ объ уступленныхъ имъ городахъ Россіи.

На такіе намеки Иванъ Васильевичъ не отвѣчалъ, и Литовцы рѣшились прислать уже посольство, спустя три мѣсяца послѣ присылки выше изложенныхъ грамотъ. Въ Мартѣ 1497 г. посолъ Александра въ Москвѣ говорилъ,[35] что обѣщанное посольство о пограничныхъ дѣлахъ до сихъ поръ не пріѣзжало. Но, кромѣ этого, Александръ явился предъ своимъ тестемъ ходатаемъ по извѣстному дѣлу Ганзейскихъ купцовъ и предлагалъ посредничество въ войнѣ съ Свѣйскимъ Губернаторомъ. Отвѣтъ на это былъ тотъ, что объ обидныхъ дѣлахъ уже посылали и пошлютъ еще посольство; Свѣйскіе правители могутъ прислать за перемирьемъ въ Новгородъ, а Ганзейскихъ купцовъ, хотя они и учинили лихое дѣло, но, по ходатайству Александра, выпустятъ.

Но Иванъ Васильевичъ все таки не посылалъ въ Литву пословъ. Тогда Литовцы въ другой разъ, не дождавшись отвѣта изъ Москвы, прислали еще свое посольство. Этотъ посолъ (пріѣхалъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ),[36] просилъ отъ Александра помощи у тестя на Турокъ, которые угрожаютъ Литовскимъ владѣніямъ нашествіемъ; да также говорилъ объ томъ, что на границахъ, особенно со стороны Князя Воротынскаго, дѣлаются страшные грабежи. Посла спрашивали Москвичи, куда Турки могутъ прійти на Литву и т. д., и въ заключеніе сказали, что ихъ Государь стоитъ на докончаньѣ и шлетъ посла.

Дѣйствительно, Иванъ Васильевичъ отправилъ посла въ Литву, и такимъ образомъ, спустя 11 мѣсяцевъ, послѣ послѣдняго своего посольства туда, снова началъ съ своей стороны сношенія. Но этотъ посолъ не долженъ былъ говорить ни о какихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ былъ присланъ послѣдній Литовской посолъ, т. е., о Туркахъ; онъ говорилъ, что Сапѣгу (имя Литовскаго посла) спрашивали, куда думаютъ ждать Литовцы прихода Турокъ, но Сапѣга этого не сказалъ, Государь же

---

[35] Ак. З. Р. т. 1, № 143; это посольство напечатано изъ Литовской Метрики, гдѣ оно безъ конца и безъ отвѣта.

[36] Вѣрющая грамота отъ 10 Мая, индикта 13, посолъ Писарь Ивашка Сапѣга; его нѣкоторыя рѣчи изъ Литовской Метрики напечатаны въ Ак. З. Р. т. 1, № 150. Въ дѣлахъ Польскихъ есть занимательный разговоръ Сапѣги съ Дьяками о Турецкихъ дѣлахъ.

хочетъ помогать зятю на Невѣрныхъ. Въ соотвѣтствіе жалобъ Литовцевъ на Князя Воротынскаго, посолъ говорилъ, что изъ Литовскихъ земель сдѣланы нападенія на земли Великаго Князя Рязанскаго. Но этотъ посолъ еще не воротился въ Москву, какъ оттуда поѣхалъ еще другой въ Литву, о томъ, что Александръ пошелъ войною на Стефана Волошскаго, такъ онъ бы вернулся, по тому что Стефанъ хочетъ съ Александромъ мира. Литовцы, не видя толку изъ того, что вызвали Москвичей на присылки къ нимъ, отвѣчали на оба посольства: что объ дѣлѣ Князя Рязанскаго разузнаютъ, за готовность помогать на Турокъ благодарятъ; но при отвѣтѣ на ходатайствѣ за Стефана Литовцы не выдержали и сказали: «Мы надѣемся, что братъ нашъ больше пріятель зятю своему, чѣмъ Стефану Волошскому, у котораго мы нашъ городъ Бряславль отняли и Стефана, какъ своего непріятеля, будемъ искать.»

Сношенія опять прекратились, но потомъ, случайно возобновившись, повели къ полному объясненію Москвичами всѣхъ своихъ требованій и къ окончательному разрыву. Дѣло было такъ. Ѣхалъ Московскій посолъ, Плещеевъ, отъ Турецкаго Султана, и его въ Путивлѣ задержали. По этому, въ Февралѣ, 1498 г., Иванъ Васильевичъ послалъ спросить зятя, по чему это постоянно въ его владѣніяхъ задерживаютъ пословъ? Въ Литвѣ объявили, что Плещеевъ ѣхалъ въ сопровожденіи Татаръ, которые грабили Литовскихъ подданныхъ, и по этому Путивльскій Намѣстникъ задержалъ его. [37] Давая и другія объясненія причинъ задержанія пословъ, изъ Литвы было отправлено посольство, въ которомъ, кромѣ дѣла Плещеева, говорилось о пограничныхъ дѣлахъ и выставлялось на видъ, что нужно же наконецъ ихъ разобрать.

Теперь Иванъ Васильевичъ рѣшился отступиться отъ своего молчанія; онъ, въ Мартѣ этого же года, отправилъ въ Литву Князя Василія Ромодановскаго, который долженъ былъ говорить о всѣхъ дѣлахъ, и также дать отвѣтъ на грамоты Александра и Елены Ивановны, служившія отвѣтомъ на вопросъ, по чему Александръ не хочетъ держать добраго пожитья съ своимъ тестемъ,

[37] Этотъ отвѣтъ напечатанъ изъ Литовской Метрики въ Ак. З. Р. т. 1, № 134.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе посольства Ромодановскаго къ Александру: «Не однажды ты говорилъ, что тебѣ не нравится, что ходятъ послы отъ насъ къ Перекопскому, Волошскому и Турецкому; то этѣ послы ходятъ о нашихъ дѣлахъ, а не на твое лихо. Перекопской и Волошской давнишніе наши союзники и теперь хотятъ съ тобою мира, ты же не хочешь мириться съ ними. А ты напротивъ посылаешь на наше лихо въ Заволожскую Орду и къ Стену Стуру Свѣйскому. Отъ съѣзда судей на границахъ мы не отказываемся, но ты къ намъ не правишь по докончанью.» Что не правитъ Александръ по докончанью, Ромодановскій долженъ былъ говорить на это о титулѣ, о церкви Греческаго Закона и т. д. Еленѣ же Ивановнѣ, въ отвѣтъ на ея грамоту о волостяхъ, которыя ей мужъ не даетъ, по тому что ея отецъ забралъ его города, Ромодановскій долженъ былъ сказать, что Иванъ Васильевичъ Александровыхъ земель не держитъ за собою, а держитъ только свои, что далъ ему Богъ отъ предковъ и что ему принадлежитъ по докончанью. Послѣ изложенія всѣхъ жалобъ на Александра, рѣчи Ромодановскаго къ Еленѣ Ивановнѣ кончались: «Мы тебя, дочка, дали за Александра, чтобы между нами была сердечная любовь, опричь докончанья.»

Но такія объясненія Ивана Васильевича повели только къ тому, что Александръ началъ посылать въ Москву посольства только о дѣлахъ пограничныхъ; но когда явилось посольство изъ Литвы въ Москву не съ однимъ изложеніемъ жалобъ, но и требованіемъ съѣзда судей на границахъ и назначенія для этого срока, то, въ отвѣтъ на это, Бояре сказали: «Сколько разъ было говорено о церкви Греческаго Закона, о новой утвержденной грамотѣ о Греческомъ Законѣ, о титулѣ Государя, который вы до сихъ поръ пишете не по докончанью и все это не выполнено. Вы намъ о тѣхъ начальныхъ дѣлахъ ничего не говорите, ино нашимъ Боярамъ какъ съ вашими Панами съѣхаться? Какъ имъ въ грамотахъ наше имя писать, коли братъ нашъ къ намъ о имени ни чего не приказываетъ и по докончанью не правитъ?» Этотъ отвѣтъ кончался угрозой: «Мы постоянно посылали къ Менгли-Гирею и Стефану, чтобы они были въ миру съ Александромъ, а нынѣ намъ посылать къ нимъ объ этомъ не пригоже, по тому что Александръ не правитъ по докончанью.»

Прежде, когда Иванъ Васильевичъ высказалъ, что ему поступки Александра въ досаду, то въ Литвѣ выждали время и послали лично отъ Александра и Елены Ивановны грамоты, содержащія различныя темныя объясненія, потомъ стали заговаривать о Туркахъ, Молдаванахъ, Ганзейцахъ и пограничныхъ дѣлахъ. Теперь же, послѣ второй угрозы Ивана Васильевича Александру, произошелъ разрывъ. Послѣдній отвѣтъ былъ данъ въ Іюлѣ, 1498 г. и съ этого времени ни наши правительственныя бумаги, ни Литовскія, не дѣлаютъ ни какого намека, чтобы между Правительствами были какія ни будь ссылки. Но этѣ ссылки вдругъ начались черезъ 11 мѣсяцевъ и повели уже къ войнѣ.

30 Мая, 1499 года, прислалъ изъ Вязьмы Князь Борисъ Михайловичъ Оболенскій-Туреня грамоту, которая передана ему чрезъ нѣсколько рукъ изъ Литвы отъ Шестака, служившаго у Елены Ивановны. Грамота была слѣдующаго содержанія: «Здѣсь, Господине, встало великое смятеніе между Латынянами и нашимъ Христіянствомъ. Въ нашего Владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да и въ Сапѣгу; Великій Князь неволитъ Государыню нашу въ проклятую Латинскую Вѣру; Государыню нашу Богъ научилъ, да помнитъ она наказъ Государя отца своего, и она отказала: Памятуешь, Государь, какъ съ Государемъ отцомъ реклъ, и я, Государь, безъ воли отца моего того не могу учинить, а обошлюсь съ Государемъ отцомъ, какъ онъ меня научитъ.» Да и все Православное Христіянство хотятъ окрестить, и отъ того наша Русь вельми съ Литвою другъ друга не любятъ. Ты бы этотъ списокъ послалъ до Государя; Государь того самъ не знаетъ; больше не смѣю писать; хорошо бы, если можно съ кѣмъ отказать.»[38]

Того же 30 Мая (какъ видно изъ числа подъ вѣрющей грамотой) Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву Мамонова; онъ долженъ былъ говорить Еленѣ Ивановнѣ наединѣ: «Дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой, Александръ, нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ своего Греческаго Закона къ Римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай; къ Римскому Закону не приступай, чтобы отъ Богу

---

[38] Ак. З. Р. т. 1, № 155; перепечатано отъ Щербатова; см. ниже гл. II, прим.

душею не погибнуть, а отъ насъ и всего Православнаго Христіянства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ Православію не дѣлай. Откажи ты намъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда къ мужу пошлемъ, за чѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанья.» Тоже писала къ Еленѣ Ивановнѣ и Софья Ѳоминична. Но, не дожидаясь отказа дочери, Иванъ Васильевичъ приказалъ Мамонову пытать въ Литвѣ мирны ли съ Литовскимъ и Польскимъ Перекопской, Волошской и Турки?

Кажется ясно, что за всѣмъ этѣмъ слѣдовало; теперь же на этомъ мы и остановимся, чтобы посмотрѣть, на сколько Ивану Васильевичу могли служить на пользу Перекопской и Волошской, и въ какихъ къ нимъ отношеніяхъ онъ былъ за послѣднее время.

ГЛАВА II.

Передъ войной.

Союзъ Москвы съ Стефаномъ Молдавскимъ и отношенія послѣдняго къ Литвѣ. — Сношенія Москвы и Литвы съ Крымомъ.—Враждебныя отношенія Москвы къ Литвѣ въ концѣ 1499 года; посольство Станислава Петрашковича Кишки. — Изслѣдованіе о годѣ Ведрошской битвы. — Объявленіе войны. — Отношенія Москвы къ Молдавіи и Крыму въ началѣ 1500 года.

I.

Въ борьбу Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ съ конца XV вѣка мало по малу начинаютъ втягиваться одинъ народъ за другимъ. Сношенія съ Турціею Ивана III, на которыя указывалъ Александръ, не имѣли ни какого значенія для отношеній Литвы къ Турціи, такъ какъ этѣ сношенія были большею частію только по дѣламъ торговымъ. Совсѣмъ другого рода были сношенія Москвы съ Молдавіей. Эта несчастная страна, вмѣстѣ съ Валахіей, получила себѣ населеніе, такъ сказать, изъ оческовъ отъ всѣхъ народовъ, проходившихъ чрезъ горы, лежащія отъ нея на западъ. Эта страна страдаетъ въ продолженіи всей своей исторіи отъ того, что этѣ очески народовъ, усѣвшіеся около Прута и нижняго Дуная, окружены постоянно сильными сосѣдями. Каждый изъ этѣхъ сосѣдей готовъ былъ присоединить этѣ земли къ себѣ, но, въ слѣдствіе соперничества искателей, этѣ страны не присоединились ни къ одному изъ нихъ, и въ тоже время, въ слѣдствіе этой же причины, не могли составить изъ себя ни чего цѣльнаго, сильнаго. Но во второй половинѣ XV вѣка Молдавія выставила изъ среды своего народа знаменитаго Стефана, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Воеводы Волошскаго. Въ слѣдствіе личныхъ талантовъ, борясь поочередно со всѣми сосѣдями, при ничтожности средствъ, Стефанъ былъ истиннымъ

Казакомъ и велъ съ сосѣдями постоянно мелкую войну. Съ 1480 года мы имѣемъ извѣстія о сношеніяхъ Стефана съ Иваномъ III; въ этомъ году ѣхалъ, какъ мы знаемъ, въ Крымъ посломъ Князь Иванъ Звѣнецъ; съ нимъ былъ отправленъ человѣкъ, долженствовавшій изъ Крыма проѣхать въ Молдавію. Этому человѣку было наказано говорить Стефану, что если онъ захочетъ послать въ Москву своего человѣка и будетъ сомнѣваться, какъ тому человѣку назадъ пріѣхать: «только, Господине, пошли своего человѣка добраго къ Великому Князю, а Великій Князь твоего человѣка велитъ проводить.» Этому Московскому человѣку наказано было такъ говорить по тому, что онъ везъ письмо къ Стефану о томъ, что Иванъ Васильевичъ согласенъ взять за своего сына, Ивана Ивановича, дочь Стефанову. Это дѣло, при ходатайствѣ матери Ивана Васильевича, скоро состоялось. Между Стефаномъ и Иваномъ Васильевичемъ составился не только родственный союзъ, но и политическій, который, какъ можно судить по общей формѣ Московскихъ союзовъ того времени, былъ именемъ на Короля Казимира и его дѣтей. До насъ не дошли записанныя дипломатическія сношенія Москвы съ Молдавіей за время Ивана III; впрочемъ, они существовали подъ названіемъ книгъ Волошскихъ.[39] Сношенія этѣ происходили первоначально черезъ Крымъ, а потомъ, во время мира съ Литвою, черезъ Литву; черезъ Крымъ обыкновенно пересылались такъ, что посолъ, ѣхавшій къ Менгли-Гирею, имѣлъ въ своемъ поѣздѣ посла въ Молдавію и просилъ Царя, чтобы онъ велѣлъ проводить посла до Стефана Воеводы, а на возвратномъ пути отъ послѣдняго въ Москву. Стефанъ и Менгли-Гирей, ведшіе одинаковымъ образомъ войну, были между собою въ союзѣ. Когда Иванъ Васильевичъ прекратилъ сношенія съ Крымомъ, то естественно прекратились они и съ Молдавіей.

Мы видѣли, что тотчасъ послѣ брака Александра съ Еленой Ивановной, Литовскій посолъ говорилъ въ Москвѣ, что Стефанъ пришелъ тайно и захватилъ городъ Бряславль, и на это получилъ отвѣтъ, что съ Стефаномъ Великій Князь давно въ свойствѣ и одиночествѣ, а теперь не знаетъ, по чему такъ Стефанъ сдѣлалъ,

[39] Это можно видѣть, на пр., изъ Дѣлъ Крымскихъ, а также изъ описи Царскаго Архива; см. Ак. Арх. Э. т. 1, № 289, стр. 344.

по тому что съ тѣхъ поръ, какъ Государь взялъ миръ съ Александромъ, еще къ Стефану посла не посылалъ. Посолъ изъ Москвы въ Молдавію дѣйствительно отправился черезъ Литву въ 1495 году.[40] Содержаніе этого посольства, какъ и многихъ другихъ, мы не знаемъ, но дѣло у Александра съ Молдавіей заключалось въ томъ, что хотя въ концѣ своей жизни Казимиръ былъ въ миру съ Стефаномъ, но послѣ 1492 года Казимировичи придумали четвертаго изъ нихъ, Сигизмуда, посадить на Молдавскій престолъ. Нападеніе Яна Альбрехта на Стефана и осада Сучавы въ 1494 году были неудачны, и съ тѣхъ поръ Стефанъ началъ дѣлать набѣги, даже иногда въ союзѣ съ Турками, на южные предѣлы Литовскихъ и Польскихъ владѣній.[41] Предложеніе посредничества Ивана Васильевича Александръ, какъ мы видѣли, дурно принялъ; но этѣ враждебныя отношенія Стефана къ Казимировичамъ кончились миромъ, и потомъ снова возобновились послѣ смерти Яна Альбрехта.[42] Объ этомъ же времени исторіи Молдавіи мы больше узнаемъ данныхъ изъ сношеній Москвы съ Крымомъ, къ которымъ и обратимся; сношенія же съ Молдавіей, по общему ходу дѣлъ, въ сущности своей, не могутъ во многомъ отличаться отъ сношеній съ Крымомъ, и по этому Крымскія дѣла могутъ показать, въ чемъ состояли и сношенія съ Молдавіей.

Съ Ноября 1493 года въ Крымѣ былъ Московскимъ посломъ Константинъ Малечкинъ. Во все время переговоровъ съ Литвою о мирѣ и бракѣ, изъ Москвы въ Крымъ ни объ чемъ не посылали; наконецъ 3 Мая, 1495 года, изъ Москвы были отпущены туда люди Менгли-Гирея, вмѣстѣ съ Татарами Великаго Князя. Они ѣхали не степью, а черезъ Литовскія владѣнія. Татары везли въ Крымъ грамоты, въ которыхъ говорилось Царю: «У насъ нынѣ таково дѣло сталось: прислалъ къ намъ Александръ своихъ пословъ, прося насъ, чтобы намъ съ нимъ помириться и дочь

---

[40] См., на пр., Ак. З. Р. т. 1, № 132, отвѣтъ Кутузову, бывшему въ Литвѣ 1495 года, въ Сентябрѣ.

[41] См. Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, соч. Зубрицкаго, въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск.,» 1862 г., кн. 3, стр. 2 и далѣе; Румын. Государства, соч. Палаузова, стр. 77.

[42] Литовская Метрика, 5 книга записей, л. 269 — 271.

свою за него выдать; мы съ нимъ помирились, дочь за него дали, и то бы тебѣ, брату нашему, было вѣдомо; а я на чемъ тебѣ слово молвилъ, на томъ и стою—*другу другъ, а недругу недругъ*, — и ты бы также на своемъ словѣ стоялъ.» Въ Наказѣ Малечкину было сказано: «Спроситъ Царь, чего дѣля Великій Князь помирился съ Литовскимъ? отвѣчать: я того не вѣдаю, а мнѣ Государь писалъ въ грамотѣ, что на чемъ онъ слово молвилъ, на томъ и стоитъ.» Изъ Москвы были посланы въ Крымъ поминки, которые долженъ былъ раздать Малечкинъ. При этомъ ему приказывалось, когда его будетъ отпускать Царь съ своими послами, то ѣхать на Литовскія владѣнія. Послы Крымскіе дѣйствительно пріѣхали въ Москву, и Менгли-Гирей писалъ къ Ивану Васильевичу, что онъ миру и родству съ Александромъ подивился; потомъ Царь, пересчитавши свои подвиги (взятіе Кіева, борьбу съ Ахматовыми дѣтьми и т. д.) говорилъ, что «мое дѣло, вѣроятно, лживо было предъ тобою;»[43] въ заключеніе прибавлялъ: «мы помиримся съ Александромъ на веснѣ, въ новомъ городкѣ.»

До полученіи этого отвѣта Менгли-Гирея, мы видѣли, что Александръ уже требовалъ помощи, какъ на Стефана, такъ и на Татаръ. Вѣроятно, одновременно съ отвѣтомъ отъ Менгли-Гирея, полученъ былъ отвѣтъ отъ Стефана[44] и Иванъ Васильевичъ, отправляя въ Литву Михайла Яропкина Кляпика (19 Мая, 1496 года), приказывалъ ему говорить, что Менгли-Гирей и Стефанъ хотятъ съ Александромъ мира. Отвѣтъ Александра мы видѣли; онъ говорилъ, что Стефанъ и Менгли-Гирей многіе шкоды его владѣніямъ сдѣлали, но отъ пріязни съ ними онъ не отрекается. Дѣйствительно, изъ Литвы, въ то время, когда готовились воевать съ Стефаномъ, отправили въ Крымъ (18-го Августа, 1496 года) посла, Каспара Гармантовича, съ поминками; рѣчи этого посла, какъ

---

[43] Карамзинъ слова письма Менгли-Гирея до крайности поэтизировалъ, изложивши ихъ въ видѣ чувствительныхъ упрековъ варвара; но ни чего этого не бывало, и въ Исторіи Россіи прямо указано, что Менгли-Гирей, высказавши удивленіе миру съ Литвою, просилъ разныхъ поминковъ; этѣ запросы выписаны въ Истор. Рос. т. 5, стр. 153, изд. 2.

[44] Съ предложеніемъ Стефану помириться съ Александромъ, до 1499 года, ѣздило изъ Москвы только одно посольство; см. Ак. Зап. Р. т. 1, № 161.

послѣ извѣщалъ въ Москву Менгли-Гирей, были слѣдующія: «Мы сѣли на конь противъ Стефана; но у насъ съ тобою недружбы не было бы.» Менгли-Гирей на это отвѣчалъ: «У насъ съ Стефаномъ правда и рота есть, и его намъ оставить нельзя: если хочешь мириться съ нами, то мирись и съ нимъ, и намъ всѣмъ правду и роту учини!» Но такъ какъ одновременно съ Каспаромъ Гармантовичемъ съ такими же поминками отправился изъ Литвы посолъ Халецкій къ Ахматовымъ дѣтямъ, [45] то это не укрылось отъ Менгли-Гирея: онъ схватилъ Литовскаго посла и по обычаю не отпускалъ, а въ то же время послалъ своихъ Татаръ грабить Литовскія владѣнія. Много онъ послать не могъ, по тому что посольство Халецкаго въ Орду безпокоило его: что если Ахматовы дѣти выйдутъ противъ него? Въ Москвѣ не знали объ этомъ, и въ Сентябрѣ того же 1496 года отправили посломъ въ Крымъ Князя Ивана Звѣнца. Онъ долженъ былъ говорить о мирѣ съ Александромъ слѣдующее: «Мы не сослались тогда съ тобою, по тому что тогда зима была и намъ нельзя было отправить пословъ. Ты къ намъ приказываешь, что съ Литовскимъ хочешь мира и помиришься, ино то вельми добро; если же Литовской возметъ съ тобою миръ, и, будучи съ нами въ миру, учинится кому ни будь недругомъ, то мы тогда съ тобою сошлемся и учинимъ по думѣ, какъ намъ съ Литовскимъ пригоже дѣло дѣлать.» Въ Наказѣ Князю Звѣнцу было сказано: «Скажетъ Царь: «Литовской со мною не мирится, такъ Великій Князь будетъ ли со мною на него?» отвѣчать: «Я тебѣ говорилъ въ посольствѣ, что объ этомъ нужно вамъ переслаться, а мой Государь съ тобою на всякаго недруга за одинъ.»

Въ то время, какъ Менгли-Гирей занялся, кромѣ Литовскаго дѣла, еще и тѣмъ, что опасался появленія Ахматовыхъ дѣтей, въ Москвѣ, какъ и прежде, не считали болѣе нужнымъ посылать въ Крымъ пословъ, хотя тамъ главный Московскій посолъ, Князь Звѣнецъ, скончался. Лѣтомъ 1497 года прислалъ Менгли-Гирей грамоту, что къ нему, черезъ Астрахань, дошли слухи о томъ, что что-то случилось съ Магметъ-Аминемъ. Иванъ Васильевичъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого (въ Ноябрѣ), послалъ

[45] Ак. З. Р. т. 1, № 142.

было грамоту къ Менгли-Гирею о томъ, какъ Магметъ-Аминь потерялъ престолъ, и какъ онъ туда посадилъ Абдыллетифа; но Татары, посланные съ этѣми письмами, воротились изъ степи, по тому что случилась гололедица:—«полило траву ледомъ.» Когда въ Февралѣ, 1498 года, пріѣхалъ отъ Турецкаго Султана Плещеевъ и привезъ грамоты и отъ Менгли-Гирея, который извѣщалъ о своихъ дѣлахъ съ Литвою и о томъ, что Александръ наводитъ на него Ахматовыхъ дѣтей, Иванъ Васильевичъ нашелъ необходимымъ переписаться съ Менгли-Гиреемъ. Онъ отправилъ Бориса Челищева посломъ въ Крымъ (Апрѣля 29). Въ посольствѣ Челищева говорилось: «Ты пишешь, что Великій Князь Александръ ведетъ нашихъ недруговъ на тебя, и мнѣ бы стоять, на чемъ я слово молвилъ; то я на своемъ словѣ стою, и пойдетъ на тебя Орда, то мы пошлемъ на нее Касимовскаго Царя, братанича твоего, да также и свою Русскую рать, и кромѣ того пошлемъ въ Казань, чтобы и Абдыллетифъ послалъ туда свою рать.» Мы видѣли, что, по поводу проѣзда Плещеева черезъ Литву, начались у Ивана Васильевича съ Александромъ объясненія, и этѣ объясненіи въ посольствѣ Челищева отразились такъ: ему данъ былъ Наказъ: «Если скажетъ Царь: «Князь Великій Александръ со мною немиренъ и хочетъ ити на меня;» на это Борису отвѣчать: «Ты, Господине, пошли объ этомъ къ моему Государю, а онъ, какъ прежде тебѣ молвилъ, такъ и теперь на томъ стоитъ: хочетъ съ тобою Александръ помириться, ино то добро, а не хочетъ, то мой Государь съ тобою на всякаго недруга за одинъ и на Литовскаго.»

Въ отвѣтъ на это посольство, пріѣхали изъ Крыма послы (19 Августа, того же 1498 года), и съ ними пріѣхали люди, бывшіе въ Крыму съ Княземъ Звѣнцомъ. Такъ какъ съ прежними послами изъ Москвы наказывали постоянно говорить о различныхъ грабежахъ Крымцевъ, то теперь Менгли-Гирей, отвѣчая о тѣхъ грабежахъ, большею частію кончалъ свои объясненія такъ, что лихихъ людей много, и съ ними ни чего не сдѣлаешь. О томъ же, что дѣлается между Крымомъ и Литвою, объ этомъ, во первыхъ, писалъ Борисъ Челищевъ: «Менгли-Гирей приказалъ говорить къ Стефану: «Лядской Король и Великій Князь Александръ присылали ко мнѣ своихъ людей, и молвятъ такъ: «Помирись съ

нами, а мы пойдемъ на Волошскаго,» а я имъ молвилъ: «Я съ вами не мирюсь;» да люди Альбрехтовы и Александровы у меня пойманы, и я изъ нихъ послалъ одного человѣка къ нимъ сказать: «Хотите помириться съ Стефаномъ, и я васъ помирю, буду вамъ третій, а не помиритесь съ нимъ, ино я на васъ иду съ Стефаномъ;» Александръ того человѣка поймалъ и посадилъ на колъ, а Александровы люди и Альбрехтовы сидятъ у меня въ поминаньѣ, да я у нихъ и деньги поймалъ.» О дѣлахъ съ Ахматовыми дѣтьми Челищевъ писалъ: «Сказываютъ, что Орда вельми охудѣла и опала; да сказывали: приходили Черкасы на большую Орду, и побили Татаръ добре много, и Царю подъ Черкасы жить немочно, и онъ хочетъ пойти на сю сторону Дона; а братъ твой, Менгли-Гирей, нынѣча выступилъ со всѣми людьми изъ Перекопа и идетъ его искать.» Самъ же Менгли-Гирей писалъ къ Ивану Васильевичу объ этѣхъ дѣлахъ слѣдующее: «Намъ нынѣ Литовскому Великому Князю недругомъ надо быть. Ты приказывалъ съ Княземъ Звѣнцомъ, что если хотимъ помириться съ Александромъ, то извѣстить тебя объ этомъ: такъ у насъ съ Александромъ были многія мирныя рѣчи, онъ прислалъ посла, Каспара, и мы съ нимъ срокъ учинили, когда посламъ объ мирѣ пріѣхать, и тотъ срокъ теперь минулъ; послѣ этого мы слышали, что Александръ къ Шихъ-Ахмату пословъ отпустилъ, а самъ хочетъ на Стефана ити, и то все Александровъ обманъ; по этому ты, братъ, на шерти стоялъ бы противъ Александра и мнѣ вѣсть далъ.» Этѣ письма кончались: «Братство свое учини, 70,000 денегъ пришли» и т. д.

Такъ знали въ Москвѣ, по сношеніямъ съ Крымомъ, о состояніи дѣлъ въ степяхъ, къ Августу 1498 года. Въ это время, какъ мы видѣли, Литовскимъ посламъ отвѣчали въ Москвѣ, что Александръ не правитъ по докончанью, и по этому объ его дѣлахъ непригоже посылать ни къ Менгли-Гирею, ни къ Стефану. Однако же, по этому случаю отправлено было въ Крымъ посольство съ Княземъ Семеномъ Ромодановскимъ. Литовской посолъ, Станиславъ Петрашковичъ говорилъ въ Москвѣ о дѣлахъ Литвы съ Крымомъ слѣдующее: «Мы послали къ Менгли-Гирею своего посла, Каспара Гармантовича, чтобы быть ему съ нами въ миру и пріязни; онъ намъ сказалъ, что хочетъ слать своихъ пословъ;

а за тѣмъ его люди пришли на наши украйны подъ городъ Черниговъ и шкоды починили, многихъ людей въ плѣнъ повели, а посла нашего Менгли-Гирей по сіе время у себя держитъ. А Воевода Волошскій черезъ свою землю Турецкія войска пропустилъ, и они намъ шкоды чинятъ.» Въ слѣдствіе этѣхъ словъ, Князю Семену Ромодановскому было наказано: «Какъ дастъ Богъ, пріѣдешь къ Царю, и будетъ тамъ человѣкъ Великаго Князя, Александра, то спросить того человѣка, хочетъ ли онъ быть съ тобою у Царя, и захочетъ быть, то не отговариваться, а править передъ нимъ посольство; да напередъ себя послать къ Царю человѣка, котораго будетъ пригоже, сказать: «Рѣчи, Господине, отъ Государя моего къ тебѣ: одна явная, предо всѣми людьми говорить, а другую рѣчь говорить къ тебѣ на единѣ.» Рѣчь явная состояла въ предложеніи мира съ Александромъ и чтобы быть всѣмъ троимъ за одинъ; да о томъ, что съ тѣмъ же послано и къ Стефану. Въ тайной рѣчи говорилось: «Помиришься съ Александромъ, или нѣтъ, обо всемъ дай вѣдать, а мы съ тобой стоимъ за одинъ на Ахматовыхъ дѣтей и на Литовскаго; да отвѣтъ на твое послѣднее посольство пришлемъ, когда возвратится отъ тебя Ромодановской.» Ромодановскому была дана, кромѣ этого, слѣдующая память: «Учнетъ Менгли-Гирей ссылаться съ Александромъ большими людьми, или малыми, а тебѣ велитъ у себя быть, доколѣ между ними миръ состоится, и тебѣ того ждать, отъ Царя не ѣхать, доколѣ Царь не отпуститъ.»

Ромодановскій остался въ Крыму, Челищевъ же возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ Царевымъ человѣкомъ. Менгли-Гирей извѣщалъ: «Прислалъ ко мнѣ Александръ гонца съ грамотою, и въ ней писано, чтобы я рать свою унялъ, вотчину его воевать не велѣлъ, а его посла, Каспара, отпустилъ, по тому что онъ обѣщался ко мнѣ прислать другаго посла объ мирѣ и дружбѣ; съ чѣмъ его посолъ пріѣдетъ, то я часа того же пришлю къ тебѣ своего человѣка съ тѣми рѣчьми, и какъ велишь дѣлать съ Александромъ, такъ и буду дѣлать.» Кромѣ этого Менгли-Гирей писалъ: «Литовской съ недругами нашими, Шихъ-Ахматомъ и Муртозою, другомъ учинился, а нынѣ ко мнѣ прислалъ людей о дружбѣ, и я Каспара отпустилъ; правду же и ложь Александрову

Богъ доведетъ въ скорые дни.» Менгли-Гирей также извѣщалъ, что у недруговъ Орда голодна и стоитъ около Астрахани. [46]

Въ такомъ состояніи находились степныя дѣла къ началу 1499 года, когда Иванъ Васильевичъ получилъ изъ Литвы грамоту о принужденіи Елены Ивановны къ Римской Вѣрѣ, и когда онъ еще не зналъ, что Стефанъ помирился съ Казимировичами; по этому естественно было наказывать Мамонову: пытать въ Литвѣ, мирны ли съ Литовскимъ и Польскимъ Перекопской, Волошской и Турки. Но, не смотря на это, послѣ 30 Мая, Иванъ Васильевичъ не скоро послалъ въ Крымъ, и Ромодановскій оставался тамъ при прежнемъ Наказѣ.

II.

Въ то время, какъ Мамоновъ поѣхалъ въ Литву, послѣ его отъѣзда (6-го Іюня) пріѣхалъ отъ Александра гонецъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Елена Ивановна больна, и что Великій Князь хочетъ слать особыхъ пословъ «о нѣкоторыхъ дѣлахъ.» Но обѣщанные Литовскіе послы долго не ѣхали въ Москву, такъ что 13-го Іюля Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву Андрея Кутузова справиться о здоровьѣ Елены Ивановны и на единѣ напомнить ей о крѣпкомъ состояніи въ Греческомъ Законѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что отвѣчала Елена Ивановна Мамонову и Кутузову. Что же дѣлалось въ это время въ Литовскомъ правительственномъ мирѣ? Это состояніе дѣлъ всего лучше отразилось въ посольствѣ, которое обѣщалъ прислать Александръ. Оно явилось въ Августѣ, 1499 года, съ Маршалкомъ Станиславомъ Глѣбовичемъ. Въ вѣр щей грамотѣ написанъ былъ полный титулъ Ивана Васильевича, исключая словъ «Государь всея Руси.» Посолъ говорилъ отъ Великаго Князя, Александра, что Менгли-Гирей съ нимъ не мирится, а Стефанъ Воевода помирился, но теперь на Стефана идутъ Турки, и ему, какъ защитнику Христіянства, должно помочь. Кромѣ того, Литовской посолъ началъ говорить: «Ты писалъ и съ послами наказывалъ, что мы твое имя пишемъ не по докончальнымъ грамотамъ; по когда мы ихъ писали, то ты

---

[46] Дѣла Крым. № 1, конецъ, съ 446 стр.

записалъ въ нашъ листъ всѣ города и замки, опричь замка Кіева, и теперь, когда его запишешь, или особую запись на него дашь, то мы и будемъ твое имя такъ писать.» Но этѣ рѣчи о титулѣ не удовлетворяли Москвичей, и Бояре, отъ имени Великаго Князя, отвѣтили послу: «Что за безлѣпицу приказываетъ Александръ? Онъ по докончанью все это долженъ править; мы приказываемъ ему о церкви, Панахъ и Паньяхъ Греческаго Закона, а изъ этого и теперь еще ни чего не сдѣлано.» Но къ этѣмъ словамъ, и другимъ старымъ жалобамъ, Бояре въ первый разъ сказали Литовцамъ: «Александръ теперь дочь нашу нудитъ къ Римскому Закону, и этѣмъ показываетъ явно то, что онъ добраго житья съ нами не хочетъ.» Такъ какъ Литовскіе послы привезли съ собою списокъ съ тайныхъ рѣчей Ромодановскаго къ Менгли-Гирею, добытыя въ Крыму, и выставляли, какъ упрекъ, что въ нихъ говорилось (т. е., что Иванъ Васильевичъ съ Царемъ за одинъ и на Литовскаго, то на этѣ рѣчи отвѣчали Бояре: «Александръ послалъ на насъ къ нашимъ недругамъ, Ахматовымъ дѣтямъ, и мы того ради послали къ Менгли-Гирею такую рѣчь: а если Александръ такъ дѣлаетъ, то какому добру, или миру, быть между нами?» Отпуская пословъ, самъ Иванъ Васильевичъ говорилъ имъ: «Если Александръ, и такъ ни чего не правя по докончанью, еще будетъ нашу дочь нудить къ Римскому Закону, то онъ тѣмъ съ нами нежитья не хотѣлъ бы.»

Обстоятельства торопили къ окончательному разрыву. Лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ того, какъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что его дочь нудятъ въ Римскую Вѣру, прислалъ къ Великому Князю Литовскій служебный Князь, Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, бить челомъ, чтобы Государь пожаловалъ, взялъ въ службу съ отчиною; Князь Бѣльскій сказывалъ, что на нихъ, Православныхъ, пришла великая нужда о Греческомъ Законѣ: посылалъ къ нимъ Князь Великій, Александръ, отметника Греческаго Закона, Іосифа, Владыку Смоленскаго, да Бискупа Виленскаго и чернецовъ Бернардиновъ, чтобы приступали къ Римскому Закону.[47] Государь Иванъ Васильевичъ Князя Семена Бѣльскаго пожаловалъ, взялъ его въ службу и съ его отчиною. Впрочемъ,

---

[47] Здѣсь слова лѣтописи слово въ слово схожи съ правительственными рѣчами, говоренными по этому поводу Московскими послами въ Литвѣ.

дѣло принятія въ службу Князя Бѣльскаго и потомъ другихъ Князей произошло нескоро; конецъ 1499 года и начало 1500 прошли въ переговорахъ съ ними.

Станиславъ Глѣбовичъ былъ въ Москвѣ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ Октябрѣ пріѣхалъ изъ Крыма Князь Семенъ Ромодановскій и привезъ грамоты отъ Менгли-Гирея, который писалъ: «Мы съ Александромъ помиримся по твоему слову;» далѣе, излагая опасенія, что теперь Турецкій Султанъ прислалъ въ Кафу своего сына, и что со временемъ это можетъ грозить ему опасностію, Царь говорилъ: «Кіевъ и Черкаской городокъ пусть будутъ твои, и когда мы подкочуемъ къ Кіеву, или Черкаскому городку, то твои люди будутъ мои, а мои твои» и т. д. Потомъ въ числѣ грамотъ Менгли-Гирея была слѣдующая: «Крѣпко ли ты вѣришь Александру? Онъ посылалъ къ Ахматовымъ дѣтямъ и приводилъ ихъ на насъ, да къ моему городку часто его люди приходятъ и пакости чинятъ; да не платитъ онъ пошлины въ Крыму за соль и ясака, который прежде платили съ Кіева и иныхъ городовъ.» Прошло послѣ пріѣзда Ромодановскаго около двухъ мѣсяцевъ, и тогда Иванъ Васильевичъ (19 Декабря) отправилъ къ Александру Ивана Мамонова съ слѣдующими рѣчами: «Мы посылали къ Менгли-Гирею Боярина Ромодановскаго, чтобы онъ помирился съ тобою, и онъ хочетъ мириться съ тобою;» на какихъ условіяхъ долженъ состояться этотъ миръ, Мамоновъ представилъ выше изложенную грамоту. На такое предложеніе въ Литвѣ отвѣчали: «Пусть братъ и тесть самъ посмотритъ, можно ли такъ дѣлать; ни мы, ни наши предки никогда такой дани не платили; мы же посовѣтуемся, и о всѣхъ дѣлахъ откажемъ съ своими послами.»

Въ началѣ 1500 года всѣ дѣла у Москвичей съ Литовскими служебными Князьями были устроены: Князь Семенъ Бѣльскій былъ уже принятъ въ Московскую службу, и съ извѣстіемъ объ этомъ отправился изъ Москвы въ Литву Дмитрій Загряжскій; съ ними ѣхалъ и человѣкъ Князя Бѣльскаго, чтобы сложить присягу за своего Господина. Загряжскій говорилъ отъ Ивана Васильевича Александру: «Въ докончальныхъ грамотахъ записано, чтобъ намъ Князей служебныхъ съ отчинами не принимать на обѣ стороны; но когда всѣмъ Православнымъ въ Литвѣ пришла такая нужда въ вѣрѣ Греческаго Закона, которой напередъ отъ твоего

отца и предковъ не бывало, то мы, ради той нужды, приняли Князя Семена въ службу съ отчиною: то бы тебѣ было вѣдомо, и ты въ отчину нашего слуги не вступался и людямъ его обиды и силы не дѣлалъ.» Объ этомъ принужденіи въ Вѣрѣ, какъ причинѣ отъѣзда, и самъ Князь Бѣльскій послалъ грамоту къ Александру. [43]

Въ слѣдъ за Княземъ Бѣльскимъ пріѣхали служить Князья Масальскіе, Князь Хотѣтовскій и многіе другіе, и въ то же время велись переговоры съ Князьями Стародубскимъ и Сѣверскимъ. Литва, какъ и прежде, была застигнута въ расплохъ. Когда такія дѣла совершались на границахъ, обѣщанное и приготовленное Литовцами посольство (на вѣрющей грамотѣ означено 5 Марта), пріѣхало въ Москву 23 Апрѣля. Послами были: Станиславъ Петрашковичъ Кишка, Намѣстникъ Смоленскій, и Писарь Ѳедько Григорьевичъ. Теперь, въ вѣрющей грамотѣ, въ первый разъ Литовцы написали титулъ: «Государь всея Руси,» и по чему прежде его не писали, въ рѣчахъ этѣхъ пословъ объяснялось не такъ, какъ въ рѣчахъ Станислава Глѣбовича: «Мы прежде воздержались писать твое имя по докончанью, по тому что вскорѣ послѣ докончанья съ твоей земли нашимъ землямъ начались дѣлаться такія великія кривды, что и трудно высказать; и ты, братъ нашъ, о нихъ сказалъ, что до тѣхъ поръ ихъ не исправятъ, пока твое имя не будетъ написано по докончанью. Мы теперь написали имя твое по докончанью, и хотимъ все по немъ править, какъ и прежде правили, а ты бы, братъ нашъ, вспомнилъ докончанье и, противъ него, Князей служебныхъ не принималъ. Что же касается до принужденія въ Вѣрѣ, о чемъ ты приказывалъ къ намъ съ Загряжскимъ, и что тебѣ сказалъ Князь Семенъ Бѣльскій, то онъ тебѣ не умѣлъ правды повѣдать: онъ лихой человѣкъ и нашъ измѣнникъ, мы его уже три года и въ глаза не видали. У насъ, по милости Божіей, въ Литовскомъ Великомъ Княжествѣ много Князей и Пановъ Греческаго Закона, получше того измѣнника, и мы и наши предки силою ихъ къ Римскому Закону никогда не приводили; такъ ты бы, братъ нашъ, ради того измѣнника не ломалъ докончанья, а Бѣльскаго и другихъ нашихъ измѣнниковъ намъ вы-

---

[43] См. выше ч. 1, гл. 1.

далъ.» Отвѣтомъ на этѣ рѣчи были слѣдующія слова: «Сколько лѣтъ братъ нашъ и зять не правилъ намъ по докончанью, и теперь только одно имя наше написалъ по докончанью; но мы ему прежде говорили не объ одномъ нашемъ имени, а и о Панахъ, Паньяхъ и церкви Греческаго Закона для нашей дочери; а нынѣ больше того дѣлается,—нашу дочь и всѣхъ Православныхъ нудятъ къ Римскому Закону: велѣлъ наставить Римскихъ божницъ по Русскимъ городамъ, женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцевъ отнимаютъ и силою крестятъ въ Римскую Вѣру; такъ это называется не нудить Руси къ Римскому Закону? Ради этѣхъ гоненій мы приняли Князя Бѣльскаго и другихъ къ себѣ въ подданство; изъ докончанья же не выступали ни въ чемъ.» [49]

---

[49] Подъ № 155 въ Актахъ Западной Россіи, въ 1 томѣ, напечатана приведенная выше (ч. II, гл. 1) грамота изъ Литвы о принужденіи Елены Ивановны къ Римскому Закону. Издатели отнесли ее не къ 1499 г., 30 Мая, а «къ 1498 году, прежде Мая.» Они не видали подлинныхъ актовъ и сами сослались на то, что перепечатали грамоту изъ сочиненія Князя Щербатова. Но время, къ которому ее отнесли, обозначили они сами. По чему они такъ умствовали, то можемъ думать, что къ этому, какъ видно, принудилъ ихъ одинъ документъ изъ Литовской Метрики, который они напечатали подъ № 179. Здѣсь же считаю долгомъ замѣтить одно, что въ выше сдѣланныхъ примѣчаніяхъ указано, какіе дипломатическіе документы находятся въ Литовской Метрикѣ, и при этомъ всякой можетъ судить, что достоинство ихъ не имѣетъ ни малѣйшаго права равняться съ достоинствомъ Московскихъ правительственныхъ бумагъ, по тому что бѣдность ихъ содержанія бросается въ глаза. Такъ какъ этѣ акты изъ Литовской Метрики по большей части уже прежде были напечатаны въ Сборникѣ Муханова, то невольно удивляешься и спрашиваешь, за чѣмъ же они въ Ак. З. Р. снова перепечатаны? Но удивленіе возрастаетъ еще болѣе, когда знаешь, что Литовскія Государственныя бумаги изданы по два раза, а Московскія по сіе время составляютъ Архивское достояніе. Выше я не дѣлалъ ссылокъ на страницы Польскаго Статейнаго Списка, по тому что въ Исторіи Г. Р. и въ Ист. Р. они уже сдѣланы большею частію по посольствамъ. Въ Ист. Рос. только ошибочно, на основаніи А. З. Р., грамота о принужденіи къ Вѣрѣ Елены Ивановны отнесена къ 1498 году. Самыя же подробныя ссылки на Статейный Списокъ, на всѣ посольства по страницамъ, можно видѣть въ довольно полномъ извлеченіи изъ Польскихъ дѣлъ, сдѣланномъ Бантышъ-Каменскимъ. Это извлеченіе напечатано въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1860 г., въ кн. 4-й, подъ заглавіемъ: «Переписка между Россіею и Польшею.»

Подъ № 179 въ Актахъ Западной Россіи напечатаны документы, содержащіе будто бы одно посольство изъ Литвы въ Москву, въ 1500 году, и отвѣтъ

Съ этѣмъ отвѣтомъ поѣхали Литовскіе послы изъ Москвы, но въ то же, должно быть, время посланъ былъ изъ Москвы къ

на него. Сличеніе этого посольства изъ Метрики съ Статейнымъ Спискомъ возможно по тому, что послѣднія страницы 1 № Польскаго Статейнаго Списка заключаютъ въ себѣ именно это посольство и отвѣтъ на него. Надо прибавить, что въ Метрикѣ отвѣтъ на посольство не весь (хотя издатели, не видя этого изъ Метрики, въ примѣчаніи объ этомъ не сказали; но объ этомъ будетъ ниже), а въ Статейномъ Спискѣ есть нѣсколько лишнихъ статей противъ Метрики, но все таки отвѣтъ не весь, по тому что послѣднихъ листовъ недостаетъ въ Спискѣ. Этотъ № Актовъ Западной Россіи замѣчателенъ тѣмъ, что всякаго, кто хотя немного знакомъ съ Русской Исторіей, приведетъ въ смущеніе, а людей, занимающихся ею, еще болѣе. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Извѣстно, что Ведрошская битва была въ 1500 году, 14 Іюля, а это посольство, отъ 5 Марта, 1500 года, говоритъ, о Ведрошской битвѣ, какъ о событіи совершившемся. Сличая напечатанное изъ Литовской Метрики съ Статейнымъ Спискомъ, выходитъ, что въ Статейномъ Спискѣ недостаетъ въ рѣчахъ пословъ главное пунктовъ, которые въ Метрикѣ говорятъ о Ведрошской битвѣ. Отвѣтъ, какъ уже замѣчено, въ Статейномъ Спискѣ не полный, но все таки полнѣе, чѣмъ въ Метрикѣ, и по этому можно бы было предполагать, что если Москвичи, по неотчетности, не сполна записали посольскія рѣчи, то, по крайней мѣрѣ, въ своемъ отвѣтѣ могли упомянуть о Ведрошской битвѣ, но этого въ отвѣтѣ мы не имѣемъ. Въ такомъ положеніи остается, по видимому, повѣрить изданному изъ Литовской Метрики, а не Статейному Списку. Такъ и сдѣлали издатели Актовъ Западной Россіи: они не повѣрили ни Щербатову, ни Карамзину (впрочемъ, если только заглядывали по этому случаю въ текстъ сочиненій исторіографовъ), а отодвинули всѣ событія назадъ и, какъ выше замѣчено, такъ они поступили и съ грамотой о принужденіи въ Вѣрѣ Елены Ивановны; но за то, оставивъ послѣдующія посольства по Метрикѣ, на своемъ мѣстѣ, они и не предположили, что этѣмъ спутаны всѣ событія того времени. Наконецъ издатели не вѣрили и Русскимъ лѣтописямъ, которыя говорятъ, что Ведрошская битва была въ 1500 году, 14 Іюля. Можетъ быть, они вѣрили Польскимъ лѣтописцамъ? Правда, у Стрыйковскаго Ведрошская битва отнесена къ 1499 году, но достоинство этой лѣтописи Стрыйковскаго и при не очень внимательномъ изученіи, открывается скоро; она составлена изъ нѣсколькихъ лѣтописей и самымъ небрежнымъ образомъ; у него часто встрѣчается, что обо одномъ событіи разсказано по два раза и подъ разными годами. Но здѣсь дѣло не объ лѣтописцахъ, а объ правительственныхъ памятникахъ. Въ Исторіи Россіи, въ 5 томѣ, въ примѣчаніи 109, указано на разногласіе такихъ памятниковъ, «долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый;» мнѣ желательно было отыскать причину такого разногласія. Въ Голицынской выпискѣ изъ Статейныхъ Списковъ (находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ названіемъ № 2 Польскихъ Дѣлъ) нѣтъ и намека, чтобы въ концѣ отвѣта на посольство было упоминаніе о Ведрошской битвѣ. По видимому, что не сами издатели Метрики въ Ак. Зап. Россіи сдѣлали, по

Александру Телешевъ, во первыхъ, объявить, что ради принужденія въ Вѣрѣ Православнымъ отъ Католиковъ, просились въ Мо-

---

неотчетности, это дѣло, свѣдѣтельствуетъ обозначеніе листовъ подъ изданнымъ посольствомъ: посольство на одномъ мѣстѣ, а отвѣтъ на другомъ. Для объясненія этого дѣла мнѣ случилось самому встрѣтить, и тоже прежде нашелъ Проф. И. Д. Бѣляевъ, который, на вопросъ Проф. С. М. Соловьева, отвѣчалъ во «Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (1855 г., кн. 1), о годѣ Ведрошской битвы, именно, что подъ № 179 Актовъ Западной Россіи, въ 1 томѣ, существуетъ смѣсь двухъ посольствъ въ одно. На первыхъ страницахъ 192 № Актовъ Запад. Рос., подъ которымъ напечатанъ Московскій Статейный Списокъ (который, въ смутное время, Поляки взяли себѣ, а послѣ третьяго раздѣла Польши онъ возвратился въ Россію) находится рѣчь Литовскаго посла въ Москвѣ, Пана Нарбута, въ 1501 году, и она слово въ слово схожа съ прибавкой № 179, въ которой говорится о Ведрошской битвѣ. Но теперь возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ же образомъ могло случиться, что посольства разныхъ годовъ въ Литовской Метрикѣ смѣшаны въ одно? И. Д. Бѣляевъ предполагаетъ, что вся эта смѣсь «ясно показываетъ (?), что эта часть Литовской Метрики списана съ Московской Посольской Книги (во время пребыванія Статейныхъ Списковъ въ Польшѣ), и списана небрежно, съ пропусками, съ перемѣною листовъ.» Во первыхъ, не можетъ быть, чтобы чрезъ 100 слишкомъ лѣтъ Поляки стали поправлять свои Государственныя бумаги по Московскимъ; а во вторыхъ, Литовская Метрика такъ составлена, что предположить подобнаго ни какъ нельзя. Я предполагалъ (см. мой отчетъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1865 г., Дек. кн.), что при запискѣ въ Метрику множества накопившихся правительственныхъ бумагъ, писцы перемѣшали бумаги и записали ихъ дурно. Во всякомъ случаѣ, дѣло можно было рѣшить несравненно лучше, если такіе сомнительные напечатанные памятники сличить съ подлинной рукописью Литовской Метрики. Я видѣлъ книги Литовской Метрики, и въ нихъ нашелъ слѣдующее. Во первыхъ, большею частію, гдѣ издатели Актовъ Западной Россіи ссылались, что такой-то памятникъ напечатанъ изъ 6 книги записей, то должно искать этотъ памятникъ въ 5 книгѣ, и обратно. Во вторыхъ, пункты посольствъ, находящихся въ Метрикѣ (это также относится и къ посольству, что подъ № 179), издатели Актовъ Западной Россіи въ одномъ мѣстѣ соединяли, а въ другомъ разставляли, по собственному благому усмотрѣнію. Издатели исправляли слогъ актовъ и вставляли цѣлыя слова, на примѣръ, почти въ началѣ каждаго пункта вставлено слово «всказалъ,» а его въ подлинникѣ не имѣется; впрочемъ, для иныхъ, можетъ быть, это неважно. Издатели, въ примѣчаніи къ № 179, на стр. 206, написали: «Въ заглавіи отмѣчено: Посольство до Великаго Князя Ивана Васильевича Паномъ Станиславомъ Петровичомъ, Намѣстникомъ Смоленскимъ, а Писаремъ Ѳедкомъ Григорьевичемъ. Выше: мѣсяца Февраля 28 дня, индикта 3.» Это примѣчаніе не совсѣмъ вѣрно. (Такое же почти заглавіе дано этому посольству и въ Сборникѣ Муханова; тамъ это посольство напечатано подъ №№

сковскую службу Князья Стародубскій, Семенъ Ивановичъ Можайскій и Сѣверскій, Василій Ивановичъ Шемячичъ, и Великій

---

70 и 71, но несравненно лучше, чѣмъ въ Актахъ Западной Россіи). Невѣрность заглавія заключается въ слѣдующемъ, что будто выше поставлено мѣсяца Февраля 28 дня, индикта 3. Мои глаза насилу могли усмотрѣть, что дѣйствительно весьма выше, въ концѣ посольства къ Татарскому Мурзѣ Тивикилею, * поставлено только «индикта 3,» о мѣсяцѣ же Февралѣ ни чего не сказано. Но между этѣмъ обозначеніемъ времени и настоящимъ заглавіемъ посольства находится на листѣ пустое мѣсто строчекъ на 6. При этомъ нужно замѣтить, что въ Метрикѣ годъ, мѣсяцъ и число обыкновенно обозначаются (хотя и очень рѣдко, такъ какъ большею частію бумаги въ Метрикѣ безъ обозначенія времени ихъ происхожденія) въ концѣ посольства. И такъ, это посольство по Метрикѣ безъ числа, и его можно узнать только по нашимъ Польскимъ Дѣламъ, именно: вѣрющая грамота Литовскихъ пословъ отъ 5 Марта, а пріѣхали въ Москву послы 23 Апрѣля. Какъ же случилась прибавка посольства Нарбута къ рѣчамъ Станислава Кишки? Какъ я прежде предполагалъ, что должно быть писцы, записывавшіе въ Метрику посольства, произвели эту смѣсь, то, провѣривши по подлинной Метрикѣ, въ этомъ еще больше убѣдился. Именно: эта часть Метрики составлена такъ, что въ 5 книгѣ записей находятся большею частію Государственныя бумаги (на примѣръ, посольство въ разныя Государства), при чемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ книги держались, при запискѣ бумагъ, лѣточислительнаго порядка, а въ другихъ частяхъ встрѣчается полная смѣсь всякихъ бумагъ различныхъ временъ. Въ той части, гдѣ находится посольство, что напечатано въ Актахъ Западной Россіи подъ № 179, держались лѣточислительнаго порядка, но при этомъ, гдѣ, по времени, слѣдовало бы написать посольство Нарбута 1501 г., тамъ написанъ отвѣтъ на посольство Станислава Кишки, а гдѣ долженъ былъ быть, по мѣсту, этотъ отвѣтъ, тамъ посольство Нарбута; но все таки самое посольство Нарбута съ посольствомъ Станислава Кишки въ Метрикѣ не смѣшано такъ, какъ смѣшали его издатели Актовъ. Въ Метрикѣ иногда, при запискѣ посольствъ въ одно Государство, отдѣляли ихъ не такимъ большимъ пустымъ мѣстомъ, какъ между посольствами въ разныя Государства, но все таки разставка между посольствомъ Кишки и Нарбута существуетъ. Но, кромѣ этой разставки, всякой можетъ видѣть, по изданному въ Актахъ, что посольство Нарбута начинается обширнымъ титуломъ Великаго Князя Александра, такимъ титуломъ, который обыкновенно употребляется въ началѣ посольскихъ рѣчей, и не повторяется при каждомъ пунктѣ одной и той же рѣчи посла. Впрочемъ, это всего лучше можно видѣть изъ напечатаннаго не въ Актахъ Западной Россіи, а въ Сборникѣ Муханова, на страницѣ 101, гдѣ, не мудрствуя, напечатано такъ, какъ въ первый разъ представляется написанное въ Метрикѣ.

Теперь нужно сказать о томъ, что въ рѣчахъ Станислава Кишки изъ Литовской Метрики находятся въ концѣ два пункта, которыхъ нѣтъ въ Статей-

* Въ Литовской Метрикѣ въ одну книгу вмѣстѣ записывали посольства въ разныя страны.

Князь принялъ ихъ въ службу съ ихъ отчинами. Въ это же время была подана Александру складная грамота,[50] которая содержала слѣдующія слова: «Великій Князь Александръ по докончанью не правитъ: Великую Княгиню Елену, Князей и Пановъ Русскихъ къ Римскому Закону нудитъ; по этому Великій Князь Иванъ Васильевичъ складываетъ съ себя крестное цѣлованіе, и за Христіянство хочетъ стоять, сколько Богъ ему поможетъ.» Въ Литвѣ отвѣчали послу о Князьяхъ: «Отцы этѣхъ Князей измѣнники твоего Государя, и пришли они въ Литву, сдѣлавши извѣстно какое дѣло надъ Великимъ Княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, и надъ самимъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ; въ Литвѣ ихъ приняли, и дали имъ вотчины на прожитокъ, а они, измѣнники, по привычкѣ своихъ отцовъ, теперь измѣнили намъ, да и надъ вашимъ Государемъ также потомъ учинятъ измѣну; нашъ же Го-

---

номъ Спискѣ, а въ Статейномъ Спискѣ. въ отвѣтѣ на это посольство, есть пункты, которыхъ нѣтъ въ отвѣтѣ въ Метрикѣ. Этѣ пункты рѣчей Станислава Кишки хотя и не записаны въ Статейномъ Спискѣ, однако были говорены въ Москвѣ, по тому что лишніе пункты Статейнаго Списка есть отвѣтъ на этѣ пункты Метрики. Какъ же случилась такая разница записи въ Государственныя книги? На это можно сдѣлать то предположеніе, на основаніи общаго состава Статейныхъ Списковъ, что въ Москвѣ слышали этѣ пункты, но не записали въ книги, въ то же время отвѣтъ на нихъ приготовили, можетъ быть, даже и говорили, но въ спискѣ, данномъ Литовскому послу, этѣхъ пунктовъ не помѣстили, а по тому ихъ въ Литовской Метрикѣ, нѣтъ (впрочемъ, если Москвичи и дали Литовцамъ полный отвѣтъ, то Литовцы, по небрежности, которая весьма видна изъ состава Метрики, могли записать въ книги отвѣтъ не сполна). Подобный обычай у Москвичей часто употреблялся. При этомъ нужно замѣтить, что разница въ редакціяхъ Метрики и Статейныхъ Списковъ рѣзко бросается въ глаза, и если нужно было печатать дипломатическую часть Метрики, то можно дѣлать такъ, какъ и сдѣлали въ одномъ мѣстѣ издатели Актовъ Западной Россіи, напечатавъ подъ № 192 Статейный Списокъ, сличая его съ Метрикой (какъ бы и слѣдовало издавать всегда такія бумаги); они въ нѣсколькихъ мѣстахъ указали на эту разницу редакцій.

50 Въ лѣтописи сказано, что Телешовъ поѣхалъ съ отказомъ о Князьяхъ, а съ складной грамотой посланъ Афонасъ Шеенка Вязмитинъ. Въ лѣтописи этѣ событія совершенно сходно разсказываются съ правительственными дукументами. Содержаніе складной грамоты взято изъ Голицынской выписки (стр. 54 — 55), въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Д. II, № 2.

сударь знаетъ только свои отчины, ихъ же отчинъ не вѣдаетъ.»[51] Послѣ такихъ, по видимому, обидныхъ словъ, отвѣтъ Литовцевъ все таки кончался слѣдующимъ образомъ: «А что ты говорилъ Государю нашему объ иныхъ большихъ дѣлахъ, то объ этомъ нашъ Государь шлетъ своего посла вашему Государю.» Подъ этѣми большими дѣлами Литовцы, какъ видно, разумѣли складную грамоту. Воевать они не хотѣли, но война уже началась, и было поздно ее останавливать.

Этѣ отношенія Москвы къ Литвѣ, за послѣднее время, отразились и на ихъ отношеніяхъ къ Молдавіи и Степнякамъ. Еще Иванъ Васильевичъ не успѣлъ извѣстить о своихъ послѣднихъ дѣлахъ съ Литвою ни въ Крымъ, ни въ Молдавію, какъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1500 года,[52] пріѣхалъ отъ Стефана Ѳедько Исаевичъ, Намѣстникъ Хотинскій, и Дьякъ Шандра. Изъ ихъ рѣчей оказывается, что Александръ уже извѣщалъ Стефана о своихъ дурныхъ отношеніяхъ къ тестю; по этому теперь Стефанъ предлагалъ своему свату, Ивану Васильевичу, взять миръ съ своимъ зятемъ, Александромъ. Въ Москвѣ на это объяснили, что нерады враждѣ, но Александръ не правитъ по докончанью: имя своего тестя пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и въ то же время, противъ докончанья, свою Великую Княгиню и всѣхъ Русскихъ нудитъ къ Римскому Закону. Этѣ рѣчи кончались тѣмъ, что если съ Александромъ не станется миръ, то объ этомъ пришлютъ къ Стефану посла, а онъ бы, по докончальнымъ грамотамъ и крестному цѣлованію, помогалъ и на Литовскаго наступалъ.[53] Этотъ посолъ дѣйствительно пріѣхалъ къ Стефану, но уже въ началѣ 1501 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправляя въ Крымъ пословъ Менгли-Гирея, Иванъ Васильевичъ отпустилъ съ ними своего посла, Князя Ивана Семеновича Кубенскаго, которому было наказано говорить Царю: «Мы, по твоему слову. посылали къ Александру и

[51] Ак. З. Р. т. 1, № 180. Этотъ актъ изъ Литовской Метрики не имѣетъ въ себѣ складной грамоты.

[52] Лѣтописи: Никоновская, Софійская и Воскресенская подъ 1500 годомъ.

[53] Ак. З. Р. т. 1, №№ 161 и 162 содержатъ Молдавскія посольства. Они напе-

говорили, какого ты миру хочешь съ нимъ, а онъ намъ приказалъ, что его люди, при его отцѣ и дѣдахъ, никогда вашими даньщиками не бывали; объ этомъ онъ обѣщалъ прислать еще пословъ, но они долго не ѣхали, а теперь пріѣхали и говорятъ, что ихъ Государь такого миру не хочетъ, и коли онъ съ тобою, моимъ братомъ, миру не хочетъ, то и я съ нимъ миру не хочу. Да которые у него были Ордынскіе послы, и онъ ихъ отпустилъ въ Орду, приказавъ сказать Ахматовымъ дѣтямъ, чтобы они шли на насъ...» и т. д. Кубенскому[54] также было наказано говорить:

чатаны изъ Литовской Метрики и относятся не къ 1498, или 99, году, какъ обозначили издатели, а несравненно позднѣе:

Во первыхъ, по упоминаемымъ въ посольствахъ лицамъ и событіямъ, къ первой половинѣ 1501 года. Послѣ Ѳедьки Исаевича, который былъ въ Москвѣ въ Апрѣлѣ 1500 года (см. Лѣтопись подъ 1500 годомъ), назначался ѣхать въ Москву Дьякъ Костантинъ, но, прежде отправленія его, говорится въ посольствѣ Стефана къ Александру, былъ у Стефана Московскій посолъ съ объясненіемъ причинъ войны. Изъ Крымскихъ Дѣлъ мы узнаемъ, что, вмѣстѣ съ Иваномъ Мамоновымъ, ѣхалъ черезъ Крымъ къ Стефану Земскій Дьякъ Никита (объ немъ, вѣроятно, и говорится въ началѣ посольства Стефана къ Александру). Мамоновъ и Никита выѣхали изъ Москвы 11 Августа, 1500 года, и попали въ Крымъ къ Рождеству Христову. Далѣе въ посольствахъ (№№ 161 и 162) говорится, что Стефанъ отправилъ къ Менгли-Гирею посла о дѣлѣ Александра, и когда онъ воротится, то о послѣдствіяхъ его посольства Стефанъ извѣститъ. Изъ Крымскихъ Дѣлъ узнаемъ, что подобный гонецъ пріѣзжалъ отъ Стефана въ Крымъ, послѣ пріѣзда туда Мамонова, одновременно съ гонцемъ Александра, на второй недѣлѣ послѣ Пасхи 1501 года. И такъ этѣ посольства можно отнести къ первой половинѣ 1501 года, когда въ борьбу Москвы съ Литвою втягивались, кромѣ Степняковъ, Молдавія и другіе народы. Здѣсь нужно замѣтить, что № 161 есть дополненіе къ № 162, какъ слѣдуетъ по смыслу.

Во вторыхъ, по мѣсту нахожденія этѣхъ посольствъ въ Литовской Метрикѣ. Въ этомъ мѣстѣ Метрики держались при запискѣ Государственныхъ бумагъ лѣточислительнаго порядка. Впереди посольствъ въ Молдавію находится посольство къ Менгли-Гирею, отъ 27 Ноября, 1500 г.; оно напечатано въ Актахъ Западной Россіи подъ № 183. Послѣ этого идутъ посольства къ Шихъ-Ахмату, отрывки изъ которыхъ напечатаны подъ № 184, и послѣ этого уже посольство въ Молдавію. Этѣ мои слова можно провѣрить по обозначенію листовъ Метрики подъ посольствами въ Актахъ Западной Россіи.

[54] Князь Кубенскій поѣхалъ въ Крымъ 13 Апрѣля; см., на примѣръ, Никоновскую лѣтопись; но когда пріѣхали въ Москву Литовскіе послы, Станиславъ Петрашковичъ и Ѳедько Григорьевичъ, то объ этомъ къ Кубенскому была послана грамота съ наказомъ.

«Мой Государь нынѣ въ размирьѣ съ Литовскимъ, а размирье между ними и отъ того, что пріѣхалъ Князь Семенъ Бѣльской съ отчиною, и Государь его принялъ, да еще велѣлъ засѣсть иные города и волости Литовскіе; да Государь безъ твоего вѣдома не будетъ мириться съ Литовскимъ.» Князь Кубенскій везъ съ собою въ Крымъ поминки и ѣхалъ степью; здѣсь уже три мѣсяца дожидались Азовскіе Татары, не поѣдутъ ли послы; они напали на Кубенскаго и всѣ поминки и деньги пограбили; самому Кубенскому удалось ускакать отъ Татаръ, при чемъ онъ, изъ предосторожности, всѣ бумаги, которыя съ нимъ были, бросилъ въ воду. Этотъ случай очень огорчилъ Менгли-Гирея; онъ завелъ сношенія съ Кафинскимъ Султаномъ, которому принадлежалъ Азовъ, чтобы тотъ досталъ разбойниковъ и взялъ бы у нихъ казну Кубенскаго. Послѣ къ Ивану Васильевичу писалъ Менгли-Гирей: «чтобы были мы съ тобою здоровы, а казна у насъ будетъ.» Князь Кубенскій пріѣхалъ въ Крымъ весьма ко времени.[55] По видимому, Иванъ Васильевичъ начиналъ теперь войну при тѣхъ же отношеніямъ къ Степнякамъ, какъ въ началѣ девяностыхъ годовъ, но уже то, что въ степяхъ показалось много Азовскихъ Татаръ или Казаковъ, этѣхъ обломковъ Золотой Орды, предвѣщало, что между Степняками началось какое-то движеніе; а Александръ дѣйствительно вызывалъ изъ за Дона Ахматовыхъ дѣтей, чтобы они поискали, какъ ихъ предки, дороги на Русь и сказнили своего холопа.

---

[55] Дѣла Крымскія, № 2, посольство Кубенскаго.

ГЛАВА III.

Война.

Ведрошская битва и ея слѣдствія.—Набѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія.—Сношенія Литовцевъ съ Шихъ-Ахматомъ; Нагайцы.—Посольства: Венгерское, Польское и Литовское въ Москвѣ, въ началѣ 1501 года; переписка Якова Захарьевича съ Яномъ Забережскимъ.—Отношенія Ивана III къ Ливонскимъ Нѣмцамъ и союзъ послѣднихъ съ Литвою. —Война 1501 года: Степняки, битва подъ Мстиславлемъс, Ливонія. Письмо Якова Захарьевича къ Яну Забережскому въ началѣ 1502 года; уничтоженіе Золотой Орды; набѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія; вражда Стефана Молдавскаго къ Польшѣ; война около Пскова и осада Смоленска.

I.

Война въ сущности началась ранѣе, чѣмъ послана была въ Литву разметная грамота. Съ помощію Князей было подготовлено все для того, чтобы только явились Московскія войска и занимали одинъ городъ за другимъ. Съ различныхъ сторонъ должны были войти Московскія войска въ Литовскія владѣнія. 3-го Мая былъ посланъ къ Князьямъ Яковъ Захарьевичъ, и онъ, приводя ихъ къ присягѣ, въ то же время, съ ихъ помощію, занималъ города. Послѣ этого къ Іюлю мѣсяцу, Князья Шемячичъ и Можайскій, потомъ Князья-отъѣзчики изъ Литвы начала девяностыхъ годовъ, бывшіе Тверскіе служебные Князья, наконецъ служебные Московскіе Татары, всѣ они, вмѣстѣ съ Московскими Князьями и Боярами, подъ предводительствомъ Князя Данила Щеняти, около Дорогобужа, у рѣки Ведроши, на Митьковомъ полѣ, 14 Іюля (т. е., того же числа, когда была Шелонская битва), сошлись съ Литовскими войсками, предводимыми Великимъ Гетманомъ Литовскимъ, Княземъ Константиномъ Острожскимъ, [56] 17-го Іюля прискакалъ

---

[56] Разрядныя Книги Арх. Мин. Ин. Д., № 1-й, 1500 годъ.

отъ войскъ въ Москву Михайло Андреевичъ Плещеевъ и объявилъ Государю, что, Божіею помощію, Московскія войска побили Литовскія; радость въ Москвѣ была велія. Самъ Князь Константинъ Острожскій, со многими знатными Литовскими Панами, попалъ въ плѣнъ Москвичамъ. Знаменитая побѣда была одержана соединенными въ однихъ рукахъ средствами всей удѣльной системы; послѣдняя передъ тѣмъ, какъ ей сойти со сцены исторіи, выставила теперь огромное число талантовъ. Эта знаменитая побѣда дала въ настоящее время возможность, во первыхъ, укрѣпить за Москвою все занятое до Іюля, и во вторыхъ, продолжать дальнѣйшія завоеванія Литовскихъ владѣній. 17 Августа Иванъ Васильевичъ, отправляя въ Крымъ съ посольствомъ Ивана Мамонова, велѣлъ ему пересчитать передъ Царемъ пріобрѣтенія отъ Литвы за лѣто 1500 года (до Августа) такъ: «Князь Семенъ Ивановичъ Можайской пріѣхалъ съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, а Василій Ивановичъ Шемячичъ съ Новымъ Городкомъ Сѣверскимъ и многими волостями; Князья Трубчевскіе съ Трубчевскомъ и волостями, Мосальскіе съ Мосальскомъ и съ волостями, Князь Семенъ Ивановичъ Бѣльской съ своею отчиною. Да иные города наши Воеводы взяли, Пановъ и Намѣстниковъ поимали и къ намъ прислали, а на тѣхъ городахъ нашихъ Намѣстниковъ посажали, а города взятые: Брянскъ, Серпейскъ, Дорогобужъ, Опаковъ, Радогощъ и иные;» но кромѣ этого были еще взяты Путивль и Торопецъ. Иванъ Васильевичъ писалъ Менгли-Гирею, что онъ собиралъ рати и намѣревался по первому снѣгу отпустить ихъ къ Смоленску, но снѣга выпали большіе, и конскаго корма около Смоленска было мало. Князья-отъѣзчики изъ Литвы, старые и новые, спѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы захватить сколько можно побольше волостей въ свою пользу. Пространства всѣхъ пріобрѣтеній Ивана Васильевича были таковы, что онъ, чрезъ пословъ своихъ въ Крыму, говорилъ Царю, чтобы тотъ шелъ одноличнo на Литовскую землю ратью, и шелъ бы къ Слуцку, Турову и Минску того дѣля, что по сей сторонѣ Днѣпра, милосердіемъ Божіимъ, почти всѣ земли наши. Послѣ Ведрошской побѣды Александръ хотѣлъ остановить Московскія завоеванія тѣмъ, что намѣревался начать переговоры; для этого онъ прислалъ въ Москву посла просить опасной грамоты для пріѣзда своихъ

пословъ. [57] Но этѣ послы явились не скоро, а Александру пришлось еще отбиваться отъ Татаръ.

Въ относительно спокойныхъ передъ этою войною Ордахъ вдругъ показались какія-то судорожныя движенія. Безъ всякаго возбужденія со стороны Москвичей, еще до пріѣзда Князя Кубенскаго въ Крымъ, нѣсколько Царевичей вышли изъ Перекопа и начали грабежи Литовскихъ (Туровскія мѣста) и Польскихъ украйнъ. Они воротились съ своихъ подвиговъ 24 Іюля, а немного ранѣе воротились съ грабежей трое Мурзъ Ширинскихъ, которые воевали земли Князя Острожскаго и захватили однихъ плѣнныхъ 5000 головъ. Менгли-Гирей, когда къ нему пріѣхалъ Князь Кубенскій, собралъ орды 15,000 человѣкъ, и послалъ ее съ Царевичами на Литовскія владѣнія, а самъ собирался со всею Ордою къ Кіеву и желалъ, чтобы туда же послана была рать Ивана Васильевича. Послѣдній, однако, отъ этого требованія отписывался тѣмъ, что къ Кіеву всѣ дороги ограблены и выжжены, и по этому рати посылать нельзя. Орда, посланная съ Царевичами, дѣлала въ Литовскихъ владѣніяхъ слѣдующее: въ 1501 году Московскіе послы въ Крыму прислали Государю такой списокъ: [58] «Лѣта 7008 (1500) посылалъ Царь Менгли-Гирей своихъ Царевичей воевать Литовскую землю, и воевали Хмельникъ и посадъ сожгли, да Вишневецъ, да Кременецъ, да Березынь на Стырѣ рѣкѣ; да въ Лятской землѣ взяли городъ Рубещовъ и сожгли, да городъ Люй на Бугѣ рѣкѣ, да городокъ Бѣлзу, да Львовъ, до Бойской на Сокалѣ рѣкѣ, да Холмъ, да Люблинъ, да Красной Ставъ, посадъ сожгли; да въ Литовской землѣ воевали Берестъ и посадъ сожгли, а съ города окупъ взяли, да воевали Каменецъ Литовской, Володимерецъ, Лученскъ, Бряславль; а полону взяли въ Лядской землѣ, сказываютъ, съ 50,000 душъ; а пришли Царевичи по Николинѣ дни, люди многіе по Рождествѣ.» Съ одной стороны побѣды и захваты Москвичей, а съ другой этѣ набѣги Крымцевъ, повели къ тому, что въ то время, какъ пошли Царевичи воевать, пріѣхалъ гонецъ изъ Литвы въ Крымъ, на Успеньевъ день, и привезъ гра-

---

[57] Д. П. № 2, стр. 55; ѣздившій за опасною грамотою былъ Дворянинъ Мацько Кунцовичъ. Ак. З. Р. т. 1, № 186.

[58] Напечатанъ, изъ Крым. Дѣлъ № 2, у Карамзина т. 6, прим. 496.

моту къ Менгли-Гирею отъ Александра; послѣдній предлагалъ завести переговоры, и на первый разъ обѣщалъ всю дань, которая не была заплачена со времени отца Менгли-Гиреева. Менгли-Гирей послалъ эту грамоту въ Москву; въ грамотѣ была немалая брань противъ Ивана Васильевича; эта брань была послѣ еще подробнѣе написана въ посольствѣ, приготовленномъ Александромъ въ Крымъ. О присылкѣ этого гонца Менгли-Гирей выражался такъ: «Самъ знаю, что Александръ лихо чинитъ, а теперь съ пустыми рѣчами посылаетъ», по тому что теперь же отправилъ посла въ Орду Ахматовыхъ дѣтей Не смотря на это убѣжденіе, Менгли-Гирей хотя не воротилъ Царевичей, но, однако, самъ не пошелъ со всею Ордою на Литовскія земли и отпустилъ Литовскаго гонца (1-го Октября) къ Александру, вмѣстѣ съ своимъ человѣкомъ, и приказалъ сказать, чтобы Литовскіе послы пріѣзжали къ нему; далъ на нихъ опасъ и послалъ также гонца къ Польскому Королю. Литовскіе послы не пріѣхали въ Крымъ, а былъ присланъ только гонецъ, который пріѣхалъ на другой недѣлѣ послѣ Пасхи 1501 года. Онъ пріѣхалъ въ одно время съ Молдавскимъ гонцомъ, который, отъ имени Стефана, предлагалъ Менгли-Гирею примириться съ Александромъ.[59]

От Татаръ страдали не однѣ Литовскія украйны, но и Московскія. Этѣ послѣдніе грабежи производили Азовскіе Казаки. Князь Кубенскій писалъ къ Ивану Васильевичу, послѣ своего пріѣзда въ Крымъ: «Говорятъ, что Азовскихъ Казаковъ, человѣкъ съ 800, пошло подъ Русь, только не извѣстно, подъ твою ли, или подъ Литовскую». Слухъ оказался дѣйствительностію, и къ Великому Князю изъ Мценска пришла вѣсть отъ Князя Ивана Бѣльскаго, что на Полѣ показались многіе люди, Татарове, и на ихъ отчину, Бѣлевскіе мѣста, приходили, но не въ большомъ числѣ. Этѣ Азовскіе Казаки главное мѣшали частымъ пересылкамъ между Москвою и Крымскою Ордою, которая вдругъ стала оказывать весьма во время дѣятельную помощь первой. Ивану Васильевичу необходимо было послать другаго посла въ Крымъ съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ противъ Литвы. Этѣмъ посломъ былъ Иванъ Мамоновъ; онъ, доѣхавши до Калуги, долженъ былъ остановиться и

---

[59] А. З. Р. т. 1, № 162.

дожидаться удобнаго случая, когда можно будетъ проѣхать по степи; въ слѣдствіе этого, по мѣрѣ того, какъ шли событія, у него не разъ перемѣняли рѣчи и наказы; послѣдніе, впрочемъ, говорятъ одно, что ему съ Кубенскимъ стараться не допускать мириться Менгли-Гирею съ Александромъ. Мамонову удалось счастливо проѣхать въ Крымъ только къ Рождеству Христову 1500 года.

Для Александра Казимировича ни чего не значили его непрошенные помощники, Азовскіе Казаки; для него нужно было призвать въ степи, по сю сторону Дона, Орду Ахматовыхъ дѣтей, чтобы отвлечь Крымцевъ отъ южныхъ границъ своихъ владѣній. Ахматовы дѣти кочевали между Дономъ, Волгою и Кавказскими горами, а на лѣто 1500 года сбирались кочевать между Дономъ и Днѣромъ. Главный изъ нихъ, Царь Шихъ-Ахматъ, отправилъ къ Кафинскому Султану спросить дозволенія подкочевать къ Днѣпру, по тому что на прежнихъ кочевьяхъ Нагаи и Черкасы сильно безпокоятъ. Кафинскій Султанъ отвѣчалъ: «Тѣ земли вольнаго человѣка, Менгли-Гирея, и будешь ты съ нимъ въ дружбѣ, то тогда и я тебѣ другъ, а теперь не позволю тебѣ кочевать къ Днѣпру». Внутреннее состояніе Золотой Орды такъ характеризуетъ Князь Кубенскій: «Сказываютъ, что Орда голодна и безконна, а Цари съ своею братіею не мирны». Къ этой Ордѣ Александръ, около Декабря, 1500 года, отправилъ посломъ Халецкаго; посолъ долженъ былъ объяснить Шихъ-Ахмату, какъ Иванъ Васильевичъ, на миру и докончаньѣ, началъ забирать волости Литовскія, и еще призвалъ къ себѣ на помощь Менгли-Гирея, «и ты бы, братъ, по твоему съ нами слову, своего холопа сказнилъ; самъ ты вѣдаешь, какъ Московскій свою присягу держитъ: онъ намъ, своему зятю, какихъ убытковъ надѣлалъ? Онъ, твой холопъ, сколько лѣтъ грубивши и великіе измѣны дѣлавши, что дѣлалъ со отцомъ твоимъ и съ тобою, своимъ Государемъ? Да, впрочемъ, гдѣ слыхано, между великими Государями, чтобы Государю своему холопъ добра хотѣлъ? Ты его льстивымъ словамъ, въ теперешнее его невремя, не вѣрилъ бы, и тебѣ бы годилось, брату нашему, старые дѣла вспомнить и по прежнему поискать дороги на его землю. А ты, братъ нашъ, когда подкочуешь къ намъ, то наши земли постерегъ бы отъ нашихъ непріятелей, да и своимъ людямъ не давалъ

бы наши украйны грабить». [60] Ших-Ахматъ обѣщалъ Александру, что по синему льду перейдетъ черезъ Донъ. Выгоды грабежа и ненависть къ Крыму соединили Ахматовыхъ дѣтей Ших-Ахматъ оставилъ у себя Халецкаго, чтобы тотъ видѣлъ, какъ Орда пойдетъ на Менгли-Гирея. Ших-Ахматъ теперь послалъ за спросомъ о перемѣнѣ кочевья не въ Кафу, но уже въ Константинополь; Ших-Ахматъ просилъ у Султана дозволенія кочевать въ Бѣлгородчинѣ. Въ Константинополѣ, какъ писалъ Менгли-Гирей въ Москву, Ордынскаго посла приняли дурно и просимаго дѣлать не дозволили; но Ших-Ахматъ все таки думалъ ити за Донъ.

Обо всѣхъ этѣхъ сборахъ и пересылкахъ знали хорошо въ Крыму, во первыхъ, отъ измѣнившаго Ших-Ахмату писца, который писалъ грамоты къ Александру, а во вторыхъ, отъ бродившихъ по степямъ и проживавшихъ то въ Ордѣ, то въ Крыму, Татаръ, и наконецъ, отъ многочисленныхъ между степняками родственниковъ Менгли-Гирея. Когда пріѣхалъ Мамоновъ въ Крымъ, то въ это время пришли къ Менгли-Гирею вѣсти обо всѣхъ выше изложенныхъ дѣлахъ изъ Орды. Обѣщанное изъ Литвы посольство не являлось, и Менгли-Гирей созвалъ вельможъ на совѣтъ. На этомъ совѣтѣ Мамоновъ говорилъ рѣчь объ успѣхахъ своего Государя и объ опасности ему и Менгли-Гирею отъ Литвы и Орды. Менгли-Гирей, по общей думѣ, отдалъ приказъ по Крыму: «Всѣ должны садиться на конь, каждый долженъ имѣть по три коня на человѣка, между пяти человѣкъ телѣга, доспѣху и корму брали бы много; дома имѣетъ право оставаться только тотъ, кто моложе 15 лѣтъ, а кто не пойдетъ, тотъ ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ не слуга; срокъ выступать назначается чрезъ 15 дней, готовиться воевать съ Ордою; потому что то — пущіе наши недруги, а Литовской землѣ отъ насъ не откочевать.» Мамоновъ долженъ быть ѣхать съ Царемъ, чтобы видѣть его дѣйствія.

---

[60] Ак. З. Р. т. 1, № 184. Здѣсь считаю долгомъ замѣтить, что въ Акт. Зап. Рос. подъ №184; смѣшаны два посольства къ Ших-Ахмату, хотя, можетъ быть, одновременныя; первые 5 печатныхъ пунктовъ (въ рукописи Метрики 7 пунктовъ) составляютъ въ Метрикѣ первое посольство и написаны отъ 218 по 219 листъ. Далѣе идетъ повтореніе посольства къ Менгли-Гирею, и потомъ посольство, на листѣ 221 и 222, къ Ших-Ахмату, и оно составляетъ остальные пункты напечатаннаго подъ № 814

И такъ казалось въ 1501 году двѣ Орды должны были сойтись между собою. Движеніе происходило не только въ этѣхъ Ордахъ, но и въ Нагайской, такъ что отношенія Москвы и Литвы къ Нагайцамъ получаютъ значеніе въ ихъ борьбѣ. Нагайскіе Мурзы иногда присылали пословъ въ Москву, но здѣсь съ ними не очень церемонились и за грабежи пославшихъ задерживали пословъ. Нагайскіе Мурзы были родственники Ордынскихъ Царей и также хотѣли, съ дозволенія Московскаго Государя, вступить въ родство съ Казанскими Царями; но, не обращая на это вниманіе, Нагайцы часто ссорились съ Казанцами. Шихъ-Ахматъ совѣтовалъ Александру вступить въ сношеніе съ Нагайцами; по этому Александръ въ посольствѣ съ Халецкимъ приказывалъ Шихъ-Ахмату: «Такъ какъ онъ объявляетъ Нагайцевъ себѣ пріятелями, то хорошо бы сдѣлалъ, если бы привелъ ихъ въ дружбу съ нимъ, Александромъ, и они бы потянули на Москву съ одной стороны, а Шихъ-Ахматъ съ другой.» Но еще ранѣе, лѣтомъ 1500 года, Нагайскіе Мурзы пришли подъ Казань со многими людьми, но Воеводы Великаго Князя, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, съ малыми людьми, вмѣстѣ съ Казанскими Татарами, отстояли городъ. [61]

II.

Александръ присылалъ въ Москву, послѣ Ведрошской битвы, за опасной грамотой для пословъ, за тѣмъ что онъ дѣйствительно намѣревался вести переговоры о мирѣ. При этѣхъ переговорахъ явилось нѣсколько посредниковъ. Естественными союзниками и посредниками были братья Александра, Владиславъ Король Чешскій и Угорскій, и Альбрехтъ, Король Польскій. Къ нимъ Александръ обратился, какъ только началась у него война съ тестемъ. [62] Короли-братья приготовили посольства въ Москву, но туда же

---

[61] Д. Крым. № 2, по стр. 827: посольства Семена и Ѳедора Ромадоновскихъ, Кубенскаго и Мамонова, доношенія ихъ въ Москву и грамоты Менгли-Гирея; Д. Нагайскія № 1; Ак. З. Р. т. 1, № 184; П. С. Р. Л. т. 8, стр 240.

[62] См. Datum вѣрющей грамоты Угорскаго посла: «въ среду, по Воздвиженіи Св. Креста, лѣта Господня 1500.»

должно было явиться, уже въ послѣдствіи и затѣмъ же дѣломъ, посольство отъ Папы, Александра VI; но оно явилось только ко времени заключенія перемирія. Первымъ пріѣхалъ въ Москву Угорскій и Чешскій посолъ, 9-го Генваря, 1501 года. 14-го посолъ былъ у Великаго Князя и говорилъ ему рѣчь отъ брата и свата, что «крѣпкій миръ, который теперь разрушенъ, нужно возстановить, по тому, что такому размирью только поганые радуются.» Въ концѣ рѣчи посолъ прибавлялъ, что если Великій Князь съ своимъ зятемъ мира не возметъ, то Владиславъ «своему брату, Александру хочетъ быть совѣтникомъ и пособникомъ.» На эту рѣчь Бояре, отъ имени Великаго Князя, изложивъ всѣ причины, заставившія начать войну, говорили, что «Великій Князь такому размирью нерадъ, но хочетъ съ своимъ зятемъ мира какъ пригоже; а что Владиславъ хочетъ своему брату помогать, то онъ будетъ помогать неправому; Великій же Князь, уповая на Бога, за свою правду, хочетъ противъ своего недруга стоять.» Угорскій посолъ еще просилъ, чтобы плѣнныхъ, Владислава для, Великій Князь выпустилъ на присягѣ и порукѣ. На это былъ данъ отвѣтъ, что такого обычая въ Москвѣ нѣтъ, а плѣннымъ ни какой нужды тоже нѣтъ. Угорскаго посла принимали съ честію и отпустили сказавши, что Иванъ Васильевичъ съ Королемъ Владиславомъ хочетъ имѣть ссылку.

22-го Генваря Угорскій посолъ поѣхалъ изъ Москвы, а въ это время тамъ уже находился посланный отъ Александра (пріѣхалъ 13 Генваря) и говорилъ, что Литовскій посолъ находится въ Смоленскѣ и дожидается Польскаго посла, который замѣшкалъ за нѣкоторыми дѣлами, и они прибудутъ вмѣстѣ.[63] Этѣ

[63] Ак. З. Р. т. 1, № 186. Это Статейный Списокъ и есть начало Статейнаго Списка, помѣщеннаго подъ № 192. Издатели Актовъ Западной Россіи въ примѣчаніи говорятъ, что этѣ акты «изъ Литовской Метрики.» Въ смутное время, когда Поляки забрали многія дѣла изъ Царскаго Архива, то взяли нѣсколько Статейныхъ Списковъ, въ томъ числѣ и этотъ. Они при этомъ переплели вмѣстѣ со Статейными Списками и другія Московскія дѣла, какъ, на примѣръ, вмѣстѣ съ этѣмъ Шведскій Статейный Списокъ временъ Шуйскаго, двѣ приходорасходныя книги конца XVI вѣка, посольство Годунова къ Императору Римскому, перепись вещей, оставшихся послѣ Князя Василія и какія остались у Князя Димитрія. Все это вмѣстѣ озаглавили: «Acta Mag. Ducat. Litu.» 303—307. Листовъ въ этомъ

послы пріѣхали и 21 Февраля были у Великаго Князя. Польскій посолъ, зная уже отвѣтъ, данный Угорскому послу, предлагалъ главное Ивану Васильевичу, чтобы онъ, въ своей ссорѣ съ зятемъ, положился на разбирательство Королей-братьевъ. Литовскій же посолъ говорилъ отъ Александра, что размирье стало не отъ него, что онъ ни чего противъ доканчанья не дѣлалъ, къ Римскому Закону ни кого не нудилъ, а это разсказываютъ лихіе люди, измѣнники; что въ Золотую Орду не посылалъ на лихо своего тестя и т. д., а если что въ самомъ дѣлѣ сдѣлано противъ доканчанья, то онъ готовъ исправить, «а ты бы, братъ и тесть, тоже всѣ шкоды, тобой сдѣланные, исправилъ.» На этѣ рѣчи данъ отвѣтъ, сначала Польскому послу. Отвѣтъ, по смыслу, былъ схожъ съ отвѣтомъ послу Угорскому и кончался тѣми же словами, что Альбрехтъ будетъ помогать неправому, а Великій Князь за свою правду готовъ стоять. Литовскому же послу пересчитаны были всѣ неисправленья Александра предъ тестемъ, и даже прибавлены обличенія; такъ: «Александръ говоритъ, что онъ писалъ титулъ Ивана Васильевича такъ, какъ писалъ его Король Казимиръ; такъ съ Казимиромъ у Ивана Васильевича доканчанья не было; принужденіе Православныхъ къ Римскому Закону было, и это говорятъ даже Литовскіе люди, которые теперь въ плѣну; въ Золотую Орду Александръ посылалъ на лихо Московскаго Государя, и которыхъ людей посылалъ, и тѣ его люди у насъ.» и т. д. Но главное въ отвѣтѣ было слѣдующее: «Говорили вы, что намъ въ отчину Александра не вступаться, а города и волости, которые наши люди поимали, то ихъ поступиться, то эти города волости и земли изъ старины наша отчина.»

На дальнѣйшіе переговоры объ условіяхъ мира послы не были уполномочены, и, послѣ выслушанія отвѣта, Польскій посолъ повторилъ предложеніе посредничества Королей Польскаго и Угорскаго. Это предложеніе было принято; тогда послы стали гово-

---

составленномъ Поляками, сборникѣ 314, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Поляки этѣ, захваченныя ими, бумаги читали и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали даже свои замѣчанія. Подъ № 187, въ Ак. З. Р., т. 1, напечатаны рѣчи пословъ Угорскаго и Польскаго изъ Литовской Метрики; это что-то въ родѣ проекта ихъ рѣчей.

рить, что какъ Королевство Угорское, такъ и Польское, далеко, и оттуда скоро посламъ прибыть трудно; по этому Великій Князь приказалъ бы своимъ украйникамъ, до прибытія пословъ, зацѣпокъ не дѣлать ни какихъ. И на это было дано согласіе съ условіемъ, что если и Литовскимъ украйникамъ будетъ данъ такой же приказъ, то тогда Шемячичъ, Можайскій, Бѣльскій и другіе Князья не будутъ дѣлать набѣговъ на Литовскія земли.

Второстепеннымъ предметомъ переговоровъ были переговоры о плѣнныхъ. Мы видѣли, что отвѣчали Бояре Угорскому послу относительно выпуска плѣнныхъ на порукѣ и присягѣ: тоже отвѣчали они Литовскому и Польскому посламъ. Тогда послы попросили, чтобы имъ дозволили видѣться съ плѣнными. На это было дано разрѣшеніе, и пословъ водили по темницамъ, гдѣ сидѣли Гетманъ съ товарищами.[64]

Но здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что весьма бросается въ глаза при этѣхъ переговорахъ (объ этомъ уже было выше замѣчено), именно: Литовцы своими оправданіями, что ни кого изъ Православныхъ въ Литвѣ не нудятъ къ Римской Вѣрѣ, такъ сказать, признавали за Московскимъ Государемъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Литвы; распространяли право, данное ими относительно одной Елены Ивановны, на всѣхъ подданныхъ Литовскаго Государя.

Литовцы, кромѣ этѣхъ правительственныхъ переговоровъ, завязали, на всякій случай, полуправительственные, точно такіе же, какіе были передъ заключеніемъ мира въ 1494 году. По прежнему, знакомый намъ, Панъ Янъ Забережскій, повелъ это дѣло. Послѣ первыхъ рѣчей Литовскій посолъ прислалъ къ Якову Захарьевичу съ своимъ человѣкомъ грамоту отъ Яна Забережскаго, содержаніе ея было слѣдующее: «Вспомяни, брате, какъ ты былъ на Новгородѣ, а я на Полоцкѣ, и какъ, черезъ наши труды, началось доброе дѣло между Государями и устроилось. А теперь опять вашъ Государь, не вѣдаю съ чьего лихаго совѣта, земли нашего Государя началъ воевать; а нашъ Государь ни въ чемъ не порушилъ крестнаго

---

[64] Не ходили послы только къ Лютавору.

цѣлованія: такъ хорошо ли такъ дѣлать? На чьей душѣ будетъ этотъ грѣхъ? Самъ ты знаешь, что ни Литва Москвѣ, ни Москва Литвѣ, никогда не были подчинены. Такъ ты, братъ, вспомяни Литовскій хлѣбъ и веди своего Государя на то, чтобы опять между Государствами былъ покой.» На другой день послѣ присылки грамоты Литовскій посолъ самъ явился къ Якову Захарьевичу, и говорилъ ему о томъ же отъ Пана Яна. Наканунѣ отъѣзда посолъ опять былъ у Якова Захарьича; послѣдній говорилъ ему, что Бояре хлопочутъ о мирѣ, такъ и Паны хлопотали бы о томъ же. Послы уѣхали 3 Марта, а 4-го Яковъ Захарьевичъ отправилъ своего человѣка, Коростелева, съ грамотою, къ Яну Забережскому. Коростелевъ долженъ былъ догнать Литовскаго посла и ѣхать съ нимъ въ Вильну. Въ грамотѣ Яковъ Захарьевичъ, въ противуположность Яну Забережскому, всю причину войны складывалъ на Литовцевъ. Когда Коростелевъ воротился въ Москву, то съ нимъ пріѣхалъ человѣкъ Забережскаго съ отвѣтной грамотой; здѣсь опять выставлялось, какъ и въ рѣчахъ пословъ, что виною всему дѣлу были лихіе люди, измѣнники и особенно Бѣльскій и т. д. Въ письмѣ была прибавка о плѣнныхъ Панахъ, что въ Литвѣ ходятъ слухи, что ихъ держатъ въ большой нуждѣ, а они люди, привыкшіе къ хорошему житью, и по этому имъ особенно тяжело переносить нужду, и если ужь нельзя ихъ отпустить, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ бы Яковъ Захарьевичъ одолженіе, взялъ бы ихъ къ себѣ на поруки, и пускали бы ихъ въ церковь ходить; а въ томъ, что никто изъ нихъ не убѣжитъ, Янъ Забережскій ручался: «а гиблому и упадшему человѣку годится завсегда помогать.» Этѣми словами кончалъ свое письмо Янъ Юрьевичъ.

Разнохарактерные и взаимные упреки въ причинѣ войны были уже совсѣмъ исчерпаны въ посольствахъ и письмахъ, и Яковъ Захарьевичъ въ отвѣтъ писалъ то же, что прежде было писано и говорено; этотъ послѣдній отвѣтъ поѣхалъ изъ Москвы 13 Мая; на это письмо не только не послѣдовало отвѣта, но Коростелевъ даже не былъ отпущенъ назадъ въ Москву.[65] Такимъ образомъ и

[65] Ак. З. Р. т. 1, № 192, до стран. 244. По поводу задержанія Коростелева въ Москвѣ издатели актовъ замѣчаютъ (въ примѣч. стр. 244), что въ пробѣлѣ при-

это средство къ переговорамъ прекратилось. Война съ лѣта должна была снова начаться. Литовцы очень хорошо знали, что въ Москвѣ, послѣ Ведрошской побѣды, ни за что не помирятся на старыхъ докончаньяхъ, и они захотѣли еще разъ отвѣдать военнаго счастія.

III.

Александръ, готовясь ко второму году войны, хотѣлъ отъ своихъ союзниковъ получить болѣе дѣятельную момощь, чѣмъ онъ получилъ въ первый годъ. Отъ Стефана Молдавскаго, какъ Иванъ Васильевичъ требовалъ помощи по докончанью, такъ и Александръ хотѣлъ тоже что ни будь получить. Онъ отправилъ въ Молдавію посольство (должно быть въ началѣ 1501 года); въ рѣчахъ къ Стефану отъ Александра была благодарность за предложеніе имъ посредничества, и потомъ, указавши на то, что изъ этого посредничества ни чего не вышло, Александръ просилъ помощи и совѣта на своего непріятеля. При этомъ, чтобы вооружить Стефана на Ивана Васильевича, рѣчи Литовскихъ пословъ кончались такъ: «А дочку твою и внука твоего въ какой почести твой сватъ держитъ, твои послы (должно быть тѣ, что были въ Москвѣ) тебѣ ширѣ повѣдаютъ». На это посольство Стефанъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: онъ, въ посольствѣ къ Александру, изложилъ всѣ причины, какія выставляютъ Москвичи, начатой ими войны: «то если Ваша Милость такъ чинили, то дѣлайте, какъ знаете; мы рады учинить между вами любовь и докончанье, и съ этою цѣлію посылаемъ своего посла въ Москву, вмѣстѣ съ Московскимъ, который у насъ былъ, и вы ихъ пропустите черезъ свои земли.» Не знаемъ, пропустилъ ли Александръ этѣхъ пословъ въ Москву, но знаемъ содержаніе посольства Стефанова къ Ивану Васильевичу: оно было составлено на общую тему, что между Христіянскими Государями долженъ быть миръ, для общаго союза противъ Турокъ.

писано другою рукою, но почеркомъ современнымъ: «и Михаль тамъ помотчалъ.» Эта приписка сдѣлана, должно быть, державшимъ справку. Въ Голицынской выпискѣ изъ Польскихъ Дѣлъ сказано (стр. 61): «Михалко въ Литвѣ задержанъ.»

Стефанъ предлагалъ Александру посредничество; [66] не болѣе того доставили и братья Александровы, хотя изъ Литвы ихъ сильно умоляли о помощи, не только ради родства, но и для святой Вѣры Христіянской. [67] Но за то Александръ нашелъ болѣе дѣятельную помощь, въ общемъ врагѣ всѣхъ Славянъ, Нѣмцахъ. Когда Король Максимиліянъ захотѣлъ хорошенько разузнать, какое состояніе дѣлъ въ новомъ для него Русскомъ Государствѣ, находящемся на востокѣ, то Орденцы, объясняя, что на востокъ отъ Ливоніи живутъ Невѣрные, враги Христіянства, отвѣчали Максимиліяну, что въ Россіи царствуетъ старый Государь, который съ своимъ внукомъ держитъ всю власть надъ всею страною; сыновей своихъ ни къ управленію, ни къ удѣламъ, не допускаетъ, и подобное положеніе дѣлъ Ливонскимъ рыцарямъ тяжело и невыгодно, по тому что Орденъ, противъ такого могущества, соединеннаго въ однихъ рукахъ, стоять не можетъ. [69] Ливонцы, слѣдовательно, были враги Русскихъ; но, кромѣ Ливоніи, еще въ Пруссіи была другая передовая колонна Нѣмецкаго движенія на востокъ, съ намѣреніемъ тамъ образовать «Новую Германію.» Эту Новую Германію Прусскіе Нѣмцы намѣрены были основать на счетъ Польши. Иванъ Васильевичъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ XV столѣтія, заключая безполезный союзъ съ Максимиліяномъ противъ Казимира и его дѣтей, услышалъ отъ Максимиліянова посла слѣдующія слова о всѣхъ этѣхъ Нѣмцахъ: «Найсвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій Король Римской, братъ твой, хочетъ, чтобы всѣ его дѣла, хотя и тайные, были ясны предъ Твоимъ Величествомъ: въ прошедшіе годы Король Польскій изневолилъ Чинъ Пресвятыя Богородицы: Данескъ, Торнъ и иные города, что давали приходъ Магистру Прускому, беретъ себѣ. И тѣ города, изневоленные со всѣхъ сторонъ, просили Короля Максимиліяна принять ихъ подъ Цезарство, и держать ихъ, какъ и прочіе Нѣмецкіе города. Найсвѣтлѣйшій Король Римской приказалъ по этому Бискупу Колыванскому, чтобъ ѣхалъ онъ къ Магистру Прускому, не только о тѣхъ городахъ, но и о вооруженіи противъ Короля Польскаго, къ

---

[66] Ак. З. Р. т. 1, № 162.

[67] Ак. З. Р. т. 1, № 188.

[68] Sup. ad Hist. Rus. Mon. №№ CXX и CXXI.

которому бы крестное цѣлованіе они въ крѣпость не держали, по тому что цѣловали по нуждѣ и безъ Цесарскаго вѣдома; да также велѣно мнѣ говорить тебѣ, чтобы принялъ ты Магистровъ Прускаго и Ливонскаго подъ свое соблюденье.» [70]

Иванъ Васильевичъ принялъ подъ свое соблюденье только Пруссію; онъ, отправляя своего посла къ Конраду Мазовецкому, по случаю сватовства послѣдняго къ его дочери, наказалъ, при проѣздѣ черезъ Пруссію, поступать такимъ образомъ: «Будетъ какое слово отъ Магистра Прускаго о томъ: «Казимиръ Король былъ намъ непріятель, отнялъ у насъ Торнъ, Гданескъ и иные города, и мы хотимъ тѣхъ своихъ городовъ доставать, и только пошлемъ къ вашему Государю, чтобы онъ за насъ сталъ, то вашъ Государь станетъ ли за насъ?» на это отвѣчать: «Напередъ сего Максимиліанъ, Цесаревъ сынъ, приказывалъ съ своимъ посломъ, чтобы нашъ Государь принялъ Магистровъ Прускаго и Ливонскаго въ свое соблюденье, и Государь нашъ Максимиліану такъ отвѣчалъ: «Коли вы пришлете къ Государю нашему о томъ своихъ пословъ, то онъ хочетъ стоять за васъ и васъ блюсти; но отъ васъ не было присылки, и если пришлете, то надѣемся, что обороною нашего Государя достанете своихъ городовъ.» При этомъ послу было еще наказано: «Не будетъ отъ самаго Магистра о томъ рѣчи, то въ разговорѣ съ кѣмъ ни будь изъ людей Магистровыхъ узнать: хочетъ ли Магистръ тѣхъ городовъ доставать? и тогда сказать, что послалъ бы Магистръ къ нашему Государю, а нашъ Государь, надѣемся на Бога, станетъ за Магистра и оборонитъ его.» [71] Былъ ли подобный разговоръ, мы не знаемъ, но покуда Прусаки говорили, что вступать въ союзъ съ Славянами есть измѣна Нѣмецкому дѣлу; а когда Ливонцы были принуждены вступить въ союзъ съ одною изъ враждующихъ сторонъ, то Прусаки хотя и помогали имъ, но все таки упрекали Ливонцевъ за этотъ союзъ; тогда послѣдніе отвѣчали на такія замѣчанія, что такъ, или иначе, необходимо отбиваться отъ враговъ, по тому что отъ Нѣмецкой Имперіи и Бароновъ, хотя на словахъ и много обѣщано, но на дѣлѣ ничего нѣтъ. [72]

---

69 П. Д. Сн. т. 1, стр. 73—78.

70 Дѣл. Польск., связка № 1.

71 Sup. ad. Hist. Rus. Mon. № CXXVIII.

Ливонцы въ началѣ XVI столѣтія вступили въ союзъ съ Литовцами противъ Москвы, по тому что Иванъ Васильевичъ никогда не принималъ ихъ въ свое соблюденье. Со времени окончательнаго подчиненія Новгорода Москвѣ, Ливонія необходимо должна была вступить въ близкія столкновенія съ Москвою, наслѣдовавшей съ этой стороны всѣ Новгородскія отношенія. Въ 1482 году съ Нѣмцами было заключено перемиріе на десять лѣтъ, въ 1493 году оно было возобновлено; границы и торговыя отношенія при этомъ опредѣлялись по старинѣ, при чемъ, для поддержанія старины, Ливонцы должны были заключать перемирія съ Новгородскими Намѣстниками. Въ слѣдующемъ году Иванъ Васильевичъ заключилъ союзъ съ Датскимъ Королемъ противъ Стуровъ въ Швеціи и противъ Литовскаго Великаго Князя; Датскій Король уступалъ Московскому Государю часть Финляндіи, а Иванъ Васильевичъ обязывался дѣйствовать враждебно противъ непріятелей Датскаго Короля, Ганзейскихъ купцовъ. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1495 году Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ схватить Нѣмецкихъ купцовъ съ ихъ товарами и привести въ Москву. Причиною такихъ поступковъ выставлялось, что Ревельцы многія обиды чинили, нѣкоторыхъ людей Великаго Князя безъ обсылки казнили и въ котлахъ варили, да и за то, что посламъ Великаго Князя, ходившимъ въ другія земли черезъ Ревель, многія поруганія дѣлали и т. д. За все это Великій Князь положилъ на Нѣмцевъ свой гнѣвъ, велѣлъ у нихъ отнять дворы въ Новгородѣ и Божницу. Московскія дружины въ слѣдствіе того, что войны съ Литвою не было, а со стороны степей былъ покой, готовились двинуться какъ на Ливонію, такъ и въ Финляндію. Псковичи должны были помогать Московскимъ войскамъ. Но ходатаемъ за Ганзу, Ливонію и Швецію явился, какъ мы видѣли, Александръ. Иванъ Васильевичъ отпустилъ Ганзейскихъ купцовъ, но походы въ Финляндію происходили.

Когда въ 1500 году началась война у Литвы съ Москвою, то естественно было западнымъ сосѣдямъ послѣдней вступить въ союзъ съ Литвою. Въ 1500 году Псковскія войска, вмѣстѣ съ Московскими, принимали участіе въ походахъ на Литву изъ Новогородскихъ областей. Псковичи пробыли на Государевой службѣ Іюль, Августъ и Сентябрь, а къ Октябрю пріѣхали домой всѣ

здоровы. Плодомъ дѣятельности Псковичей, вмѣстѣ съ Московскими дружинами, было занятіе Торопца и другихъ Литовскихъ волостей; при чемъ и здѣсь жители, какъ и на востокъ отъ Днѣпра, приводились къ крестному цѣлованію на имя Великаго Князя. Но въ слѣдующемъ 1501 году, Псковичамъ пришлось имѣть дѣло съ своими западными сосѣдями, Ливонцами, которые рѣшились теперь принять дѣятельное участіе въ борьбѣ Литвы противъ Москвы. До насъ дошло посольство Александра къ Князю Магистру Ливонскому и ко всей Радѣ Закону Матки Божіей, которымъ онъ приглашалъ ихъ къ союзу противъ Москвы и исчислялъ своихъ союзниковъ. Согласіе на это, какъ увидимъ изъ дѣйствій, было дано. [72] Своими союзниками Литовцы считали также и Стуровъ, какъ Иванъ Васильевичъ Короля Датскаго, хотя во время войны мы не видимъ ихъ участія въ ней. [73]

IV.

Иванъ Васильевичъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное посламъ, ведшимъ переговоры въ Москвѣ въ началѣ 1501 года. Онъ послалъ сказать украинскимъ служебнымъ Князьямъ, что пока будутъ послы Александровы въ Москвѣ, то они жили бы бережно, да и неоплошали бы. Но когда послы уѣхали и потомъ былъ задержанъ Михайло Коростелевъ въ Литвѣ, то Князьямъ не для чего было жить мирно, и они принялись за нападенія. Имъ удалось захватить нѣсколько Литовскихъ волостей и даже одинъ городъ, Кричевъ. Александръ хотѣлъ вести войну, но Ведрошской битвой Литвѣ былъ нанесенъ сильный ударъ, и Государство не могло выставить скоро большаго войска. Александръ, ища всюду союзниковъ, въ то же время посылалъ на Западъ нанимать войска. Иванъ же Васильевичъ хотѣлъ, по прошлогоднему, послать боль-

---

[72] Литовская Метрика, пятая книга записей, л. 226—227. Это посольство безъ года, но записано въ слѣдъ за Молдавскими посольствами, что напечат. въ Ак. З. Р. т. 1, №№ 161 — 162.

[73] П. С. Р. Л. т. 4, стр. 164—173; т. 8, стр. 228—229; Ник. Лѣт. ч. 6, стр. 141—142; С. Г. Г. и Д. т. 5, № 110; Ак. З. Р. т. 1, №№ 112, 144, 192, стр. 283—287; Разряды.

шую рать въ Литовскія владѣнія, но это намѣреніе не исполнилось, по тому что война теперь должна была сосредоточиваться на двухъ противуположныхъ границахъ Московскихъ владѣній,—со стороны степей и Ливоніи.

Начнемъ съ степныхъ дѣлъ. 11 Марта, 1501 года, Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Крымъ посломъ Князя Ѳедора Ромодановскаго. Онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею о томъ, что зимою Александръ присылалъ пословъ о мирѣ, но Великій Князь отвергъ предложенія. Ромодановскому не скоро удалось попасть въ Крымъ; въ началѣ Мая прискакалъ въ владѣнія Шемячича одинъ изъ провожавшихъ Ромодановскаго и объявилъ, что на Орелѣ на нихъ напали Татары (Азовскіе Казаки) и всѣхъ разогнали, ему удалось спастись, а Князя Ѳедора поимали. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого прискакалъ уже въ Москву другой изъ провожавшихъ Ромодановскаго и объявилъ, что Татары поимали Князя Ѳедора и онъ живъ. 30 Мая Иванъ Васильевичъ отправилъ Татаръ въ Крымъ съ грамотами, въ которыхъ, какъ и въ посольствѣ Ромодановскаго, изложилъ свои дѣла. Въ то же время приказывалось Мамонову говорить Царю, чтобы тотъ какъ ни будь выручилъ Ромодановскаго. Но до пріѣзда этѣхъ Татаръ въ Крымъ и самъ Ромодановскій явился къ Менгли-Гирею. Азовскіе Казаки привезли Ромодановскаго съ товарищами въ Азовъ и намѣревались продать плѣнныхъ въ рабство, но на его счастье случился въ Азовѣ посолъ Кафинскаго Султана, ѣхавшій въ Москву; онъ выкупилъ Ромодановскаго и отправилъ въ Кафу; здѣсь послѣднему удалось достать лошадь, и онъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею. Ромодановскій не нашелъ Менгли-Гирея въ Крыму и долженъ былъ искать его въ степяхъ за Перекопомъ, куда вышла Орда. 19-го Іюня Ромодановскій явился къ Царю и правилъ ему посольство отъ своего Государя. Теперь въ Крымской Ордѣ было двое Московскихъ пословъ, Ромодановскій и Мамоновъ, Кубенскій же умеръ. Пересылки между послами и Москвою въ настоящее время сдѣлались затруднительны, по тому что не только Азовскіе Казаки были опасны для ѣздившихъ по степямъ, но и вся Золотая Орда намѣревалась перейти въ степи на западъ отъ Дона; только изрѣдка служивые Татары успѣвали пробираться по степямъ между своими собратіями.

Вѣроятно, не обращая вниманіе на запрещеніе Турецкаго Султана, Орда сыновей Ахматовыхъ начала подвигаться отъ Кавказа къ Дону. Мы выше видѣли, какой приказъ отдалъ Менгли-Гирей по своей Ордѣ, теперь она была уже за Перекопомъ. Литовскій гонецъ, пріѣхавшій къ Менгли-Гирею весною, [74] въ слѣдствіе хлопотъ Мамонова, былъ схваченъ, а Молдавскому гонцу Менгли-Гирей, выходя изъ Перекопа въ степи, сказалъ; «Самъ ты можешь видѣть, какой я дружбы хочу съ Литовскимъ». Получивши вѣсть (на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи) о томъ, что Золотая Орда кочуетъ къ Дону, Менгли-Гирей говорилъ Мамонову: «Если пойдетъ Орда на насъ, то и мы пойдемъ на нее, а если воротится, то пойдемъ на Литовскую землю». Для развѣдыванья объ Ордѣ было послано Царемъ впередъ 50 человѣкъ; этѣ люди къ концу Іюня пріѣхали назадъ, изловивши языка и объявили, что Орда находится теперь на берегахъ Дона, и что Шихъ-Ахматъ хочетъ на острову рѣки сдѣлать крѣпость, по тому что о движеніяхъ Крымской Орды имѣетъ вѣсти. Узнавши это, Менгли-Гирей самъ рѣшился противъ Шихъ-Ахматовой крѣпости тоже сдѣлать крѣпость и такимъ образомъ загородить Ордѣ дорогу. Обо всемъ этомъ Менгли-Гирей послалъ извѣстить въ Москву, и въ то же время просилъ прислать Московскихъ людей въ степи для того, чтобы постращать Шихъ-Ахмата. Этѣ вѣсти заставили Ивана Васильевича позаботиться объ охраненіи южныхъ границъ своихъ владѣній; а на просьбу Менгли-Гирею онъ отвѣчалъ, что послалъ въ степи Русскую рать да Царя Магметъ-Аминя и Нуръ-Даулетовыхъ улановъ и казаковъ съ приказомъ грабить улусы Ахматовыхъ дѣтей и быть у нихъ «на хребтѣ.» Крымской Орды за Перекопомъ, по счету нашихъ пословъ, было тысячъ съ 15-ть; но Менгли-Гирей надѣялся на успѣхъ, думая, что какъ только онъ приблизится къ Шихъ-Ахматовой Ордѣ, то оттуда къ нему перебѣжитъ много людей, а Ахматовы дѣти перессорятся между собою. Послѣднее дѣйствительно случилось, и одинъ изъ нихъ, еще не доходя Дона, повернулъ къ Астрахани. Но при приближеніи къ Ордѣ Менгли-Гирей услышалъ, что къ остальнымъ Ахматовымъ дѣтямъ идетъ помощь отъ Нагайскихъ Мурзъ. Послѣдній слухъ все болѣе подтверждался, а при этомъ

---

[74] См. выше прим. о Молдавскихъ посольствахъ.

къ серединѣ Іюля въ степяхъ оказалось мало корма для лошадей, и Менгли-Гирей говорилъ Мамонову, чтобы онъ писалъ къ своему Государю о присылкѣ помощи. Наконецъ, когда Крымская Орда дошла до устья Сосны, то повернула домой, по тому что «кони истомились и голодны, а Шихъ-Ахмату помощь идетъ.» Хлопоты Мамонова не могли остановить Царя, и онъ къ 15 Августу былъ уже въ Крыму. Плодомъ этѣхъ движеній Крымской Орды было только то, что когда Менгли-Гирей подошелъ къ Дону, то Шихъ-Ахматъ заперся въ построеномъ имъ острогѣ, и Ордынцы только разъ «постравились.»

Когда Менгли-Гирей повернулъ назадъ, то Шихъ-Ахматъ перешелъ за Донъ; ему не нужно было, какъ его отцу, чтобы раззорять Московскія владѣнія, ити къ Окѣ, или Угрѣ; теперь вновь пріобрѣтенная отъ Литвы часть Московскихъ владѣній была не закрыта со стороны степей рѣками, и на этѣ-то владѣнія Шемячича и Можайскаго вели Орду Литовскіе послы. Въ Августѣ Шихъ-Ахматъ началъ здѣсь производить грабежи, но противъ него и на защиту Князей явились въ Сѣверу Московскіе Воеводы; Шихъ-Ахматъ отошелъ въ степи. Теперь его Орда была только тѣнью, даже сравнительно съ Ордою его отца, и наступающія осень и зима, или то, что Александръ, какъ и его отецъ, во время не помогалъ Татарамъ, повело къ тому, что Шихъ-Ахматъ, отступя въ степь въ серединѣ зимы, отправилъ къ Ивану Васильевичу своего посла о мирѣ и любви, обѣщая отстать отъ Литовскаго Великаго Князя. Иванъ Васильевичъ принялъ посла, и отправилъ съ нимъ къ Шихъ-Ахмату своего, тоже о любви. Менгли-Гирей, ничего не сдѣлавши лѣтомъ 1501 года, задумалъ сдѣлать озорство надъ Ордою Шихъ-Ахмата; онъ, когда узналъ, что Шихъ-Ахматъ будетъ зимовать на рѣкѣ Семи, велѣлъ тамъ съ осени произвести степной пожаръ, чтобы не чѣмъ было кормить лошадей, а зимою, или весною, сбирался ити со всею Ордою на Шихъ-Ахмата. Для этого осенью онъ ѣздилъ въ Кафу и выпросилъ у тамошняго Султана десять человѣкъ, «которые изъ пушекъ стрѣляютъ, а пушки тамъ же взялъ со всею приправою.» Переговоры Шихъ-Ахмата съ Иваномъ Васильевичемъ имѣли вліяніе и на то, что союзники Шихъ-Ахматовы, нѣкоторые Мурзы Нагайскіе, прислали въ Москву пословъ о мирѣ и шерть

дали, чтобъ быть мирными Государству Великаго Князя и Царству Казанскому и лиха ни какого не чинить. Въ это же время Иванъ Васильевичъ перемѣнилъ Царя въ Казани, прежняго Абдыллетифа, «за его неправду,» велѣлъ схватить и послалъ въ заточеніе, а Магметъ-Аминя, бывшаго Царемъ предъ Абдыллетифомъ, снова пожаловалъ на Казанской престолъ. [75]

Этѣ отношенія къ Степнякамъ къ концу 1501 года дали возможность Ивану Васильевичу сосредоточить войска на границахъ Литовскихъ владѣній, сначала для обереганія владѣній Князей отъ Степняковъ, а потомъ уже и противъ самихъ Литовцевъ. Лѣтопись разсказываетъ, [76] что послалъ Великій Князь съ Князьями, Семеномъ Ивановичемъ Можайскимъ и Василіемъ Ивановичемъ Шемячичемъ, Воеводъ своихъ Литовскія земли воевать. 4-го Ноября они пришли къ Мстиславлю, изъ города вышли къ нимъ на встрѣчу Князь Михайло Ижеславскій и Воеводы Великаго Князя Александра съ дворомъ Великаго Князя и жолнерами. Полки сошлись вмѣстѣ, и Божіею помощію Московскіе полки побили Литовскіе; Литовцевъ было перебито тысячъ съ семь, а иные многіе изъ нихъ въ плѣнъ попались вмѣстѣ съ знаменами; военачальникъ же едва успѣлъ въ городъ убѣжать. Послѣ этого Князья и Воеводы, постоявъ подъ городомъ и учинивъ землю пусту, возвратились въ Москву со многимъ плѣномъ. Такимъ образомъ и 1501 годъ кончился для Литвы страшнымъ пораженіемъ. Теперь обратимся къ разсказу о военныхъ дѣлахъ, бывшихъ на крайнемъ западѣ Московскихъ владѣній.

Въ Мартѣ 1502 года Московскій посолъ въ Крыму долженъ былъ говорить Менгли-Гирею о томъ, что требуемая имъ помощь въ степи не посылалась по тому, что «не другъ нашъ Литовскій соединился съ Нѣмцами и стоитъ противъ насъ; осенью мы посылали своихъ Воеводъ Литовскую и Нѣмецкую землю воевать, многіе бои были, и наши Воеводы вездѣ побили, много городовъ поймали и теперь воюютъ.» Но Московскія войска не вездѣ по-

---

[75] Д. Крым. № 2 стр. 781 — 879; Д. Нагайск. № 1; лѣтопись подъ 1501 и 1502 годами.

[76] См. также и Разряды.

бѣждали Нѣмцевъ; дѣло же было слѣдующимъ образомъ. На лѣто 1501 года Московскія войска были сосредоточены, какъ со стороны степей, такъ и въ Новгородскихъ областяхъ. Враждебныя дѣйствія Нѣмцевъ противъ Псковитянъ начались тѣмъ, что они стали задерживать Псковскихъ пословъ и купцовъ. Псковичи послали къ Великимъ Князьямъ просить защиты. Къ Августу, по приказу Великихъ Князей, пришелъ въ Псковъ Князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ своими людьми, съ Князьями и помѣщиками Новгородскими; потомъ пришелъ Князь Данило Пенка съ Тверичами. Они остановились въ Псковѣ, дожидаясь Государева приказа. Тогда Псковитяне послали къ Великимъ Князьямъ сказать, что «Нѣмцы жгутъ и грабятъ, головы сѣкутъ и живыхъ въ плѣнъ ведутъ.» Въ слѣдствіе этой просьбы, Воеводамъ былъ данъ приказъ воевать Нѣмецкую землю вмѣстѣ съ Псковитянами. Одна рать добровольная ѣздила въ ушкуяхъ по озерамъ, но ни чего не сдѣлала. Тѣ же, которые пошли сухимъ путемъ, наѣхали, 27 Августа, Нѣмецкую силу въ 10 верстахъ за Изборскомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Нѣмцы напустили вѣтеръ изъ пушекъ и пищалей на Псковитянъ и Москвичей; помощи Божіей не было, и первые побѣжали Псковитяне, а потомъ Москвичи. Въ слѣдствіе этого пораженія въ Псковѣ былъ плачъ и рыданіе, но Нѣмцы не гнались за бѣгущими, а пошли подъ Изборскъ. Изборяне сами сожгли посадъ подъ городомъ, самому же городу Нѣмецкія пушки ни чего не сдѣлали. Нѣмцы простояли подъ городомъ день да ночь и потомъ пошли къ рѣкѣ Великой, грабя и разоряя Псковскую землю. Псковитяне не много бились на берегахъ рѣки съ Нѣмцами, которые и повернули къ Острову. Здѣсь имъ опять оказала услугу артиллерія; 7-го Сентября они начали стрѣлять по городу, зажгли его, и 8 числа взяли. Псковитяне не помогли ни чѣмъ Островитянамъ и, отъѣхавъ версты на три, видѣли, какъ Нѣмцы «огневые стрѣлы» пускали въ городъ. При взятіи Острова погибло около 4-хъ тысячъ его жителей, а городъ былъ выжженъ. По взятіи Острова, Нѣмцы отошли опять къ Изборску и ночевали подъ городомъ, а по утру отступили и сдѣлали засады. Изборяне пришли въ станъ, гдѣ ночевали Нѣмцы, но тѣ напали изъ засадъ и гнали Изборянъ до самыхъ стѣнъ города, при чемъ послѣднихъ погибло 130 человѣкъ. Въ то время, когда между Нѣмцами и Псковитянами происходили этѣ дѣла, Ли-

товцы, подъ начальствомъ Пана Черняка и Станислава Глѣбовича, [77] шли къ своимъ союзникамъ на помощь; на дорогѣ они стали осаждать Опочку и едва не взяли. Нѣмцы не могли долго дожидаться Литовцевъ и повернули домой; между ихъ войсками распространились болѣзни, а Московскія войска, къ которымъ пришла помощь, начали наступленіе. По приказу Великихъ Князей, Воеводы пошли воевать Нѣмецкую землю съ 24-го Сентября. Москвитяне пошли ближе къ озерамъ, а Псковитяне далѣе въ глубь Ливонской земли. Услышавъ, гдѣ стоятъ Юрьевскія войска, Москвитяне съ Татарами напали на нихъ и отмстили за свое пораженіе 27-го Августа; побѣда была полная: десять верстъ Нѣмцы были гонимы, и Лѣтописецъ говоритъ, что они всѣ были перебиты, такъ, что не осталось имъ и вѣстоноши, при чемъ Москвитяне и Татары били ихъ не саблями, а шестоперами, какъ свиней. Псковскія войска узнали объ этомъ боѣ, когда наѣхали на мѣсто сраженія (на трупъ). Послѣ этой побѣды Псковитяне, Москвичи и Татары, опустошая, прошли по Ливонской землѣ, кругомъ Чудскаго озера, и вышли здоровы на Иваньгородъ. [78]

V.

Такъ кончились военныя дѣйствія въ 1501 году; какъ въ Сѣверскихъ земляхъ, такъ и въ Псковскихъ, гдѣ Литовцы, не давши во время помощи своимъ союзникамъ, дали возможность Москвичамъ ихъ разбить. Такіе успѣхи могли дать надежду Москвичамъ, что Литовцы будутъ болѣе склонны къ миру; между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ не только не могъ быть увѣренъ, что на слѣдующее лѣто обстоятельства будутъ также благопріятны для него и Литовцы будутъ дѣлать промахи, но и то, что война на обширномъ театрѣ дѣйствій становилась тяжела для Московскаго Государства. Въ Москвѣ было рѣшено задрать Литовцевъ о мирѣ. Яковъ Захарьевичъ, человѣкъ котораго весною былъ задержанъ въ Литвѣ, началъ это дѣло. Онъ 4-го Декабря, 1501 года отправилъ

---

[77] Ак. Зап. Рос. т. 1, № 192, стр. 273.

[78] П. С. Р. Л. т. 4 стр. 273.

одного изъ Литовскихъ плѣнныхъ съ письмомъ къ Яну Забережскому. Содержаніе письма было слѣдующее: «Я отвѣчалъ тебѣ на письмо, что мы, Рада Государя нашего, дяди и наша братья, хотимъ, чтобы между Государями былъ миръ и любовь, и ты писалъ мнѣ, что вы, Рада Государя вашего, того же хотите. Ты знаешь, что нашъ Государь сказалъ послу вашего Государя: «Пришлетъ Князь Великій Александръ своихъ великихъ пословъ о мирѣ, и мы съ нимъ миру хотимъ.» Но вашего Государя послы до сихъ поръ не бывали, и въ это время крови Христіянской много пролилось. А что послалъ я къ тебѣ своего человѣка, и ты его задержалъ, ты его, Пане, отпусти, по тому что ты самъ знаешь: рати ходятъ, а посламъ и гостямъ зацѣпки нѣтъ.»[79] Но отвѣта на это письмо не послѣдовало. Александру было не до переговоровъ: въ это время онъ добывалъ себѣ цѣлое царство на Западѣ: Король Польскій Янъ, Альбрехтъ, скончался, и Александръ хлопоталъ о выборахъ, коронаціи, разсылкѣ пословъ съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на Польскій престолъ и т. д. Въ Москвѣ должны были готовиться къ продолженію войны съ усилившимся врагомъ.

Разсказъ о военныхъ событіяхъ этого года мы по прежнему начнемъ со Степныхъ дѣлъ. Шихъ-Ахматъ въ слѣдствіе степнаго пожара, сдѣланнаго по приказу Менгли-Гирея, отошелъ для зимованья отъ рѣки Семи и всталъ у устья Десны, не далеко отъ Кіева. Между имъ и Литовцами начались ссоры: они его не пускали за Днѣпръ, а между тѣмъ зима въ степяхъ была чрезвычайно холодная; отъ этого Орда охудѣла. Менгли-Гирею теперь легко было воевать съ Золотой Ордой. Но Турецкій Султанъ хотѣлъ примирить враговъ: онъ прислалъ посла въ Крымъ съ предложеніемъ примириться съ Шихъ-Ахматомъ, съ тѣмъ же предложеніемъ явился посолъ и въ Орду, приказывая при этомъ, чтобы Шихъ-Ахматъ не переходилъ за Днѣпръ. Примирить враговъ было трудно, и Турецкій посолъ былъ убитъ въ Ордѣ. Весною Менгли-Гирей вышелъ со всею своею Ордою изъ Перекопа, объявляя при этомъ, что нынѣшнѣе лѣто не должно такъ кончиться, какъ

---

[79] Ак. З. Р. т. 1, № 192 стр. 244 — 245.

прошлогоднее. По мѣрѣ того, какъ Крымцы приближались къ Золотой Ордѣ, къ нимъ начали переходить улусы Шихъ-Ахматовы; эта измѣна происходила въ слѣдствіе ссоръ предводителей Орды. Въ началѣ Іюня Менгли-Гирей и Шихъ-Ахматъ сошлись, и дѣло кончилось тѣмъ, что остальные улусы Шихъ-Ахмата или передались Крымцамъ, или были побраны въ плѣнъ. Побѣжденный Шихъ-Ахматъ бросился на востокъ и ускакалъ къ Волгѣ, къ устью Камы, а Менгли-Гирей съ торжествомъ гналъ плѣнныхъ въ Крымъ. Въ Москву изъ Крыма явилось посольство съ извѣстіемъ объ этой погибели Золотой Орды и также съ безчисленнымъ количествомъ запросовъ Царя, Царевичей и Вельможъ Крымскихъ: каждый изъ нихъ хвастался своими подвигами и просилъ вознаградить то, что потерялъ на войнѣ.

Нельзя было радоваться этой побѣдѣ Менгли-Гирея. Теперь Крымская Орда сдѣлалась особенно сильна, и ее покуда некѣмъ было сдерживать, по тому что братьевъ Шихъ-Ахмата, по ихъ безсилію, нельзя было считать важными врагами Крыма. Первымъ плодомъ погибели Золотой Орды было то, что остатки ея разсыпались по степямъ, увеличили число разбойниковъ въ родѣ Азовскихъ Казаковъ, и тѣмъ значительно засорили путь между Москвою и Крымомъ. Только разъ въ этомъ году отправились Татары изъ Москвы въ Крымъ съ грамотами, содержащими поздравленіе съ побѣдой, но и этѣ Татары были ограблены въ степяхъ. Менгли-Гирей послѣ побѣды воротился въ Крымъ и захотѣлъ исполнить обѣщаніе Москвичамъ относительно Литвы. Онъ отправилъ двухъ своихъ младшихъ сыновей воевать въ Литовскія земли и говорилъ, что будто съ ними пошло 90,000 человѣкъ. Поздравляя съ побѣдой Менгли-Гирея, Иванъ Васильевичъ писалъ, что онъ отправилъ своего сына, Дмитрія, подъ Смоленскъ; получивъ этѣ вѣсти, Менгли-Гирей приказалъ сыновьямъ, чтобы они шли съ одной стороны подъ Кіевъ, а съ другой подъ Луцкъ и разоряли бы до Вильны. Въ Крымѣ были вѣсти, что Александръ Казимировичъ стоитъ въ Львовѣ съ 30,000 человѣкъ войска и потомъ передвинулся къ Луцку. Царевичи, вышедшіе изъ Крыма, остановились, по тому что мѣсяцъ Августъ казался имъ лихъ, но въ Сентябрѣ вторглись въ Литовскія владѣнія. Орда, которая пошла на западъ, разоряла мѣста около Луцка, Львова, Люблина

и доходила даже до Кракова; другая же Орда грабила около Кіева. Царевичи не ходили только по такимъ мѣстамъ, гдѣ было много лѣсовъ, а полону привели въ Крымъ «добре много,» говоритъ Московскій посолъ о слѣдствіяхъ этого набѣга. Послѣ возвращенія однихъ Царевичей, изъ Крыма пошли другіе на промыселъ, и возвратились съ такимъ же успѣхомъ, какъ и первые.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Менгли-Гирей прислалъ грамоту въ Москву, и въ ней говорилъ, что «какъ послалъ я рать на Литовскую землю, то у меня была такая дума: рать у насъ пошла многая подъ Русь, и услышитъ это Ахметъ Царь, то, взявъ Нагайскую рать на помощь, пойдетъ на насъ, и что я буду тогда дѣлать?» Подъ вліяніемъ этой думы онъ хотѣлъ вернуть Царевичей, но тѣ ушли далеко. «Но я теперь здоровъ,» продолжаетъ Менгли-Гирей, «и услышавъ, что всѣ на тебя пошли, самъ сѣлъ на конь и своимъ городамъ хребетъ показалъ, а рать свою на недруговъ послалъ. Да теперь Король Александръ прислалъ ко мнѣ своего толмача съ грамотой, а грамоту писалъ неумѣющій по Бесерменски человѣкъ, и мы ее едва прочли.» Эту грамоту Менгли-Гирей прислалъ въ Москву; она отличается отъ тѣхъ грамотъ, которыя прежде писаны изъ Литвы въ Орды; въ ней Александръ уже не называетъ Ивана Васильевича Татарскимъ холопомъ. Изъ этой грамоты мы узнаемъ, что передъ тѣмъ, какъ посылать Царевичей на Литву, Менгли-Гирей извѣстилъ и Александра о своей побѣдѣ надъ Шихъ-Ахматомъ. Теперь, во время страшныхъ опустошеній Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Александръ писалъ въ грамотѣ: «Я услышавъ, что ты взялъ большую Орду, обрадовался. Ты не думай, что я, привелъ Шихъ-Ахмата на тебя: можно ли это сдѣлать? Вѣдь я твой старой становитъ и братомъ тебѣ былъ. Все дѣло случилось такъ: я, чтобы быть въ дружбѣ съ Великимъ Княземъ Иваномъ, ему сыномъ учинился, да потомъ разсорились, и я привелъ Шихъ-Ахмата Великаго Князя воевать, а Великій Князь за это тебя мнѣ недругомъ сдѣлалъ. Ты теперь на меня рати не посылай, я къ тебѣ отправлю посломъ Кіевскаго Воеводу, Дмитрія Путятича, человѣка, знатнѣе котораго у меня людей мало; съ этѣхъ поръ твоимъ братьямъ, Царевичамъ, дѣтямъ и всѣмъ буду постоянно поминки посылать.» Получивъ такую грамоту, Менгли-Гирей обо всемъ этомъ, какъ сказано, по-

слалъ извѣстить въ Москву; Литовскаго посланца онъ задержалъ, но переговоры этѣмъ не прекратились. Когда Царевичи, послѣ набѣговъ, воротились изъ Литовскихъ владѣній, то Литовскій посланецъ былъ отпущенъ въ Генварѣ 1503 года. Когда же Московскій посолъ началъ говорить, чтобы Царь не заводилъ этѣмъ отпускомъ переговоровъ съ Литвою, то Менгли-Гирей отвѣчалъ: «За чѣмъ мнѣ его не отпускать? Ты самъ подумай, сколько они намъ добра даютъ.» [83]

---

[83] Д. Крым. № 2, стр. 854 — 1024. Грамота Александра къ Менгли-Гирею, писанная въ 1502 году, напечатана въ Ак. З. Р. т. 1, № 196. Въ примѣчаніи сказано слѣдующее: «Изъ Статейтаго списка Крымскихъ дѣлъ (№ 1, л. 935), хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Datum нѣтъ. Актъ этотъ примѣтно списанъ былъ Великорусскимъ переписчикомъ.» Изъ этого примѣчанія ясно узнаемъ, что издатели не только не читали, но и не видѣли Статейнаго Списка, по тому что, кромѣ словъ, что актъ взятъ изъ Крымскаго Статейнаго Списка, хранящагося въ такомъ-то архивѣ, остальное цѣликомъ ошибка. Первое, по чему актъ «примѣтно списанъ Великорусскимъ переписчикомъ?» Если бы издатели хорошо были знакомы съ Статейными Списками, то узнали бы, что и рѣчи Литовскихъ пословъ въ Москвѣ записывали, большею частію, своимъ нарѣчіемъ, а въ отношеніи этого ктаа иначе и быть не могло, такъ какъ Менгп-Гирей прислалъ его въ подлинникѣ. Въ Москвѣ этотъ листъ, вмѣстѣ съ Крымскими грамотами, перевели и записали въ Статейный Списокъ. Вторая ошибка, что листъ напечатанъ изъ Крымскаго Статейнаго Списка № 1, л. 935. Въ первомъ и второмъ нумерахъ Крымскихъ Статейныхъ Списковъ нумерація идетъ не по листамъ, а по страницамъ; а потомъ еще то, что въ 1-мъ № Крымскихъ Дѣлъ только 614 стр., и дѣла, въ немъ заключающіяся, доходятъ, по времени, до 1499 года. Здѣсь надо замѣтить, что до XIX столѣтія первой и второй Крымскіе Статейные Списки составляли одинъ №, но, кажется, Бантышъ-Каменскій ихъ раздѣлилъ на два, а нумерація идетъ по старому, т. е., во второмъ номерѣ первая страница есть 615; слѣдовательно, ошибка заключается въ томъ, что этотъ актъ нужно искать не въ первомъ, а во второмъ №. Но если искать по указаніямъ издателей Актовъ, принявъ ихъ листы за страницы, то все таки не отыщешь, по тому что актъ находится не на 935, а, если не ошибаюсь, на 982 или 983 страницѣ (см. Карамзина т. VI, пр. 531; Карамзинъ уже пользовался дѣлами съ исправленной нумераціей страницъ). Не должно думать, что все это опечатки, по тому что въ XVIII столѣтіи все это было вѣрно. Когда читалъ Статейные Списки Князь Щербатовъ, то два нумера считались за одинъ, а въ нумераціи была ошибка почти на 50 страницъ, и эту ошибку въ началѣ XIX вѣка поправили, а старую невѣрную зачеркнули. У Щербатова этотъ листъ напечатанъ въ Приложеніяхъ къ его исторіи, а издатели Актовъ Западной Россіи, въ 1846 году, если от-

У Великаго Князя Литовскаго, Александра Казимировича, когда онъ сдѣлался и Королемъ Польскимъ, кромѣ Москвы и Татаръ, явился еще врагъ, для котораго соединеніе Литвы и Польши было всего опаснѣе: то былъ Стефанъ Молдавскій. Мы видѣли, что онъ предлагалъ Ивану Васильевичу примириться съ зятемъ, а послѣдній, чтобы привлечь Стефана на свою сторону, указывалъ ему на то, какую онъ терпитъ обиду, въ лицѣ своей дочери, Елены, и внука, Дмитрія Ивановича. Александръ, какъ мы видѣли, въ своихъ посольствахъ объ этомъ дѣлѣ говорилъ такими намеками, которые были очень ясны. Такъ какъ по случаю войны сношенія Москвы съ Молдавіей прекратились, то Стефанъ написалъ къ Менгли-Гирею слѣдующее: «Отпиши мнѣ: живы ли моя дочка и внукъ?» Менгли-Гирей позвалъ къ себѣ Московскаго посла и потребовалъ объясненія: «Слава Богу, здоровы,» отвѣчалъ тотъ. Но этого для Стефана было мало, по тому что изъ Литвы ему объяснили дѣло подробно. Онъ снова написалъ къ Менгли-Гирею: «Послы ѣздятъ и гонцы гоняютъ между тобою и Великимъ Княземъ, такъ ты узнай для меня: отнялъ ли Великій Князь у моего внука Великое Княженіе Московское, и далъ ли его своему сыну, Василію?» Одинъ изъ гонцовъ разсказывалъ въ Крыму, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Но Московской посолъ хотѣлъ это поправить и говорилъ Царю: «Тебѣ Арвана (имя гонца) разсказывая, ошибся (омякнулся); Государь далъ своему сыну Великое Княженіе, но на Новгородъ.» Самъ же Иванъ Васильевичъ по этому поводу приказывалъ говорить послу, что если спросятъ: «Кого пожаловалъ Великій Князь подъ собою Великимъ Княженіемъ?» то молвить: «Пожаловалъ сына своего, Василья, подъ собою Государствами, также какъ и самъ на Государствахъ.» А вспроситъ кто про внука, то говорить: «Государь пожаловалъ было его Великимъ Княженіемъ, а онъ, да и его мать, Великая Княгиня, Елена, проступились, не по пригожу учинили, и Государь за ту проступу взялъ у внука Великое Княженіе и отдалъ его своему сыну, Василію.» Но поправить такимъ образомъ своего

туда перепечатали, снабдили своимъ выше приведеннымъ примѣчаніемъ; но если взяли издатели у Щербатова, то на это не сослались и, вмѣсто страницы, какъ у него значится, напечатали листъ. Слогъ акта издателями исправленъ, а актъ кажется и Щербатовымъ напечатанъ не весь.

посла Ивану Васильевичу не скоро удалось, по тому что посламъ и гонцамъ нельзя было проѣхать въ Крымъ по степямъ, и Стефанъ, въ слѣдствіе этого, остался при первомъ объясненіи и вскорѣ послѣ этого, умеръ (въ 1504 году). Теперь, въ 1502 году, когда Менгли-Гирей побѣдилъ Шихъ-Ахмата и намѣревался дѣлать набѣги на владѣнія Александра, то и Стефанъ началъ собирать свою рать. Причиною своихъ враждебныхъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ Стефанъ выставлялъ то, что когда Александръ сдѣлался Королемъ Польскимъ, то назначили срокъ съѣзда пословъ на границахъ, на Михайловъ день (8-го Ноября), но послы не пріѣхали.[84] Въ то время, когда Царевичи пошли опустошать южные предѣлы Польши и Литвы, Стефанъ также вторгнулся во владѣнія Александра и началъ захватывать земли, на верхнемъ теченіи Прута и Днѣстра (Снятынь, Покутье и др.), и на тѣхъ мѣстахъ посажалъ своихъ людей. Тогда Александръ прислалъ сказать Стефану: «Ты мнѣ недружбу чинишь и дѣлаешь пользу Великому Князю, а онъ твою дочь поималъ и у внука Великое Княженіе отнялъ.» Стефанъ еще разъ обратился къ Менгли-Гирею съ тѣмъ, чтобы тотъ хорошенько разузналъ, въ чемъ же все дѣло состоитъ, и если то правда, что говоритъ Александръ, то онъ, Стефанъ, съумѣетъ Великому Князю сдѣлать непріятность, по тому что теперь въ Молдавіи находятся Московскіе послы изъ Италіи съ нанятыми мастерами, и онъ ихъ не отпуститъ. Менгли-Гирей хотѣлъ Московскаго посла даже къ присягѣ привести въ достовѣрности его словъ, но тотъ прямо утверждалъ, что все это дѣло есть Литовская ложь. Увѣрившись въ словахъ посла, Менгли-Гирей написалъ къ Стефану: «Охота тебѣ вѣрить словамъ недруга. Если бы это все было правда, то я тебѣ самъ бы объ этомъ написалъ; а ты лучше пришли ко мнѣ своего человѣка; я его отправлю въ Москву, и онъ увидитъ твою дочь и внука.»[85]

Всѣ этѣ обстоятельства, набѣги Татаръ и занятіе Стефаномъ многихъ земель, принесли значительную пользу Москвичамъ, по тому что отвлекали силы Александра на югъ. Но еще ранѣе,

---

[84] Литовская Метрика, пятая книга записей, л. 269 — 271.

[85] Д. Крым. № 2 стр. 952 — 1024.

вскорѣ послѣ побѣды Менгли-Гирея надъ Шихъ-Ахматомъ, въ виду Татарскаго нашествія, Александръ рѣшился начать переговоры съ Москвою о мирѣ. Но теперь мы обратимся къ тому, что дѣлалось на сѣверѣ.

Часть Московскихъ войскъ, подъ начальствомъ почти тѣхъ же Воеводъ, что и прошлымъ годомъ, была сосредоточена въ Новгородскихъ областяхъ. 17-го Марта Нѣмцы вторглись въ Псковскія земли, къ Красному Городку, начали опустошенія, захваты людей въ плѣнъ и осадили Городокъ; Псковская рать двинулась къ Красному Городку, но Нѣмцы побѣжали прочь. Въ Сентябрѣ (2-го) самъ Магистръ, Вальтеръ Плетенбергъ, подступилъ къ Изборску и началъ приступъ, но города не взялъ. Простоявъ здѣсь одну ночь, онъ двинулся къ Пскову, куда явился черезъ шесть дней. Нѣмецкая артиллерія начала стрѣлять по городу, но Псковитяне сами сожгли посадъ за рѣкою Великой и потомъ вышли въ Заличье биться съ Нѣмцами. Нѣмецкая артиллерія много стрѣляла по городу, такъ что едва не разрушила дѣтинца. На другой день Нѣмцы съ Завеличья пошли на броды, къ Выбуду; Псковитяне долго бились на бродахъ, но Нѣмцы перешли броды и подошли къ Полонищу, начали приступать къ городу и лѣзти на стѣны. Простоявъ два дни на Полонищѣ, Нѣмцы пошли обратно тѣмъ же путемъ, которымъ пришли. Псковитяне во время осады ждали рати Великаго Князя: Князья Щеня и Шуйскій явились, но уже тогда, когда Нѣмцы ушли отъ города. Нѣмцы отступали, жгли за собою мосты на рѣкахъ и шли такими мѣстами, по которымъ прежде никогда не ходили. Воеводы Великаго Князя и Псковитяне погнались за ними и догнали у озера Смолина. Нѣмцы поставили свой кошъ и говорили между собою: «Если Русь ударится на кошъ, то мы выйдемъ изъ Псковской земли; а если Русь нападетъ на насъ, то намъ придется здѣсь головы сложить.» Дѣйствительно, сначала Псковитяне, а потомъ Москвичи, бросались на обозъ, перебили Чудь Кошевую и въ заключеніе начали драться между собою за добычу. Во время погони и грабежа обоза войска разстроили свой строй. Воеводы ѣздили по полкамъ и хотѣли привести ихъ въ порядокъ: Псковскій Князь ѣздилъ и загонялъ Псковитянъ, разбредшихся розно, чтобы они были въ строю, но за это занятіе своего Князя, Псковитяне изъ за

кустовъ обзывали его разными прозвищами. Все это повело къ тому, что между Нѣмцами и Русскими была сѣча, но не велика и кончилась тѣмъ, что первые благополучно воротились домой.[80] Вообще всѣ этѣ походы 1502 года Плетенбергъ предпринималъ по тому, что надѣялся на помощь Литовскихъ войскъ, которыя въ нынѣшнемъ году по договору должны были напасть на Москвичей одновременно съ Нѣмцами. Но этѣ Литовскія войска безъ дѣла простояли въ Полоцкѣ.[81]

Этѣмъ война около Пскова кончилась и въ слѣдующемъ году было заключено перемиріе. Изъ не состоявшагося посольства въ Крымъ[82] узнаемъ, что Иванъ Васильевичъ объ этѣхъ военныхъ событіяхъ такъ наказывалъ говорить: въ Псковѣ находились не многіе люди Государевы, и на томъ бою Нѣмцы убили одного, или двухъ человѣкъ, а Воеводы Великаго Князя Нѣмцевъ побили. Въ рукописи этого посольства далѣе слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ о томъ, что Нѣмцы приходили въ Псковскую землю, а у Воеводъ не всѣ люди были вмѣстѣ.

Въ Москвѣ на 1502 годъ приготовлялись къ болѣе важному предпріятію, чѣмъ то, которое было въ Псковскихъ земляхъ. Въ прошломъ году Нѣмцы и Литовцы хотѣли осаждать Псковъ; въ нынѣшнемъ же году Литовцамъ было не до Пскова, въ слѣдствіе тѣхъ дѣлъ, которыя были на ихъ границахъ съ степями, Нѣмцы и Литовцы желали взять Псковъ, за то Москвичи теперь захотѣли взять Смоленскъ. Какъ только въ Москвѣ услыхали о побѣдѣ Менгли-Гирея надъ Шихъ-Ахматомъ, то двинули рать къ Смоленску. Во главѣ этого войска стоялъ сынъ Ивана Васильевича, Дмитрій, по прозванію Жилка; вмѣстѣ съ нимъ были Князь Василій Холмскій и Яковъ Захарьевичъ. 14-го Іюля, въ день Шелонской и Ведрошской битвъ, выступила рать для осады Смоленска. Но осада была неудачна, приступы къ городу были отбиты Литовцами. Какое впечатлѣніе должны были производить на Москвитянъ постоянные ихъ успѣхи, свѣдѣтельствуетъ то, что

---

80 П. С. Р. Л. т. 4, стр. 275 — 276; въ другихъ лѣтописяхъ подъ 1502 годомъ.

81 Лит. Метр. 5-ая кн. записей, лист. 241 — 243.

82 Посольство Берсеня, въ Наказѣ, Дѣл. Крымск. № 2.

послѣ трехъ лѣтъ тяжелой войны они рѣшились осаждать такую сильную крѣпость, какъ Смоленскъ, и въ сущности выслать подъ нее послѣднія свои силы. За то постоянныя неудачи Литовцевъ и ихъ союзниковъ дѣлали то, что когда началась осада Смоленска, то 3-го Августа въ Минскѣ было написано письмо отъ Епископа Виленскаго, Войтѣха, и всей Рады Великаго Князя Литовскаго, Александра, къ братьямъ своимъ и пріятелямъ, Князьямъ и Панамъ Рады Великаго Князя, Ивана Васильевича, Государя всея Руси. Въ письмѣ говорилось, что прошлымъ годомъ уже начались переговоры о мирѣ, а нынѣшнею зимою Яковъ Захарьевичъ писалъ къ Яну Юрьевичу о томъ, чтобы переговоры продолжать: «Да у насъ случилось то, что, Божіею волею, Король Польскій Альбрехтъ скончался, и за выборомъ его брата, Великаго Князя Александра, въ Короли, некогда было начать переговоры; теперь же Радамъ Государей слѣдовало ихъ вести къ миру между собою; по этому Великій Князь выслалъ бы опасныя грамоты на пословъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго.» Это письмо было послано Литовцами въ Московскій станъ подъ Смоленскъ и отсюда переслано въ Москву (получено въ Москвѣ 23 Августа). 27 Августа отправленъ былъ отвѣтъ отъ имени Бояръ Московскихъ; въ письмѣ, по обычаю, вину начатія войны складывали на Литовцевъ. Вмѣстѣ съ этѣмъ письмомъ была отправлена и опасная грамота на пословъ Великаго Князя Литовскаго. Отправляя этѣ бумаги черезъ свой станъ подъ Смоленскомъ, Иванъ Васильевичъ наказалъ сказать сыну, чтобы онъ, отпуская отъ себя Войтѣхова человѣка, не дозволялъ ему входить въ Смоленскъ, для того, чтобы тамъ не знали, что дана опасная грамота на пословъ: «Да и вы бы за тѣмъ дѣла не откладывали, а, уповая на Бога, Живоначальную Троицу, на Пречистую Божію Матерь, на Святыхъ Чудотворцевъ и родительскую молитву, города Смоленска доставали, посмотря по дѣлу, какъ Богъ васъ вразумитъ.» Далѣе въ этѣхъ рѣчахъ Ивана Васильевича къ сыну есть замѣчательная прибавка: «Нѣчто Великій Князь Александръ пойдетъ къ Смоленску на помощь, или людей пошлетъ, то ты бы меня объ томъ безъ вѣсти не держалъ. Я здѣсь нарядилъ сына своего, Василія, со многими людьми, и его, да и Царевичей, которые къ намъ нынѣ пріѣхали, да и Казанскую рать часа того.» Этѣ слова имѣютъ особенный смыслъ: Иванъ

Васильевичъ употреблялъ послѣднія свои средства въ борьбѣ съ Литвою, и это письмо показываетъ, какъ они были уже незначительны, и въ то же время какъ употребленіе ихъ было опасно для Государства. Онъ хочетъ послать Царевичей, которые пріѣхали: то были братаничи Шихъ-Ахматовы. Самъ Шихъ-Ахматъ, когда разогнали его Орду, убѣжалъ только съ 400 человѣкъ, или немного больше; по этому нельзя предполагать, чтобы у его двоюродныхъ братьевъ осталось народу многимъ больше, чѣмъ у него самаго. Что же касается Казанской рати, то хотя въ ней, положимъ, и больше было народу, чѣмъ у Царевичей, но, тронувши ее съ мѣста, значило совершенно очистить восточные предѣлы Московскаго Государства и подчиненную ему Казань, у которой при томъ были не совсѣмъ спокойные сосѣди, Нагайцы. [83]

Дмитрій Ивановичъ не могъ взять Смоленска, но пошелъ отъ него не домой, а началъ опустошать тѣ мѣста, гдѣ еще не бывали Московскія войска. Былъ взятъ городъ Орша и отсюда начались опустошенія на юго-востокъ, между Сожью и Днѣпромъ, т. е., на западъ отъ Мстиславля; потомъ край между Днѣпромъ и Двиной, даже до Березины, былъ тоже опустошенъ; у Витебска былъ сожженъ посадъ, подходили даже къ Полоцку. При этомъ съ сѣвера помогали этѣмъ набѣгамъ войска, находившіяся въ Новгородскихъ областяхъ. [84] 23 Октября Дмитрій Ивановичъ возвратился изъ своего похода. Но обѣщанное посольство изъ Литвы, для переговоровъ о мирѣ, еще не являлось въ Москву; въ Литвѣ какъ бы дожидались исхода всѣхъ событій этого года, и только съ половины Декабря начались переговоры. Войска, посланныя Александромъ на помощь къ Смоленску, простояли безъ дѣла около Минска.

Изложивъ событія этой войны, кажется, не имѣемъ права сдѣлать такой выводъ, что «война продолжалась четыре года, но военныя дѣйствія шли медленно: иногда по цѣлому году не было движенія ни съ той, ни съ другой стороны». [85] Кромѣ Ведрошской

---

[83] Ак. З. Р. т. 1, № 192, стран. 245 — 249.

[84] Дѣла Крым.: не состоявшееся посольство Берсеня.

[85] Ист. Рос. т. 5, изд. 2, стр. 191; ошибочность этого вывода объясняется ошибкой, сдѣланной издателями Ак. З. Р.; см. выше ч. II, прим. 49.

битвы, каждый годъ ознаменовался какимъ ни будь важнымъ событіемъ. Но здѣсь должно замѣтить другое, что, кромѣ перваго года войны, въ остальные два (по тому что война шла только три года) всѣ важныя дѣйствія Московскихъ войскъ совершались осенью. Это объясняется вліяніемъ Степныхъ дѣлъ. Что касается до завоеваній Москвичей, то они всѣ были сдѣланы главное въ первый годъ, при помощи Князей; далѣе завоеванія нельзя было продолжать, не взявши Смоленска, и это дѣло уже совершилъ сынъ Ивана III.

ГЛАВА IV.

Перемиріе.

Посольства въ Москвѣ: отъ Папы и Угорскаго Короля, изъ Польши и Литвы, и Ливоніи.—Письма Елены Ивановны въ Москву, характеръ ихъ и переговоры о Греческомъ Законѣ.—Требованіе возвращенія всей Руси Москвѣ, какъ главное условіе вѣчнаго мира; переговоры при посредничествѣ Папскаго посла; заключеніе перемирія. — Обхожденіе Москвичей съ Нѣмецкими послами; подтвержденіе союзниками Ливонцевъ Московскихъ требованій относительно веденія переговоровъ съ Ливонцами.—Задержка Московскихъ пословъ въ Литвѣ и подтвержденіе Александромъ Казимировичемъ договорной грамоты.—Признаніе со стороны Польши за Московскимъ Государемъ титула «Государя всея Руси.»—Надежды враговъ Россіи при извѣстіи о смерти Ивана Васильевича и разочарованіе ихъ въ этомъ, потому что Василій Ивановичъ слѣдуетъ политикѣ своего отца.—Желаніе со стороны Василія Ивановича вступить на Литовскій престолъ послѣ смерти Александра Казимировича и враждебныя его сношенія съ Сигизмундомъ Казимировичемъ.—Отношенія Московскаго и Литовскаго Правительствъ, къ Крыму, Казани и Ливоніи въ началѣ государствованій Василія Ивановича въ Москвѣ и Сигизмунда Казимировича въ Литвѣ.

I.

Александръ рѣшился наконецъ вступить въ переговоры о мирѣ съ Москвою, и главному своему союзнику, Магистру Ливонскому, объяснялъ причину такихъ своихъ дѣйствій тѣмъ, что союзникъ его, Царь Заволжскій, пришелъ было къ нему на помощь, но Менгли-Гирей, Царь Перекопскій, согналъ его съ Поля; а онъ Александръ, по этому долженъ былъ объяснять Перекопскому, что Шихъ-Ахмата приводилъ не на него, а на Московскаго; кромѣ этого еще то, что Александру приходится защищаться не только отъ Московскаго и Перекопскаго, но Литовскимъ и Польскимъ границамъ еще грозятъ своимъ нападеніемъ Турки; наконецъ, хотя, по условію, Литовскія войска, въ нынѣшнемъ 1502 году, должны были помочь Ливонскимъ войскамъ, но они подъ начальствомъ

Пана Черника простояли въ Полоцкѣ и не шли, по тому что денегъ не было. Въ слѣдствіе этѣхъ и другихъ причинъ, Александръ объявлялъ, что хочетъ мириться съ Московскимъ Великимъ Княземъ и приглашалъ къ этому же Магистра. На это Магистръ отвѣтилъ упреками, что Литовцы не помогли во время; теперь же онъ не можетъ дать положительнаго отвѣта о всемъ дѣлѣ, по тому что нѣтъ при немъ всѣхъ совѣтниковъ, но вообще благодаритъ за то, что безъ него Король не хочетъ одинъ мириться. [86] Всѣ этѣ пересылки кончились, однако, тѣмъ, что согласіе на заключеніе мира съ Москвою и со стороны Магистра было дано. Въ половинѣ Декабря Рада Литовскаго Великаго Княжества прислала къ Московскимъ Боярамъ грамоту, въ которой объяснялось, что Паны Рада просили прислать опасный листъ на Великихъ пословъ Литовскихъ и Польскихъ, а въ Москвѣ дали только на пословъ Литовскаго Великаго Князя, Александра. При этомъ Паны Рада просили, чтобы также данъ былъ опасный листъ на пословъ Ливонскаго Магистра и извѣщали Бояръ, что ѣдетъ въ Москву Сигизмундъ Сантай, посолъ отъ Папы и Короля Угорскаго. Этотъ посолъ пріѣхалъ въ Москву 29-го Декабря; 1-го Генваря былъ у Великаго Князя и правилъ отъ Папы благословеніе и поздравленіе, а отъ Короля Владислава поздравленіе. Въ грамотѣ отъ Папы, Александра VI, объяснялось «любимому сыну», что Христіянскимъ Государямъ нужно соединиться для борьбы съ невѣрными Турками, и что Папа, Александръ, «посреди своихъ иныхъ спасительныхъ попеченій,» устроеніе этого союза поручилъ Кардиналу Регнусу. Посолъ также подалъ грамоты и отъ этого Кардинала Регнуса, съ изложеніемъ тѣхъ же дѣлъ. Такимъ образомъ явился еще посредникъ, въ борьбѣ Москвы съ Литвою, Папа, и это посредничество въ Москвѣ приняли. На другой день посолъ долженъ былъ явиться къ Великому Князю съ рѣчами отъ Короля Владислава, но, въ слѣдствіе обычнаго Московскаго угощенія, посолъ «тоѣ ночи пьянъ разшибся, да, за немочью, съ Королевыми рѣчами не былъ», а былъ за него толмачъ, который и подалъ списки съ этѣхъ рѣчей. Такъ какъ рѣчи отъ Угорскаго Короля имѣли тотъ же смыслъ, что и два года назадъ, то и от-

---

[86] Литов. Метр. 5-я кн. записей, л. 241—242; Suppl. ad. Hist. Rus. Mon. №№ CXXVI и CXXVII.

вѣтъ соотвѣтствовалъ прежнему. При этомъ, въ отвѣтъ на рѣчи Папы, была изложена главная причина войны: принужденіе Православныхъ къ Католичеству, а что противъ Невѣрныхъ Москвичи всегда стояли и хотятъ стоять. Впрочемъ, теперь все дѣло Сигизмунда Сантая заключалось въ томъ, чтобы изъ Москвы даны были опасныя грамоты на пословъ Польскихъ и Литовскихъ. Этѣ грамоты были даны и, вмѣстѣ съ ними, дана была опасная грамота отъ «Царя всея Руси» для Нѣмцевъ, которые «били челомъ» Александру, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, что хотятъ прислать своихъ пословъ къ Царю всея Руси «бить челомъ». Литовскій посланецъ поѣхалъ изъ Москвы 18 Генваря, а Угорскій и Папинъ посолъ остался въ Москвѣ дожидаться Александровыхъ и Ливонскихъ пословъ.

4-го Марта этѣ послы (Петръ Мышковскій отъ Польши, Станиславъ Глѣбовичъ отъ Литвы, и Ивашка Гильдорпъ отъ Нѣмцевъ) прибыли въ Москву и 7-го были у Великаго Князя. Александровы послы въ рѣчахъ говорили, чтобы постановить миръ на прежнемъ доконччаньѣ и всѣхъ плѣнныхъ выпустить на обѣ стороны. [87] Во время этого перваго представленія пословъ были поданы письма Елены Ивановны, чрезъ ея Канцлера, Сапѣгу, къ отцу, матери и братьямъ, Василію и Юрію. На этѣ письма мы обратимъ несравненно болѣе вниманія, чѣмъ на самыя рѣчи пословъ, такъ какъ этѣ письма есть вопль о несостоятельности Польско-Австрійской брачной системы, програма того, что надѣялись получить Ягайловцы посредствомъ брака, и въ то же время этѣ письма были, такъ сказать, соломинка, за которую хватались погибающіе. Весь умъ, который создалъ знаменитую брачную политику, такъ сказать, вылился въ этѣхъ письмахъ, и все, что прежде было разбросано въ посольствахъ, повторилось теперь здѣсь всецѣло. «Отецъ мой, Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію, Государь всея Руси, Самодержецъ Царства Казанскаго и иныхъ»: такой титулъ давала Елена Ивановна своему отцу въ то самое время,

---

[87] Подъ № 197 въ Ак. З. Р. т. 1, изъ Литовской Метрики напечатаны рѣчи Угорскаго посла, списокъ которыхъ ему должны были дать Александровы послы по ихъ пріѣздѣ въ Москву. Въ Метрикѣ сказано, что онъ ихъ говорилъ. Издатели Актовъ отнесли этѣ рѣчи къ 7-му Марту, но изъ Статейнаго Списка не видно, чтобы все, помѣщенное въ этѣхъ рѣчахъ, говорилъ Сантай.

когда ея мужъ не употреблялъ и титула «Государя всея Руси» — «Дочь твоя тебѣ челомъ бьетъ... Государь мой мужъ послалъ къ тебѣ великихъ пословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыя отъ твоихъ людей, съ Божія попущенія, начались. Многая кровь Христіянская проливается, женъ и дѣтей ведутъ въ неволю, вѣра Христіянская гибнетъ, церкви Божія пустѣютъ, и все это отъ докончанья, крестнаго цѣлованья и кровнаго связанья между вами, Христіянскими Государями». Смыслъ этѣхъ словъ мы уже видѣли отчасти и въ посольскихъ рѣчахъ Литовцевъ; въ этомъ письмѣ, точно такъ же, какъ и въ посольствахъ, все дѣло сводилось къ тому, что нѣсколько человѣкъ произвели войну: «отцы ихъ, измѣнники, прежде тамъ въ Москвѣ, а дѣти ихъ теперь въ Литвѣ, и дай имъ Богъ, измѣнникамъ, то, что было родителю нашему отъ ихъ отцовъ; они промежъ васъ, Государей, мутятъ, а сами по шею въ крови ходятъ,» и т. д. О самой же Еленѣ Ивановнѣ говорилось: «Вся вселенная вопіетъ, и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, Государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ своимъ дѣтямъ?» Надежды, которыя питали Литовцы при заключеніи Александрова брака, высказаны въ письмѣ такъ: «Господинъ, Государь батюшка, вспомни, что я есть служебница и дѣвка твоя, и далъ ты меня за такого же брата своего, какъ и ты; а вѣдаешь ты самъ, что ты далъ ему за мной, и что потомъ я ему съ собой принесла; однако жъ, Государь мой держалъ меня въ чести и жалованьѣ..... Государь мужъ мой, его мать, братья его, Короли, зятья и сестры, Паны Рада и вся земля его, всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на Поганство; но теперь видятъ, что со мною пришло всевозможное зло... а я сама разумѣю и какъ вижу, что дѣлается въ миру, что всякой заботится о своихъ дѣтяхъ и всякимъ ихъ добромъ промышляетъ, и только одну меня, по моимъ грѣхамъ, Богъ забылъ. Господинъ Батюшка! Слуги наши будучи и не по ихъ силѣ и не возможно вѣрить, какую казну даютъ за своими дочерями, да еще и потомъ каждый мѣсяцъ дарятъ и тѣшатъ; да это дѣлаютъ и не одни Паны, но всѣ такъ о своихъ дѣтяхъ заботятся, только на одну меня Господь Богъ прогнѣвался, что пришло твое нежалованье». Высказавъ упрекъ въ томъ, что Московскій Государь, во первыхъ, такъ непочтительно относится къ мнѣнію о немъ та-

кихъ важныхъ особъ, какъ мать Александра, его братья Короли и Паны Рада, а во вторыхъ, не считаетъ интересы Государства такъ, какъ считаютъ свои личные интересы Польскіе Паны; далѣе въ письмѣ говорится объ условіяхъ, на которыхъ Литовцы хотѣли бы теперь по нуждѣ помириться: «писала бы къ тебѣ Государю отцу моему объ этомъ и больше, да, ради великой бѣды и сердечной жалости, не могу ни чего умомъ придумать, и только съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, Государю и отцу, челомъ бью: вспомни, Бога ради, и меня, служебницу и кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, а первую любовь и дружбу, которую вы съ нимъ заключили, соблюди, чтобы, ради того нежитья и нелюбви вашей, еще больше кровь Христіянская не проливалась, а Поганство не смѣялось и измѣнники не радовались.... а теперь мужъ мой послалъ къ тебѣ пословъ, и если въ чемъ онъ выступилъ, то въ томъ исправитъ, а если выступу не было, то смилуйся надо мною, возьми старую любовь и дружбу!..», Наконецъ, Литовцы, чтобъ быть послѣдовательными и приводить всякія дѣла къ личнымъ отношеніямъ, въ письмѣ говорили, что если на этѣхъ условіяхъ не будетъ заключенъ миръ, «тогда ужъ сама уразумѣю, что не къ Государю моему мужу нелюбовь твоя, а ко мнѣ, что не хочешь ты меня видѣть въ любви и чести у мужа, свекрови, братьевъ и подданныхъ....» Въ письмѣ также много говорилось о Греческомъ Законѣ; такъ, на примѣръ, что если вышеупомянутый миръ будетъ заключенъ: «то Святымъ Божіимъ церквамъ и Святителямъ Греческаго Закона мирное совокупленіе, а мнѣ въ Греческой Вѣрѣ утвержденіе». Относительно же принужденій Елены Ивановны къ Римскому Закону все отвергалось. Въ письмахъ Елены Ивановны къ Софьѣ Ѳоминичнѣ и братьямъ повторялось то же, что и въ письмахъ къ отцу, съ прибавленіемъ просьбы ходатайства о мирѣ у отца. Вообще, этѣ слова писемъ принадлежали столько же самой Еленѣ Ивановнѣ, сколько ей принадлежало все устроеніе ея судьбы; ее лично несравненно болѣе интересовалъ не вопросъ о значеніи титула Государя всея Руси, а, какъ увидимъ ниже, собольи мѣха и тому подобныя вещи. Иванъ же Васильевичъ по достоинству оцѣнилъ всѣ этѣ письма. Отпуская пословъ, онъ самъ говорилъ противъ рѣчей и письма дочери къ ея Канцлеру, Сапѣгѣ: «Привезъ ты намъ грамоту отъ дочери, да и словомъ намъ отъ нее говорилъ; но въ той грамотѣ она иное не

по дѣлу писала, и не пригоже было ей къ намъ такъ писать». При этомъ Иванъ Васильевичъ повторилъ то, что обыкновенно говорилось объ извѣстности принужденій Православныхъ въ Литвѣ къ Римскому Закону, и кончилъ также извѣстными словами: «Ты, дочка, къ Римскому Закону не приступай, и хотя бы тебѣ за то до крови пострадать, и ты бы пострадала, а того бы не учинила. А нечто пополэнешься и къ Римскому Закону приступишь, своею волею, или неволею, то отъ Бога погибнешь, а мнѣ и твоей матери тебя не благословити, а съ зятемъ нашимъ у насъ изъ за этого будетъ безпрестанная рать». Согласно съ этой рѣчью былъ написанъ и отвѣтъ Еленѣ Ивановнѣ. [88] Этѣ послѣднія слова были вызваны частію и тѣмъ, что когда Иванъ Васильевичъ цѣловалъ крестъ на договорной грамотѣ, то при цѣлованіи сказалъ посламъ, что и прежде требовалъ, чтобы принужденія въ Вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не было; чтобы ей была построена Православная церковь на сѣняхъ во дворцѣ, прислуга была бы изъ Православныхъ, а «почнетъ братъ нашъ ее къ Римскому Закону нудить, то было бы ему вѣдомо, что намъ того не оставить, и за то стоять, сколько намъ Богъ поможетъ». Такъ какъ Литовцамъ было извѣстно, что значитъ это стоянье, то они, услышавъ знакомыя слова, сказали: «Пожалуй, Государь, ослободи намъ выйти въ сѣни поговорить между собою, по тому что у насъ есть къ тебѣ объ томъ слово». Переговоривъ между собою, послы сказали: «Король Александръ приказалъ намъ сказать тебѣ, Государь, что онъ никогда не принуждалъ твоей дочери въ Вѣрѣ и принуждать не хочетъ; но когда былъ онъ на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то присылалъ къ нему святой отецъ, Папа, чтобы онъ велѣлъ своей Княгинѣ быть послушной Римской Церкви и въ костелъ ходить, но Государь нашъ объ томъ ей ни слова не говорилъ. А какъ взяли нашего Государя на Польское Королевство, то Папа опять прислалъ посла о томъ же, тотъ посолъ и теперь у нашего Государя, и ему еще не дано отвѣта, и если хочешь, Государь, отправить своего посла

---

[88] Ак. Арх. Эк. т. 1, № 138. Подъ этѣмъ номеромъ напечатаны письма Елены Ивановны и отвѣтъ на нихъ. Они взяты изъ Статейнаго Списка, напечатаннаго послѣ въ Актахъ Западной Россіи и, какъ отрывокъ, могутъ производить на читающаго совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ какое естественно должно явиться, когда прочтешь письма въ связи со всѣми дѣлами, съ ними связанными.

къ Папѣ, то нашъ Государь съ твоимъ посломъ своего пошлетъ, или если хочешь съ его посломъ что приказать, ино твоя воля. А Папа того не хочетъ, чтобы твоя дочь оставила Греческій Законъ и къ Римскому приступила, а только бы была въ послушаньѣ по осмому Вселенскому Флорентійскому Собору». [89]

II.

Мы видѣли, что Послы уже въ первыхъ рѣчахъ прямо высказали, что они пріѣхами подкрѣпить миръ на у словіяхъ предшествующаго мирнаго договора. [90] Бояре на первомъ съ ними го-

[89] Въ слѣдъ за этѣми рѣчами въ Статейномъ Спискѣ находится приклеенная страница, писанная Бѣлорусскимъ почеркомъ, содержащая тѣ же рѣчи по смыслу, но съ прибавками, на примѣръ: оправданіе, что не посылалъ Александръ къ Еленѣ Ивановнѣ черняцовъ Бернардиновъ и т. д., потомъ, что Еленѣ Ивановнѣ не нужно снова креститься, для того чтобы быть послушной Римскому Закону. Если бы этѣ рѣчи были говорены въ Москвѣ, то и былъ бы соотвѣтствующій отвѣтъ имъ, или наконецъ когда ни будь было бы упомянуто объ особенности (что не нужно крестить) ихъ, а между тѣмъ все таки замѣчательно что изложенныя въ текстѣ рѣчи пословъ и отвѣтъ относятся ко 2 Апрѣля, 4-го же послы были отпущены; объ 3-мъ Апрѣлѣ въ Статейномъ Спискѣ ни чего, ве упомянуто и даже 4-е Апрѣля въ рукописи ни чѣмъ не отдѣлено отъ 2-го, такъ что ясно бросается въ глаза, что есть какой нибудь пропускъ въ Статейномъ Спискѣ, а между тѣмъ приклейка съ рѣчами, написанная Бѣлорусскимъ почеркомъ, относитъ себя къ 3-му Апрѣля.

[90] Приступая къ изложенію дальнѣйшихъ переговоровъ, считаю долгомъ упомянуть, что до насъ дошелъ Наказъ Литовскимъ посламъ, которые должны были вести этѣ переговоры (Ак. З. Р. т. 1, № 200); но этотъ Наказъ мы можемъ считать скорѣе проектомъ Наказа, и это по ниже слѣдующимъ причинамъ. По этому Наказу послы должны были говорить о томъ, что Еленѣ Ивановнѣ не было никогда принужденья въ Вѣрѣ, но Папа желалъ бы ея послушества Апостольскому престолу по осмому Вселенскому Собору, и для этого Ея Милость и всю Русь не требуется снова крестить. Объ этомъ, какъ мы видѣли, не все было сказано; впрочемъ, это дозволялъ и Наказъ, и въ немъ говорилось, что если всѣ другія дѣла будутъ хорошо устроены, то рѣчь объ этомъ можетъ быть отложена. Въ Наказѣ говорится, что если заговорятъ о слугахъ Елены Ивановны и церкви Греческаго Закона, то отвѣчать, что если бы все это было прежде говорено, то слѣдовало бы занести это въ договоръ, а такого договора Александръ Казимировичъ никогда бы не утвердилъ. Въ такомъ тонѣ, какъ мы видѣли, послы не говорили; они, то же въ такомъ тонѣ (впрочемъ, и Москвичи не подали къ этому повода) не говорили объ общемъ принужденіи всѣхъ Православныхъ къ Рим-

ворѣ (10 Марта), по обычаю и довольно подробно, обвиняли въ причинахъ войны Литовцевъ, и въ заключеніе сказали: «Все то уже минуло, да и отчина вашихъ Государей, Лядская и Литовская земля, и если вашъ Государь хочетъ миру съ нашимъ Государемъ, то онъ поступился бы всей отчины нашего Государя, Русской земли». Послы замѣтили, что они не видятъ, въ чемъ же ихъ Государь выступилъ изъ докончанья. Бояре на это повторили старое: о начальномъ дѣлѣ, — объ имени Государя, и заключили все тѣмъ же требованіемъ всей Русской земли. Послѣ этого послы разошлись съ Боярами, объявивъ, что ихъ Государь приказалъ имъ только подтвердить старое докончанье. Черезъ день послѣ этого (12 Марта) послы рѣшились начать переговоры; они прислали къ Князю Василію Даниловичу Холмскому своихъ Приставовъ, чтобъ имъ видѣться съ Боярами. Великій Князь приказалъ посламъ быть на дворѣ и выслалъ къ нимъ Бояръ. На во-

---

скому Закону, что Король не мѣшается въ то, какъ Московскій Государь относится къ Вѣрѣ своихъ подданныхъ, такъ и онъ не мѣшался бы въ то, какъ этѣ дѣла идутъ въ Литвѣ. Впрочемъ, все это не такъ важно, чтобы заподозрить подлинность Наказа, болѣе важно слѣдующее:

Во первыхъ: въ Наказѣ чрезвычайно мало сказано объ условіяхъ мира, или перемирія, особенно о послѣднемъ. Въ Наказѣ сказано о перемиріи почтитоль ко, что если придется его заключать, то утвердить его на три года, и послѣ этого Паны Радные, съѣхавшись на границахъ, заключили бы вѣчный миръ. Сами издатели Ак. З. Р. замѣтили, что это Наказъ не полный и въ дошедшемъ до насъ есть пропускъ.

Во вторыхъ: изъ Наказа видно, что онъ былъ давно составленъ (времени его составленія въ Метрикѣ не обозначено) до снаряженія посольства, пріѣхавшаго теперь въ Москву, по тому что въ немъ о Ливонскихъ послахъ сказано, что если ихъ «Магистръ не пошлетъ;» а, какъ мы видѣли, что переговоры у Александра съ Магистромъ шли и кончились тѣмъ, что Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими, то, по этѣмъ соображеніямъ, можно предположить, что этотъ Наказъ не вполнѣ служилъ руководствомъ для пословъ и они, очень можетъ быть, имѣли другой.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ Наказѣ есть интересныя мѣста, на примѣръ, о титулѣ: «Государь всея Руси.» Послы должны были требовать, чтобы Иванъ Васильевичъ не употреблялъ его совсѣмъ, и если послы этого не отстоятъ, то пусть этотъ титулъ не употребляется въ отношеніяхъ къ Польшѣ, такъ какъ за Польшею значительная часть Руси. Какъ увидимъ ниже, Москвичи повели дѣло несравненно шире, и не пришлось объ этомъ, кажется, много говорить, да при томъ намъ не извѣстны теперешніе споры «объ имени.»

просъ Бояръ, что посламъ нужно, послѣдніе подали вѣрющую грамоту Боярамъ отъ Пановъ Рады Польскихъ и, на основаніи ея говорили рѣчь о томъ, что «Государства Польское и Литовское давно и крѣпко между собою соединены, и ихъ Государю во всей вселенной не было бы отказано въ невѣстѣ, а теперь случилось то, что всему Христіянству удивительно, что онъ, взявши себѣ супругу у вашего Государя, и какъ будто бы ее взялъ для такой вражды? Да также удивительно, что мы, совѣтники Государей, допускаемъ ихъ до такой вражды.» На эту же старую тему, въ слѣдъ за этой рѣчью, была говорена другая отъ Пановъ Рады Литовскихъ. Бояре выслушали рѣчи и потомъ спросили пословъ: «Есть ли у нихъ какія иныя рѣчи?» Послы отвѣчали: «которые города и земли Государь вашъ взялъ у нашего Государя, и онъ бы то ему отдалъ; да чтобы миръ былъ по доконч̑анью». Бояре сказали опять прежнее: «то доконч̑анье порушилось, нельзя теперь такъ статься; а Государь нашъ проситъ у вашего всей своей отчины, Русской земли». Въ слѣдствіе всего этого начались между Боярами и послами спорныя рѣчи объ имени и отчинѣ, и въ заключеніе послы сказали, что они обо всемъ поговорятъ съ Угорскимъ посломъ, а Бояре поговорили бы съ своими товарищами, чтобы дѣло Государей пришло къ доброму концу.

Призванный въ посредники Угорскій посолъ былъ (15-го Марта) у Великаго Князя и подалъ запись, въ которой говорилось, что «послы были у него и говорили, что Бояре не склоняются ни мало, и не только доконч̑анье откладываютъ, но еще и всей Русской земли» требуютъ, а послы крѣпко стоятъ на доконч̑аньѣ. Но Ваше бы Пресвѣтлое Величество благоволили объ этомъ подумать иначе, по тому что миръ нуженъ для союза противъ Турокъ, и при томъ такимъ упорствомъ можно воздвигнуть къ себѣ ненависть всѣхъ своихъ братій, Христіянскихъ Государей. Святѣйшій отецъ, Папа, всегда думалъ хорошо о вашемъ благовѣріи и смотрѣлъ на васъ, какъ на защитника Христіянства; теперь же, когда я донесу Кардиналу Регнусу, а онъ Папѣ, то что послѣдній подумаетъ объ васъ? И что онъ прикажетъ дѣлать Кардиналу противъ тѣхъ, которые рушатъ собраніе противъ Невѣрныхъ?» и т. д. На это былъ данъ отвѣтъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Александръ сдѣлался недругомъ, не для чего отступаться отъ

своего, и по чему же не хотѣть намъ всей своей отчины, Русской земли? Какъ прежде съ послами Александровыми, такъ теперь и съ посредникомъ завязался споръ, и Сигизмундъ Сантай говорилъ, что объ имени и о дочери Великаго Князя ни чего нѣтъ въ докончаньѣ. Послѣ этого посредникъ представилъ новую запись: «Вижу, что вашему Государству жалко отдать все взятое, то, по крайней мѣрѣ, половину взятаго возвратите своему зятю, плѣнныхъ же выпустите; до того же времени, когда устроится полный миръ, при помощи посредниковъ, заключите перемиріе». На слѣдующій день послѣ этого (16 Марта) Угорскій посолъ былъ приглашенъ для переговоровъ, и ему Бояре сказали, что отступаться отъ своей отчины, Русской земли, нельзя. Сигизмундъ на это ни чего не говорилъ, и ему приказано ѣхать на подворье. Въ этотъ же день Литовскіе и Польскіе послы прислали сказать, чтобы имъ быть на дворѣ Великаго Князя. Они были по этому приглашены на слѣдующій день и сказали Боярамъ: «Коли нѣтъ между Государями добраго конца, то между ними теперь учинилось бы перемиріе». Бояре на это отвѣчали только, что скажутъ объ этомъ Государю. Когда черезъ два дни (20 Марта) послы были на дворѣ Великаго Князя и просили отвѣта рѣчамъ и отпуска, то Угорскій посолъ подалъ запись, въ которой объяснялъ тоже, что если Государь не хочетъ взять мира и перемирья, то отпустилъ бы пословъ къ ихъ Государямъ. На это было сказано Боярами, что если Король Александръ не хочетъ прочнаго мира, то отъ чего же не взять и перемирье, какъ пригоже.

Паны предложили, чтобы перемирье было постановлено на шесть лѣтъ и потомъ различныя опредѣленія относительно владѣній. [91] Рѣшено же было такъ, что во время перемирья пусть каждый владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ во время войны. Бояре предложили составить по этому случаю образцовыя грамоты, и когда они прочли ихъ предъ послами, то послѣдніе (22 Марта),

---

[91] Выше было замѣчено относительно записи Бѣлорусскимъ почеркомъ, что въ Статейномъ Спискѣ существуетъ пропускъ; такой же пропускъ, какъ видно, находится и между 20 и 22 числами Марта, по тому что послѣдующіе переговоры упоминаютъ о рѣчахъ, которыя подъ 20 Мартомъ не записаны. Обыкновенно почти каждый день переговоровъ въ Статейномъ Спискѣ кончается тѣмъ что послы поѣхали, или отпущены, на подворье, а этого подъ 20 Марта нѣтъ.

выслушавъ грамоты, и еще разъ сами прочитавши ихъ для себя, сдѣлали замѣчаніе, что въ нихъ писаны нѣкоторыя волости, которыя во время войны не были во владѣніи Москвичей. По поданному послами списку такихъ волостей, Великій Князь велѣлъ хорошенько о нихъ разузнать. Послѣ справокъ (24 Марта) Бояре представили посламъ свой списокъ, и въ немъ были указаны незанятыми Москвичами и такія волости, которыя Паны считали занятыми, также въ числѣ занятыхъ такія, которыя находились съ спискѣ пословъ, какъ управляемыя теперь Литовцами. О послѣднихъ волостяхъ послы прямо сказали: «Милые Панове! Поговорите съ своею братіею, да и до своего Государя донесите, чтобы онъ тѣхъ волостей поступился, по тому что безъ нихъ городамъ, къ которымъ они тянутъ, нельзя быть, а не поступится онъ тѣхъ волостей, то намъ безъ того нельзя дѣла дѣлать; да также приказалъ бы Великій Князь Литовскія украйныя города и волости писать въ перемирныя грамоты». Бояре тоже прямо отвѣчали: «Мы объ этомъ поговоримъ съ своею братіею, и если понадобится, то и до Государя донесемъ; только вы Панове намъ скажите: всѣ ли ваши рѣчи, и о иномъ (т. е., о волостяхъ) ни о чемъ не будетъ слова?» Послы: «Только то спустите, то можно и перемирныя грамоты писать». Иванъ Васильевичъ исполнилъ просьбу пословъ, для своего свойства съ Литовскимъ Государемъ. Послѣ этого былъ разговоръ о плѣнныхъ, но такъ какъ плѣнныхъ было больше въ рукахъ Москвичей, то, вѣроятно, по этому Иванъ Васильевичъ это дѣло рѣшилъ такъ, что до заключенія мира оставить ихъ на обѣ стороны.

25-го Марта, 1503 года, начали писать договорныя грамоты, и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о формѣ писанія грамотъ, Бояре съ послами взаимно рѣшили это дѣло. Главный вопросъ былъ тотъ, что Кіевъ и другіе города писать не отчинами, а землями. Срокъ перемирья назначено считать по Благовѣщеньѣ 1509 года. Теперь граница Московскихъ владѣній отъ Литвы шла по Семи и Деснѣ до Чернигова, отъ Чернигова на сѣверо-западъ близко Днѣпра къ рѣкѣ Сожѣ и въ верхъ по ней мимо Мстиславля, и по томъ, огибая Смоленскъ, черезъ Западную Двину, мимо Велижа (который оставался въ Московскихъ владѣніяхъ) и, пересѣкая теперешнюю Витебскую Губернію, на сѣверо-западъ мимо Себежа (въ Литовскихъ владѣніяхъ) къ Опочкѣ. Условія перемирія были,

какъ въ обыкновенныхъ перемирныхъ грамотахъ, а главныя особенности тѣ, что выше изложены.

Грамоты дописали 28 Марта. Писарь Сапѣга, бывшій при писаніи грамотъ, объявилъ, чтобы Великій Князь велѣлъ Боярамъ говорить съ Нѣмцами о перемирьѣ, а безъ этого Паны не запечатаютъ грамотъ. Когда Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву, вмѣстѣ съ Александровыми послами, то ихъ приняли. Въ первый день они, вмѣстѣ съ другими послами, ѣли у Великаго Князя, но послѣ стола подчивать ихъ виномъ никто къ нимъ на подворье не ѣздилъ. Начиная переговоры, Иванъ Васильевичъ приказалъ всѣмъ посламъ быть на дворѣ, но Нѣмцевъ не звали. Когда дѣло дошло до переговоровъ о перемирьѣ, то Угорскій посолъ напомнилъ о послахъ Князя Магистра, что и за ними слѣдуетъ послать, но на это не дано было отвѣта. Послѣ словъ Сапѣги, Великій Князь приказалъ Нѣмцамъ быть на дворѣ, и Казначей, Дмитрій Володимировичъ, началъ съ ними разговоръ. Но Нѣмцы о перемирьѣ говорили не по пригожу. (Мы не имѣемъ записаннымъ этого разговора) На другой день (30 Марта) Великій Князь велѣлъ быть на дворѣ всѣмъ посламъ, и Нѣмецкимъ съ ними. Когда послы явились, то Угорскій посолъ подалъ запись о томъ, что «перемирье на шесть лѣтъ говорено и на Магистра Ливонскаго, но его послы, послѣ вчерашнихъ переговоровъ, сказывали ему (Угорскому послу), что Бояре въ разговорѣ съ ними ихъ Государя и ихъ самихъ соромили и многія неприличныя слова говорили: я, Государь, дивлюсь, чтобы такія дѣла были съ твоего дозволенія; по этому, Государь, прикажите, чтобы тому дѣлу (переговорамъ) былъ конецъ учиненъ, по тому что послы Короля и Великаго Князя Александра ни какого дѣла не сдѣлаютъ безъ Ливонскихъ». На это былъ данъ отвѣтъ, что «Государь взялъ перемирье съ Королемъ, но такъ какъ послы говорятъ, чтобы взять перемирье на шесть лѣтъ и съ Ливонскими Нѣмцами, то у Нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушаны и для, свойства съ Александромъ Королемъ, сказано Нѣмцамъ, что Намѣстникамъ Великаго Новгорода и Искова приказано взять съ ними перемирье по старинѣ. Вы послушайте, что на это говорятъ Нѣмцы: что они пріѣхали не бить челомъ о перемирьѣ, а сказываютъ, что просилъ Магистра Александръ Король о томъ, чтобы онъ съ нами пере-

мирье взялъ, и теперь они хотятъ взять перемирье съ нами, а не съ нашими Намѣстниками и отчинами. Такъ вотъ вамъ грамоты, какъ прежде присылали Магистръ и вся Ливонская земля бить челомъ о перемирьѣ къ нашимъ Намѣстникамъ и отчинамъ, и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорятъ?» Посламъ были принесены грамоты, и они ихъ вычли; Нѣмецкіе послы присутствовали при этомъ. Послы сказали, что Нѣмцы вчера говорили не гораздо, и грамотамъ пригоже быть такимъ, какія были прежде, и заключать перемирье Нѣмцамъ слѣдуетъ въ Новгородѣ. Послы только и сказали, чтобы велѣли написать образцовый списокъ перемирнымъ грамотамъ съ Нѣмцами. Когда это было исполнено, то послы сказали, что теперь Нѣмецкое дѣло уже въ конецъ положено, и слѣдуетъ самое большое дѣло тоже въ конецъ учинить. На это тоже было дано согласіе.

На сколько выгодно было перемиріе для Литовцевъ, то лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ они сами, и это ихъ сужденіе увидимъ на самомъ дѣлѣ, когда Александръ будетъ утверждать договоръ; теперь же должно сказать о томъ, что обстоятельства соединили Нѣмцевъ съ Литовцами противъ Москвы, которая никогда не хотѣла принять Ливонцевъ подъ свое соблюденье. Москвичи теперь дозволили Ливонскимъ посламъ пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Литовско-Польскими послами, но только бить челомъ о мирѣ, а до переговоровъ вмѣстѣ съ Литовцами не допустили, и, отдѣляя Нѣмцевъ отъ Литовцевъ, Москвичи, на основаніи старины, заставили представителей всѣхъ Ягайловцевъ подтвердить свои требованія относительно Ливонцевъ. Поляки и Литовцы теперь выдали Нѣмцевъ; скоро увидимъ, что и Нѣмцы будутъ точно также выдавать ихъ Москвѣ. Только тяжелыя обстоятельства, и то въ послѣдствіи, соединятъ всѣ этѣ Дворянскія страны въ одинъ союзъ для борьбы съ той же мужицкой Москвой.

Нѣмецкое дѣло было для Ягайловскихъ пословъ небольшое дѣло: большимъ дѣломъ они считали утвержденіе своихъ перемирныхъ грамотъ. Послы (по приглашенію Бояръ) привѣсили къ грамотамъ печати, а Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ, Великіе Князья, цѣловали на грамотахъ крестъ. Послѣ рѣчей о Греческомъ Законѣ, которыя выше изложены, посламъ подали медъ въ золотыхъ сосудахъ, и потомъ Великіе Князья отпустили

ихъ, приказавъ къ ихъ Государямъ поклоны; Угорскому послу, кромѣ того, приказано было отъ Ивана Васильевича сказать его Государю, чтобы «Владиславъ, братъ и сватъ, по своему родству и дружбѣ, дѣлалъ бы такъ, чтобы послы между нами ходили и здоровье наше видѣли.»

Послы поѣхали съ Москвы 6-го Апрѣля, а 6 Мая [92] отправились изъ Москвы послы отъ Ивана Васильевича, Бояринъ Петръ Плещеевъ съ товарищами, для присутствія при Александровомъ крестномъ цѣлованіи на договорной грамотѣ. Въ рѣчахъ къ Еленѣ Ивановнѣ послы должны были говорить, что «Божья воля сталась: матери вашей, а нашей Государыни, Великія Княгини Софьи, въ животѣ не стало, и она, отходя отъ сего свѣта, приказала тебѣ благословеніе и прощеніе; а только ты поколеблешься въ Греческомъ Законѣ и похочешь приступить къ Римскому, то мати твоя приказала тебѣ, что она тебя про то не благословляетъ.»

Послы ѣхали въ Литву медленно: отъ Москвы до Дорогобужа ихъ путешествіе продолжалось слишко три недѣли. Это разсердило Ивана Васильевича, и онъ послалъ къ нимъ грамоты, чтобы они ѣхали быстрѣе. Когда они въѣхали въ Литву, то не присылали о себѣ ни какого извѣстія, и вотъ 20 Іюля прислалъ въ Москву Князь Семенъ Бѣльскій грамоту, въ которой говорилось, что будто Александръ задержалъ Московскихъ пословъ и отослалъ ихъ въ Троки. Въ слѣдствіе этой вѣсти Иванъ Васильевичъ отправилъ (24 Іюля) грамоту къ своимъ посламъ: упрекалъ ихъ, что они дурно дѣлаютъ, что ни чего не отпишутъ въ Москву о дѣлахъ, и при этомъ приказывалъ, чтобы посланнаго съ этой грамотой они отпустили такъ, чтобы онъ воротился въ Москву къ Успеньеву дню (15 Августа), и только онъ не пріѣдетъ къ этому сроку, «ино послы Угорской, Польскіе и Литовскіе говорили отъ своихъ Государей неправду и намъ лгали, а Князь Великій Александръ намъ ратенъ.» Посланный къ назначенному сроку не явился, а 26 Августа пріѣхалъ человѣкъ отъ Александра о томъ, что украйники Московскіе не могли отстать отъ своего давняго обычая и начали обижать Литовскихъ подданныхъ,

---

[92] Въ Ак. З. Р. т. 1, № 192, на стр. 296, по ошибкѣ напечатано 7-го Марта.

по этому пословъ позадержали, чтобы дать подробное извѣстіе о тѣхъ обидахъ. На это былъ отвѣтъ, что обидныхъ дѣлъ со стороны Московскихъ поданныхъ не знаютъ, а знаютъ только обиды со стороны Литовцевъ, да и Литовскій гонецъ не привезъ списка этѣхъ обидъ, но того не слыхано, чтобы, ради обидныхъ пограничныхъ дѣлъ, задерживались послы.» Своимъ же посламъ Иванъ Васильевичъ приказалъ, чтобы они непремѣнно дали знать о себѣ къ Воздвиженьеву дню (14 Сентября); если же не будетъ къ этому сроку извѣстія, то значитъ, Александръ, какъ прежде съ послами, такъ и теперь, приказывалъ неправду и не хочетъ ни котораго добраго дѣла.

Александру, какъ видно, тяжело было подтвердить невыгодный для Литвы договоръ; онъ задерживалъ Московскихъ пословъ, и даже, отправляя послѣднюю грамоту къ Ивану Васильевичу, онъ не далъ еще крестнаго цѣлованія на перемирныхъ грамотахъ, а между тѣмъ Московскіе послы жили въ удаленіи отъ двора, въ селѣ. Только 27 Августа Александръ привѣсилъ къ перемирной грамотѣ свои печати и поцѣловалъ крестъ. Отпуская Бояръ, Александръ говорилъ имъ: «Молвите отъ меня брату моему и тестю, что которыя наши земли онъ поималъ за себя, и онъ бы намъ тѣ земли отдалъ, а которыхъ людей поималъ, и онъ ихъ отпустилъ, чтобъ изъ за того между нами братство и любовь не рушились.»

III.

Еще въ то время, какъ Александръ отправлялъ пословъ въ Москву для заключенія договора, то, по дошедшему до насъ Наказу посламъ, Литовцы, въ случаѣ смерти завоевателя, хотѣли увеличить свои требованія. Послѣ заключенія перемирія старый Московскій Государь жилъ не долго: ему уже было 65-ть лѣтъ. Договаривающіяся стороны условились, чтобы въ теченіи перемирія ѣздили послы между Государями для того, чтобы привести ихъ къ миру. Но первая посылка въ Литву изъ Москвы была не объ этомъ. Въ Ноябрѣ 1503 года поѣхалъ въ Литву Никита Семеновъ Губа-Моклоковъ; посольство къ Александру было о проѣзжей грамотѣ чрезъ его владѣнія для Датскаго

посла и по другимъ дѣламъ. Одновременно съ его отъѣздомъ изъ Москвы пріѣхалъ туда изъ Литвы гонецъ о дѣлахъ пограничныхъ. Получивъ на дорогѣ извѣстіе объ этой присылкѣ, Моклоковъ поѣхалъ къ Александру. Онъ относительно проѣзжей грамоты получилъ отвѣтъ, что Король и Великій Князь Александръ, «помня свое слово и перемирную грамоту, какъ и прежде никогда не выступалъ ни въ чемъ предъ своимъ братомъ», посла Датскаго пропуститъ чрезъ свои владѣнія и грамоты дастъ. Моклоковъ привезъ этѣ грамоты, но въ проѣзжей грамотѣ чрезъ Польскія владѣнія, которая была писана по Латыни, титулъ: «Государь Всея Руси» былъ пропущенъ. Выше мы видѣли, что въ проектѣ Наказа посламъ Правительство Александра хотѣло, чтобы этотъ титулъ, по крайней мѣрѣ, не былъ употребляемъ въ отношеніяхъ къ Польшѣ. Это дѣло не было поднято во время переговоровъ, и его пришлось оставить до другаго времени, но и теперь оно не рѣшилось въ пользу Александра. Моклоковъ воротился въ Москву 7 Февраля, а 26 пріѣхали Александровы послы для переговоровъ о мирѣ (впрочемъ, это было не главною цѣлію посольства). Въ рѣчахъ пословъ говорилось: «Для братства и дружбы, ты бы намъ нашу отчину вернулъ, по тому что самъ можешь разумѣть, что каждому своя отчина мила и каждому своего жаль; мы надѣемся, что ты, братъ нашъ и тесть, въ чувство придешь, лакомство на наши земли оставишь, лихихъ людей не будешь слушать и вмѣсто насъ непріязнь обратишь на враговъ имени Христа.» Отвѣтомъ на это было обращеніе Польскихъ остротъ на ихъ авторовъ: «Братъ нашъ намъ правду говоритъ, что каждому своя отчина мила и каждому своего жаль; а брату нашему и зятю вѣдомо, что Русская земля, Кіевъ, Смоленскъ и иные города, изъ старины наша отчина, и намъ нынѣ своей отчины жаль». Но вопросъ о титулѣ повелъ къ дальнѣйшимъ спорамъ, Бояре говорили: «Король Александръ, какъ прежде не правилъ по договорнымъ грамотамъ, такъ и теперь не правитъ: въ проѣзжей Русской грамотѣ чрезъ Литву имя Государя написано по перемирной грамотѣ, а въ проѣзжей Латинской грамотѣ чрезъ Польшу Государево имя писано не какъ слѣдуетъ». Послы на это начали говорить, что ихъ Государь въ докончальной грамотѣ написалъ титулъ «Государь всея Руси», свойства ради, по тому, что вашему Государю этотъ титулъ нравится. «Чѣмъ это вашъ Государь даритъ нашего свой-

ства ради»? отвѣчали Бояре и начали показывать докончальныя и посыльныя грамоты другихъ Государей, какъ доказательство настоящаго титула Ивана Васильевича. Александрово Правительство поспѣшило поправить дѣло о титулѣ слѣдующимъ образомъ. Въ концѣ 1504 года пріѣхалъ въ Москву отъ Александра гонецъ: онъ привезъ грамоты для пословъ съ требуемымъ титуломъ и объяснялъ отъ имени Александра это дѣло такъ: «Писарь Великаго Княжества Литовскаго знаетъ наши титулы, а Писарь Короны Польской, который мало знакомъ съ докончальными и перемирными нашими грамотами, не удивительно, что ошибся и такъ твое имя написалъ».

Признаніе и Поляками титула «Государя всея Руси» за Московскими Государями было послѣднимъ важнымъ дѣломъ Ивана Васильевича, въ его отношеніяхъ къ Правительству Александра. Сношенія Москвы съ Литвою шли до самой смерти Ивана Васильевича: они были о дѣлахъ пограничныхъ и также объ отъѣзчикахъ. [93]

Въ концѣ 1505 года, посланный отъ Александра къ тестю о пограничныхъ дѣлахъ пріѣхалъ въ Москву и правилъ посольство Василію Ивановичу, по тому что его отецъ, 27 Октября, 1505 года, скончался. [94] Вѣсть о смерти завоевателя была получена въ Литвѣ, и Александръ обратился съ этѣмъ извѣстіемъ въ Ливонію. Прежде, когда было заключено перемирье, то Александръ утѣшалъ Магистра тѣмъ, что Татары могутъ напасть на Московскія владѣнія, и этѣмъ обстоятельствомъ можно воспользоваться. [95] Теперь же Александръ говорилъ Магистру чрезъ посла, что въ такой часъ потребный, когда Московскій Государь умеръ, слѣдуетъ, взявши Бога на помощь, поправить свои дѣла по старому, и что для этой цѣли онъ собираетъ сеймъ въ Вильнѣ. [96] Александръ

---

[93] Ак. З. Р. т 1, № 192: этотъ Статейный Списокъ былъ захваченъ Поляками въ смутное время; они его переплели вмѣстѣ съ расходною Московскою книгою и озаглавили «Acta Mag. Duc. Lithu.»

[94] Д. П. № 2, стр. 78—79.

[95] Лит. Метр., 5-ая книга записей, лист. 244—246. Посольство безъ года.

[96] Ак. З. Р. т. 1, № 220.

отправилъ также и посольство въ Москву, по тому что по договорной грамотѣ послы, для приведенія Государей къ миру, должны ѣздить между ними. Послы пріѣхали въ Москву 15 Февраля, 1506 года [97] и говорили о прочномъ мирѣ, какъ было прежде сего, а которые города и волости забраны, и тѣмъ бы Великій Князь поступился, людей же ихъ изъ плѣна выпустилъ, а обиды оправилъ. Молодой Государь отвѣчалъ, что доброй смолвы желаетъ, какъ будетъ пригоже, чужихъ же городовъ и волостей не держитъ, а держитъ только свои. [98] Должно быть, подъ вліяніемъ этого неробкаго отвѣта, въ Маѣ 1506 года, Александръ говорилъ Магистровымъ посламъ, что хотя ихъ непріятель никогда своихъ обѣщаній не держалъ, но имъ слѣдуетъ держать перемиріе до конца и безъ великой помощи противъ такого важнаго непріятеля дѣла не начинать; особенно нужно смотрѣть и дожидаться какъ молодые Княжата будутъ управлять въ своемъ Панствѣ, и если между ними будутъ какія ни будь ссоры, то тогда можно все поправить по старому; да также Князья пограничные, которые всегда отъ предковъ Короля ласку имѣли, могутъ, вмѣстѣ съ младшими братьями Великаго Князя, обратиться къ Королю, и тогда, съ помощію Бога и Магистра, можно все потерянное вернуть. [99]

У Александра, кромѣ Магистра, явился болѣе дѣятельный союзникъ: это Магметъ-Аминь Казанскій. Онъ отправилъ въ Литву посольство, въ которомъ извѣщалъ, что захватилъ Москвичей у себя, а посланное войско Великаго Князя, подъ начальствомъ, Князя Дмитрія, разбилъ и тотъ бѣжалъ; въ заключеніе Магметъ-Аминь приглашаетъ Александра къ союзу. Но этѣ послы явились въ Литву уже послѣ смерти Александра и обратились съ рѣчами къ Сигизмунду. [100] Впрочемъ, Александру невозможно было воспользоваться предложеніями Казанскаго Царя, такъ какъ ему въ концѣ жизни должно было заняться дѣлами со стороны степей, потому что Крымцы дѣлали на владѣнія его набѣги, а въ то же время

---

97 Лѣтопись подъ 1506 годомъ.

98 Д. П. № 2, Стр. 79—81.

99 Ак. З. Р. т. 1, № 225. Издатели исправили слогъ и произвольно разставили пункты.

100 Лит Метр., 5-ая книга записей, л. 13—17; Сбор. Князя Оболенскаго стр. 37—39.

изъ Москвы говорили въ прежнемъ тонѣ. Василій Ивановичъ, извѣщая Александра о своемъ вступленіи на престолъ, говорилъ чрезъ пословъ, чтобы Король правилъ по доконченью: своей жены, а Великаго Князя сестры, къ Римскому Закону не нудилъ. На этѣ старыя рѣчи отвѣчали, что никого къ Римскому Закону не нудятъ. [101]

Какъ только пришла вѣсть въ Москву о смерти Александра, то Великій Князь послалъ навѣстить сестру и приказалъ ей говорить: «чтобы она похотѣла и говорила бы Бискупу и Панамъ, всей Радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ похотѣли его Государства служить;» если же начнутъ опасаться за Вѣру, то Государь имъ въ томъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при Королѣ, а жаловать хочетъ и свыше того. Да приказалъ Великій Князь Королевѣ челобитье. Ко Князю Войтѣху, Бискупу Виленскому, Пану Радивилу и всей Радѣ приказалъ Великій Князь о томъ же, чтобы они похотѣли его на Государство». Какъ прежде брачная система, такъ теперь избирательная, не приложимыя къ Государствамъ, подобнымъ Московскому, съ перваго раза осталась безъ послѣдствій, и Елена Ивановна дала отвѣтъ, что Король Александръ поступился Государствомъ своимъ брату своему, Королевичу Жигимонду. Сигизмундъ же, еще Королевичъ, прислалъ къ Василію Ивановичу сказать, что хочетъ слать къ нему пословъ о многихъ дѣлахъ, а Короля Александра въ животѣ не стало. [102] Этѣ Послы явились въ Москву въ концѣ Марта, 1507 года, [103] и говорили Василію Ивановичу отъ его свата и брата, что онъ сѣлъ на своихъ отчиныхъ столахъ, Литовскомъ и Польскомъ, и что теперь слѣдуетъ возстановить вѣчный миръ, а захваченныя земли, отцомъ Василія Ивановича, возвратить. Жалобы на прежнія обиды кончались словами: «Мы имѣемъ упованіе отъ Бога, что судъ и правда Божія не отступятъ отъ того, кто въ правдѣ стоитъ и страхъ Божій въ сердцѣ держитъ». На вызовъ послѣдовалъ вызовъ: Василій Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ держитъ свою отчину, чѣмъ пожаловалъ его и благословилъ отецъ и далъ Богъ отъ прароди-

---

[101] Д. П. № 2, стр. 81.

[102] Тамъ же, стр. 82—84.

[103] Лѣтопись подъ этѣмъ годомъ.

телей, да и вся Русская земля наша отчина. Такъ какъ послы жаловались на захваты земель во время перемирія, то на это было сказано, что перемирье было только съ Королемъ Александромъ, и тогда все исправляли, а съ Жигимондомъ Королемъ перемирья не было, впрочемъ, Великій Князь миру съ нимъ хочетъ, какъ пригоже.» Отпуская пословъ Василій Ивановичъ приказалъ имъ передать Королю, чтобы онъ Елену Ивановну держалъ въ чести и къ Римскому Закону не нудилъ. [104]

Сношенія между Государствами прекратились.

IV.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что причины успѣховъ Московскаго Государства въ отношеніяхъ къ Литвѣ враги полагали, во первыхъ, въ счастливыхъ обстоятельствахъ, а во вторыхъ, въ личныхъ талантахъ Ивана Васильевича. Александръ, какъ видно, призналъ этѣ таланты и за сыномъ Ивана Васильевича и ждалъ для себя выгодъ отъ перемѣны обстоятельствъ. Сигизмундъ надѣялся на то же, и обстоятельства, по видимому, благопріятствовали ему. Въ Сѣверной Россіи все было спокойно: молодыя Княжата жили мирно, служебные Князья тоже не поднимали ни какой смуты. Но со стороны Степняковъ было совсѣмъ другое. Въ половинѣ лѣта 1503 года Шихъ Ахматъ кочевалъ съ Мурзами за Медвѣдицами; людей у него было мало. Шихъ-Ахматъ просилъ, чтобы Иванъ Васильевичъ досталъ ему Астрахани, а онъ ему прямымъ другомъ учинился и отъ недруговъ Московскихъ отсталъ, а что онъ отправилъ посла въ Литву, то это за тѣмъ, чтобы оттуда отпустили его пословъ, которые съ прошлаго лѣта тамъ остались. [105] Но въ Литвѣ въ это время разсуждали отпустить, или задержать, Шихъ-Ахматовыхъ и Нагайскихъ пословъ; если задержать, то содержаніе ихъ только лишній расходъ, по тому что они много съѣдятъ, да и

---

[104] Ак. З. Р. т. 2, № 16. Въ Литовской Метрикѣ это посольство записано безъ обозначенія года и мѣсяца.

[105] Ак. З Р. т. 1, № 192, стр., 310—311.

одежду, что имъ дана, издерутъ.[106] Между Степняками была рознь, и Менгли-Гирей требовалъ отъ Мурзъ, чтобы они перевезлись за Волгу, а Шихъ-Ахмата отъ себя отослали. Шихъ-Ахмату было дурно такъ жить; Иванъ Васильевичъ обѣщалъ, что когда у него будетъ конь потенъ, то онъ шелъ бы въ Москву, гдѣ его пожалуютъ и мѣсто дадутъ въ своихъ земляхъ. Но Шихъ-Ахматъ пошелъ къ Кіеву, потомъ въ Бѣлгородчину, отсюда, гоняемый Бѣлгородчанами, онъ прибѣжалъ въ Кіевъ. Дмитрій Путятичъ схватилъ Царя и отослалъ его къ своему Государю. Здѣсь рѣшили, что прежняго своего союзника слѣдуетъ задержать.

Со времени побѣды надъ Шихъ-Ахматомъ Крымская Орда могла покуда не бояться враговъ. Въ Крымѣ жилъ Московскій посолъ Заболотской; онъ не получалъ изъ Москвы ни какихъ вѣстей и въ то же время не имѣлъ денегъ. Заключивши перемиріе съ Александромъ, Иванъ Васильевичъ, по обычаю, не извѣщалъ объ этомъ Менгли-Гирея. Въ Іюлѣ 1503 года пришли изъ Крыма Татары съ грамотами, въ которыхъ Менгли-Гирей изъявлялъ сожалѣніе, что, отправленный въ концѣ прошлаго года къ нему, посолъ изъ Москвы былъ ограбленъ на Полѣ и предлагалъ присылать къ Путивлю своихъ Татаръ для сопровожденія пословъ. Но Иванъ Васильевичъ назначилъ посла въ Крымъ только тогда, когда въ Литвѣ были задержаны Московскіе послы. Августѣ (22), въ грамотѣ съ Татарами, Иванъ Васильевичъ писалъ къ Менгли-Гирею: «съ чѣмъ присылали ко мнѣ недруги, Угорской и Литовской, объ томъ я посылалъ къ тебѣ Боярина, и онъ не дошелъ до тебя; самъ знаешь, что съ нимъ случилось на Полѣ. Я къ Литовскому послалъ, что если хочетъ онъ со мною мира, то взялъ бы миръ съ братомъ моимъ, Менгли-Гиреемъ, и Литовской до сихъ мѣстъ моихъ пословъ не отпустилъ, а по этому я съ нимъ хочу начать свое дѣло дѣлать, и посылаю на него своихъ дѣтей, да и ты бы послалъ также. Я нынѣ послалъ къ тебѣ своего Боярина Ощерина, и наказалъ ему о всѣхъ дѣлахъ; ему велѣно лежать въ Путивлѣ и ждать отъ тебя вѣсти, кого ты по него пришлешь. А что ты тратилъ на моихъ пословъ, за то я тебѣ челомъ бью и велю уплатить». Татаръ, поѣхавшихъ съ этѣми грамотами, разогнали на Полѣ, и одинъ изъ

---

[106] Ак.З. Р. т. 1, № 206.

нихъ воротился въ Москву только 11-го Октября; Ощеринъ находился въ Путивлѣ; изъ Крыма получили вѣсти въ Москвѣ только въ Августѣ 1504 года. А между тѣмъ въ началѣ осени 1503 года Шемячичъ и Можайскій прислали въ Москву извѣстіе, что пришли къ ихъ землямъ Крымскіе Татары и просили жителей указать имъ путь за Днѣпръ въ Литовскія земли; при этомъ они обѣщали отдать взятое въ плѣнъ въ Черниговскихъ земляхъ, которыя они грабили по ошибкѣ, думая, что это Литовскія земли. Жители этому повѣрили, не стали беречься, и Татары произвели грабежъ. Не много спустя послѣ этого Менгли-Гиреевъ сынъ, Бурнашъ, пришелъ на Московскія украйны и тоже началъ грабить. Но изъ этѣхъ грабителей много было побито и взято въ плѣнъ.

Когда Шихъ-Ахматъ попался въ руки Александра, то послѣдній писалъ къ Менгли-Гирею, что онъ изловилъ общаго недруга, и съ нимъ нечего дѣлать иного, какъ представить предъ Царя, или его самаго, или его и его братьевъ, головы. Александръ при этомъ по прежнему предлагалъ Менгли-Гирею прислать за посломъ, Дмитріемъ Путятичемъ. Уланы и Князья приступали къ Царю, чтобы онъ это сдѣлалъ. Но Менгли-Гирею слова Александровы показались угрозою, и онъ прислалъ (въ Августѣ, 1504 года) Татаръ въ Москву съ грамотами. Въ нихъ, объявляя о своихъ дѣлахъ, Царь писалъ, что прежде посылать въ Москву было нельзя, по тому что Поле было не чисто отъ Азовскихъ Казаковъ. Менгли-Гирей также просилъ о выпускѣ попавшихся въ плѣнъ Крымцевъ. Отпуская Татаръ въ Крымъ, Иванъ Васильевичъ писалъ къ Царю: «Александръ хочетъ съ тобою ссылаться и поставить предъ тобою твоихъ недруговъ. Шихъ-Ахмата Литовцы схватили и объявили, что это ему за то, что онъ приходилъ на ихъ украйны; но ты самъ вѣдаешь, что Шихъ-Ахматъ приходилъ ради ихъ же и они его звали. Ты самъ теперь посмотри Литовской правды и съ Королемъ не мирись, по тому что ему Шихъ-Ахмата не отпустить, не убить и не стать съ нимъ противъ тебя и меня; да если и поставитъ Шихъ-Ахмата противъ насъ, то вѣдома намъ Литовская сила и намъ можно противъ Короля стоять». Когда Иванъ Васильевичъ такъ писалъ, онъ въ то же время послу, ѣздившему отъ него въ Литву, наказывалъ говорить, если можно, самому Царю Шихъ-Ахмату, или человѣку, который ему вѣренъ: «Нынѣ мнѣ ска-

зывали, что ты пріѣхалъ въ Литву, и если хочешь къ намъ прямаго братства и дружбы, то домыслился бы самъ, какъ тебѣ выѣхать изъ Литовской земли; да поѣхалъ бы ты къ намъ, и какъ пріѣдешь, то я твою истому подниму и людей твоихъ пожалую, а тебѣ мѣсто въ своихъ земляхъ городы дамъ». Но Шихъ-Ахмата Ивану Васильевичу не удалось добыть въ свои руки и приходилось своими средствами управляться съ Крымскою Ордою. Когда наконецъ Ощеринъ отправился въ Крымъ, то главная его забота должна была состоять, по обычаю, въ томъ, чтобы Менгли-Гирей не помирился съ Александромъ, и объявлять Царю, что Великій Князь взялъ съ Литовскимъ перемирье, по тому что послѣдній обѣщался взять перемирье и съ нимъ. Что же касается обѣщанной Литовцами дани по старинѣ, то говорить, что она не такъ велика, чтобы могла удовлетворить всѣхъ Крымцевъ, по тому что когда Крымскіе люди воюютъ Литовскую и Лядскую землю, то они тѣмъ богатѣютъ, а встрѣчи имъ въ Литовской и Лядской землѣ нѣтъ, такъ по этому и не для чего мириться съ Королемъ. [107]

Подъ вліяніемъ того, что Крымцамъ не было встрѣчи во владѣніяхъ Александра, они начали дѣлать на нихъ постоянные набѣги. Наконецъ и здѣсь была выставлена встрѣча со стороны Князя Михайла Львовича Глинскаго. Давши отпоръ Крымцамъ, Александръ завелъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ и вскорѣ послѣ этого умеръ. Менгли-Гирей захотѣлъ мириться съ Литовцами; онъ прислалъ къ Александру посольство, но это посольство уже принималъ Сигизмундъ. Менгли-Гирей требовалъ, чтобы Шихъ-Ахмата, его братьевъ, слугъ и Нагайскихъ пословъ въ Литвѣ крѣпко держали и разсажали по разнымъ городамъ. Кромѣ того, Менгли-Гирей просилъ отъ Литвы дани и разсказывалъ, сколько прежде доили ее въ Крымъ. Этому посольству въ Литвѣ обрадовались, тѣмъ болѣе, что Менгли-Гирей обѣщалъ, что теперь, вмѣсто Литвы, онъ будетъ воевать Московскія земли, за то, что Великій Князь Василій безъ его спроса послалъ войско на Казанскаго Царя. Сигизмундъ отвѣчалъ на это посольство, что Александръ забылъ страшныя нападенія Менгли-Гирея и его дѣтей и хотѣлъ съ нимъ жить, какъ было при предкахъ, а онъ, Сигизмундъ, хочетъ того же;

---

[107] Д. Крым. № 2, стр. 1024—1170; Ак. З. Р. т. 1, № 192, стр. 334.

по этому, обѣщая дань, приглашаетъ къ союзу на общаго врага Московского.[108] Этѣ сношенія Сигизмунда съ Менгли-Гиреемъ повели къ тому, что послѣдній далъ шерть, и въ то же время пожаловалъ Сигизмунда Русскими землями, не только находящимися во владѣніяхъ Сигизмунда, но Псковомъ и Новгородомъ.[109] Это послѣднее пожалованье случилось позднѣе Августа, 1507 года.

Менгли-Гирей объявлялъ, что заключаетъ союзъ съ Литовскимъ Государемъ на Московскаго по тому, что послѣдній обижаетъ Царя Казанскаго. Въ то время, когда Крымцы дѣлали набѣги на Литовскія владѣнія, Магметъ-Аминь Казанскій сдѣлалъ слѣдующее. Онъ, Московскій посаженникъ на мѣсто своего брата, Абдыллетифа, еще при жизни Ивана Васильевича, весною 1505 года, прислалъ къ Великому Князю о нѣкоторыхъ дѣлахъ, и Великій Князь, по своему крѣпкому слову, послалъ къ нему о тѣхъ дѣлахъ въ Казань своего посла, чтобы онъ тѣмъ рѣчамъ всѣмъ не потакалъ. Но въ Іюнѣ мѣсяцѣ Царь Магметъ-Аминь схватилъ Московскаго посла, Михайла Кляпика, торговыхъ Русскихъ людей нѣкоторыхъ схватилъ, другихъ перебилъ, а иныхъ сослалъ въ Нагаи. Въ Сентябрѣ онъ приходилъ ратью къ Нижнему Новгороду, но ни чего не сдѣлалъ и Москвичи много его людей побили. Василій Ивановичъ, послѣ смерти своего отца, рѣшился наказать Казанцевъ за измѣну, и въ Апрѣлѣ, 1506 года, Московскія войска пошли подъ Казань. Магметъ-Аминь описываетъ событія этой войны слѣдующимъ преувеличеннымъ образомъ: «Великій Князь Иванъ прислалъ къ намъ свое войско, и мы то войско побили и десять тысячъ въ нашихъ рукахъ померло. Великій Князь Василій послалъ на насъ своего брата, Димитрія, водою съ пятьюдесятью тысячами людей, да другаго брата сухимъ путемъ съ шестьюдесятью тысячами людей. Намъ Богъ помогъ: которое къ намъ войско пришло водою и тѣхъ мы побили, а послѣ того шестьдесятъ тысячъ конной рати пришло на насъ, и мы, побивши челновую рать, вышли противъ конной, бились и побили; главныхъ Князей-Бояръ

[108] Сб. Кн. Оболенскаго, стр. 20—37; Лит. Метр., 7-я книга записей, л. 10—17.

[109] Ак. З. Р. т. 2, № 6. Этотъ ярлыкъ есть отрывокъ изъ многихъ посольствъ; въ Литовской Метрикѣ онъ записанъ безъ года, но послѣ посольствъ отъ 8 Августа, 1507 года.

поимали, а тотъ братъ Великаго Князя, что на конѣ пріѣхалъ, не могъ на томъ конѣ утечь, а утекъ въ челну». Но такъ какъ пасынокъ Менгли-Гирея дѣлалъ этѣ дѣла одновременно съ набѣгами Крымцевъ на Литву, то одновременно же съ своимъ вотчимымъ отправилъ свое посольство къ Александру. Въ немъ говорилось что прежде «пересылокъ съ Литвою не было, по тому что онъ, Царь, съ Московскимъ былъ въ пріязни и присягу имѣлъ; но Великій Князь Иванъ свою присягу забылъ и началъ черезъ мѣру нѣкоторыя дѣла чинить, и мы, его къ давней мѣрѣ приводя, войско его и сына побили; а теперь слыша, что братъ нашъ, Царь Менгли-Гирей, часто обсылается съ тобою и въ пріязнь входитъ, и мы по этому хотимъ съ тобою пріязни, какъ за предковъ бывало». Магметъ-Аминь приглашалъ Александра къ союзу и предлагалъ, чтобы весною 1507 года одновременно напасть на Московскаго Государя. Но это посольство, какъ и первое посольство Менгли-Гирея, не застало Александра въ живыхъ. Сигизмундъ принялъ предложеніе союза и уговаривалъ Магметъ-Аминя мстить Московскому. [110]

Въ слѣдствіе такихъ своихъ отношеній къ Татарамъ, Сигизмундъ, какъ только завязались этѣ сношенія, отправилъ посольство къ Магистру Ливонскому. Въ посольствѣ говорилось: «По милости Божіей, Царь Перекопской прислалъ къ намъ говорить, что хочетъ съ нами быть на каждаго непріятеля, и особенно на Великаго Князя Московскаго, и думаетъ съ весны двинуться со многими людьми на Московскія украйны. Съ послами Царя Перекопскаго были у насъ и послы Царя Казанскаго, который четыре раза побѣдилъ войска Московскія, и теперь постоянно побѣждаетъ нашего непріятеля. Царь Казанскій далъ намъ присягу быть съ нами за одинъ на нашего непріятеля. Въ слѣдствіе этого мы приказали всѣмъ нашимъ подданнымъ быть на готовѣ къ войнѣ къ Свѣтлому Празднику. Лучше теперешняго времени воевать съ Московскимъ Великимъ Княземъ не можетъ быть.» [111] Сигизмундъ такъ обращался къ Магистру Ливонскому, по тому, что тотъ былъ прежде въ союзѣ съ покойнымъ Королемъ. Но, съ одной стороны, отношенія Прусскихъ Нѣмцевъ въ Польшѣ заста-

---

[110] Лит. Метр., 7-я книга записей, л. 10—17; Сб. Кн. Оболенскаго, стр. 37 и 43.
[111] Ак. З. Р. т. 2, № 15.

вляли Ливонцевъ устраняться отъ союза съ Сигизмундомъ, а съ другой стороны они, выданные Ягайловцами при заключеніи последняго перемирія, теперь обратились за ходатайствомъ о своихъ дѣлахъ предъ Московскимъ Государемъ къ Императору Максимиліяну и сыну его, Королю Филиппу. Въ Москвѣ отвѣчали на это ходатайство, что если Магистръ и вся Ливонская земля пришлютъ бить челомъ, то ихъ пожалуютъ. Магистръ и Ливонская земля не приняли участія въ предлагаемой Сигизмундомъ войнѣ съ Московскимъ Государемъ, а ко времени истеченія перемирія прислали къ Великому Князю бить челомъ за свою вину. Великій Князь пожаловалъ ихъ, велѣлъ своимъ Намѣстникамъ Новгородскимъ и Псковскимъ взять съ ними перемиріе какъ пригоже, а плѣнники Нѣмецкіе изъ поиманья были выпущены. [112]

Нѣмцы не помогли Сигизмунду, то же вышло и съ Казанью. Какъ только Магметъ-Аминь учинился Великому Князю ратенъ, а Великаго Князя Ивана въ животѣ не стало, то послалъ Великій Князь, Василій Ивановичъ, въ Нагаи своихъ Татаръ къ Мурзамъ съ грамотами. Къ одному изъ этѣхъ Мурзъ было писано слѣдующее: «Вѣдаешь самъ, сколько отецъ, да и мы, Царю Магметъ-Аминю дѣлали, и какъ его на Казани учинили, и онъ, забывъ Бога, намъ недругомъ учинился. И пришлетъ къ вамъ Магметъ-Аминь о помочи, и вы бы ему ее не чинили, а были бы съ нами другу другомъ, а недругу недругомъ.» Въ Августѣ 1506 года посланный въ Нагаи вернулся въ Москву и сказалъ, что былъ у одного Мурзы, который его къ другимъ не пустилъ. Этотъ Мурза писалъ къ Великому Князю: «Съ Казанскимъ Царемъ учнешь мириться, и я усердствовати радъ, и тогда въ правомъ братствѣ будемъ.» Но и безъ посредничества Нагайцевъ дѣло съ Казанцами устроилось: Магметъ-Аминь завелъ сношенія не только съ Литвой, но и съ Москвой. Весною 1507 года онъ отправилъ посла къ Великому Князю съ грамотами бить челомъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, проступу его ему отдалъ, а съ нимъ бы взялъ миръ. Сигизмундовы послы, сдѣлавшіе вызовъ Василію Ивановичу, пріѣхали въ Москву 21-го Марта, а 25-го Марта Василій Ивановичъ

---

[112] II. Дип. Сн. т. 1, стр. 126 — 158.

отпустилъ Магметъ-Аминева посла и своего человѣка и приказалъ говорить Царю, чтобы онъ Михайла Кляпика отпустилъ и тѣхъ, что пойманы, вмѣстѣ съ посломъ. Магметъ-Аминь изъявилъ на это согласіе, только бы Великій Князь взялъ съ нимъ миръ, какъ было при Иванѣ Васильевичѣ. Великій Князь, ради Христіянскихъ душъ, что въ руки Бесерменскія попали, далъ на это согласіе. Все дѣло съ Казанью пошло такъ, что союзъ ея съ Литвою сталъ безвреденъ для Москвы. Союзъ Сигизмунда съ Казанью весьма похожъ на союзъ, почти въ это же время, Московскаго Государя съ Нагайцами противъ Литвы. Въ 1508 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, послалъ Василій Ивановичъ въ Нагаи къ Мурзамъ съ слѣдующими грамотами: «Шихъ-Ахматъ, зять вашъ, понадѣявшись на Литовскую правду, пришелъ въ ихъ земли, Литовскій его поималъ и хочетъ убить; и намъ Литовскій учинился недругомъ, и вы бы съ нами были на всякаго недруга за одинъ, а мы ему свою недружбу чинимъ отсюда.» Посланный съ грамотами извѣщалъ съ дороги, что Нагайцевъ нѣтъ на сей сторонѣ Волги, онъ же перевезся на ту сторону, тамъ его взялъ одинъ Царевичъ и хочетъ доставить къ дядямъ. [113]

Но совсѣмъ другія отношенія были у Василія Ивановича къ Крымской Ордѣ. Онъ, послѣ вступленія своего на престолъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, посмотря въ шертныя грамоты Царя Менгли-Гирея, что были съ отцомъ его, Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, о дружбѣ и братствѣ, а писано въ нихъ и на дѣтей, приговорилъ, съ своею братіею и съ Боярами, и послалъ въ Крымъ ближняго своего человѣка, Василія Наумова, возвѣстить Царю отца своего преставленіе, да и о дружбѣ и братствѣ по шертнымъ грамотамъ. Василій Наумовъ подвергся въ Крыму разнообразнымъ обидамъ со стороны многочисленныхъ Царевичей: они требовали у посла поминокъ, и когда тотъ давалъ ихъ только по записямъ (т. е., то, что кому назначено); то Ца-

---

[113] Лѣтопись подъ 1507 годомъ; Д. Наг. № 1, л. 35 — 65. Грамота, слова которой сейчасъ приведены, напечатана въ С. Г. Г. и Д. т. 5, № 48. Тѣ, которые печатали этотъ томъ грамотъ, не извѣстно, по чему, отнесли ее къ 1505 году, хотя въ дѣлахъ Нагайскихъ она находится подъ 7016 годомъ, 13 Апрѣля, и потомъ оттуда напечатана она у Карамзина, въ т. 7, прим. 38, подъ тѣмъ же 1508 годомъ.

ревичи грабили самаго посла и сопровождавшихъ его. Грабленія и оскорбленія были таковы, что долго послѣ этого ихъ выставляли Крымцамъ, какъ образецъ ихъ обхожденія съ послами. Почти въ то время, какъ послѣ набѣговъ на Литву Крымцы прислали къ Александру посольство, пріѣхалъ въ Москву (1 Августа, 1506 года) Василій Наумовъ изъ Крыма съ посломъ Менгли-Гирея и привезли шертныя грамоты, но не таковы, каковы надобны были Великому Князю. Великій Князь велѣлъ написать грамоты, каковы ему надобны, а Царевъ посолъ съ товарищами приложилъ къ грамотамъ руки и шерть дали, что имъ у Царя таковыя грамоты взять. Въ Декабрѣ того же 1506 года отпустилъ Великій Князь Крымскихъ пословъ, да съ ними отпустилъ своего посла, Константина Заболотскаго. Заболотской пробылъ въ Крыму цѣлый годъ; здѣсь онъ подвергся точно такимъ же оскорбленіямъ, какъ и Наумовъ, по тому что точно также не удовлетворялъ жадности Крымцевъ къ поминкамъ. Но въ теченіи этого года совершилось много важныхъ дѣлъ.

Съ начала весны 1507 года Московскія войска должны были готовиться воевать съ Казанью, но Магметъ-Аминь предупредилъ войну мирными предложеніями. За то пришла вѣсть къ Великому Князю, что идутъ многіе люди Татарове по Полю, и что ожидаютъ ихъ прихода на Украйну, на Бѣлевскія, Одоевскія и Козельскія мѣста. Тогда Князь Великій послалъ своихъ Воеводъ и вмѣстѣ съ ними должны были ждать Татаръ Князья служебные: Одоевскій, Воротынскій и Козельскій. Воеводы находились въ Воротынскѣ, какъ пришла къ нимъ вѣсть, что Татаре приходили на Украйну и, захвативъ много полону, пошли прочь. Воеводы бросились за ними въ погоню и догнали ихъ на Окѣ: имъ удалось побить Татаръ, иныхъ живыми изловить, а полонъ весь назадъ возвратить; Татаръ гоняли до рѣки Рыбницы. Это событіе было 9-го Августа.

ГЛАВА V.

Бунтъ Глинскаго.

Приготовленія Сигизмунда къ войнѣ и ссора Глинскаго съ Панами.—Сношенія Глинскаго съ Менгли-Гиреемъ и Московскимъ Правительствомъ.—Загоны Глинскаго въ Литвѣ.—Сношенія Литовскаго Правительства съ Московскимъ Великимъ Княземъ и Менгли-Гиреемъ по поводу бунта Глинскаго.—Военныя дѣйствія; пребываніе Глинскаго въ Москвѣ въ Августѣ 1508 года.—Вѣчный миръ между Московскимъ Правительствомъ и Польско-Литовскимъ.—Характеристика Глинскаго и клеветы Литовцевъ на него.—Кончина Елены Ивановны; Глинскій объявляетъ, что ее отравили Литовскіе Паны.—Глинскій за измѣну попадаетъ въ Московскія темницы и принимаетъ Православіе.—Личныя объясненія Елены Ивановны, отъ кого именно она терпитъ попреки за свой Греческій Законъ.—Характеристика Елены Ивановны.

I.

Со стороны Сигизмунда былъ сдѣланъ вызовъ Василію Ивановичу, но война не была объявлена. Для того, чтобы произвести извѣстнаго рода впечатлѣніе на Московскаго Государя, въ Февралѣ 1507 года, на Виленскомъ Сеймѣ, было поставлено, чтобы всѣ владѣльцы переписали въ своихъ имѣніяхъ людей и подали бы списки для того, чтобы знать, какъ кто можетъ служить съ своихъ имѣній. Кромѣ того, владѣльцы имѣній должны выѣхать на войну къ опредѣленному сроку, на назначенное мѣсто; кто не исполнитъ этѣхъ приказаній въ точности, тотъ подвергается штрафу и даже казни. Срокъ былъ назначенъ Свѣтлый Праздникъ, для того такъ скоро, сказано въ постановленіи Сейма, чтобы непріятель Государскій, услышавши то, что Государь хочетъ съ нимъ валку начать и своего подъ нимъ доставать, не предупредилъ бы и не вторгнулся въ Литовскія земли. Кромѣ того, духовенство и всѣ бывшіе на Сеймѣ постановили собрать на войну особую подать,—Серебщизну. [114] Этѣ постановленія Сейма не произ-

[114] Ак. З. Р. т. 2, № 12.

вели желаемаго впечатлѣнія на Василія Ивановича: какъ мы видѣли, на вызовъ Сигизмунда отвѣтъ былъ стараго характера, а, съ другой стороны, Василій Ивановичъ и не начиналъ войны съ Литвою. Но одно дѣло повело къ тому, что во второй половинѣ 1507 года война началась. Это дѣло заключалось въ томъ, что Паны Рада Великаго Княжества Литовскаго перессорились между собою. Когда вступилъ на Литовскій престолъ Сигизмундъ, то, знакомый намъ по участію въ дѣлахъ сватовства Александра Казимировича къ Еленѣ Ивановнѣ, Панъ Янъ Забережскій съ товарищами началъ говорить, что Князь Михайло Львовичъ Глинскій, заправлявшій Литовскими дѣлами при Александрѣ, хочетъ занять Литовскій Велико-Княжескій престолъ. Жалобы Глинскаго на Пановъ по этому поводу Сигизмундъ оставилъ безъ всякаго рѣшенія. Потомъ Король уѣхалъ въ Польшу, Паны Рада разъѣхались по своимъ имѣніямъ, дѣло Глинскаго, какъ видно, считали не важнымъ, а Москвичи не начинали войны. Но Глинскій не успокоился; онъ съ своими единомышленниками бросился на имѣніе Яна Забережскаго и убилъ Пана. Послѣ этого Глинскій началъ настоящій бунтъ: онъ направился въ свои имѣнія, находившіяся въ теперешней Малороссіи.[115] На дѣло Глинскаго сначала мало обратилъ вниманіе Сигизмундъ, за то въ Москвѣ увидали, что для нихъ оно очень знакомо. И вотъ, еще до Сентября, 1507 года, начали Московскія войска двигаться къ Литовскимъ границамъ, къ сѣверу къ Князьямъ, а потомъ туда же, къ Мстиславлю, 14 Сентября, послалъ Великій Князь Воеводъ своихъ, Князя Василія Даниловича Холмскаго и Якова Захарьевича, Литовской земли воевать.[116] Не знаемъ, подъ вліяніемъ этѣхъ движеній, или чего ни будь другаго, но Сигизмундъ осенью 1507 года приготовилъ посольство въ Москву, и послалъ туда просить опасной грамоты для проѣзда пословъ, своихъ и Менгли-Гиреевыхъ. Послѣднее было сдѣлано по тому, что Сигизмундъ, передъ этѣмъ всту-

---

[115] Ак. З. Р. т. 1, № 33.

[116] Разряды и Лѣтопись подъ 7016 годомъ. Въ Ист. Р. т. 5, въ пр. 313, на основаніи Типографской Лѣтописи говорится, что военныя дѣйствія начались весною 1507 года. Но въ Типографской Лѣтописи событія перепутаны. Составитель Лѣтописи пропустилъ событія 7015 г., а событія 7016 г. одну половину написалъ подъ 7015, а другую подъ 7016 годомъ.

пивши въ союзъ съ Крымскимъ Царемъ, захотѣлъ, при помощи его посредничества, заставить Москвичей уступить безъ войны все захваченное ими. Просимая опасная грамота была дана, но Сигизмундовы и Менгли-Гиреевы послы не пріѣхали теперь въ Москву. [117] Начиная испытывать отъ Глинскаго то, что происходитъ въ Государствѣ въ слѣдствіе бунта, въ Литвѣ хотѣли, чтобы и въ Москвѣ происходило то же. Тамъ, одновременно съ посольствомъ къ Василію Ивановичу, приготовили посольство къ его брату, Юрію Ивановичу. Въ явныхъ рѣчахъ къ послѣднему послы должны были изложить просьбу Сигизмунда къ брату и свату о посредничествѣ въ переговорахъ, а тайно слѣдующее: «Поразумѣли мы о тебѣ отъ многихъ вашихъ и нашихъ людей, что, милостію Божіею, въ своемъ дѣлѣ гораздо управляешься, и что многіе Князья и Бояре, отступивши отъ брата твоего, Великаго Князя Василія Ивановича, къ тебѣ пристали. Мы хотѣли съ твоимъ братомъ, Василіемъ Ивановичемъ, быть въ братствѣ, любви и докончанѣѣ, но онъ, обрадовавшись нашимъ граничнымъ городамъ и землямъ, съ нами мириться не захотѣлъ. Мы хотимъ съ тобою быть другу другомъ, а недругу недругомъ, и для того, чтобы за твое дѣло стоять, сами хотимъ сѣсть на конь.» [118] Такъ какъ посольство къ Василію Ивановичу теперь не пріѣхало въ Москву, то и не знаемъ, говорено ли когда ни будь посольство и къ Юрію Ивановичу; оно было только проектъ намѣреній Литовцевъ.

Всѣ надежды Сигизмунда на Ливонію и Казань оказались ничтожными. Но когда начался бунтъ Глинскаго, то и надежды на Менгли-Гирея тоже пали. Глинскій, послѣ убійства Яна Забережскаго, бросился на Ковно и хотѣлъ добыть оттуда Шихъ-Ахмата. Это дѣло ему не удалось, но онъ завелъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ и извѣщалъ его (впрочемъ, объ этомъ говоритъ посольство Сигизмунда), что въ его рукахъ находится Шихъ-Ахматъ. Менгли-Гирей принялъ участіе въ дѣлѣ Глинскаго, предлагалъ

---

117 Д. П. № 2, стр. 87. Посольство, напечатанное въ Ак. З. Р. т. 2, подъ № 18, находится въ Метрикѣ послѣ посольствъ отъ 8 Августа и послѣдующихъ за ними безъ года. Рядомъ съ этѣмъ посольствомъ находится посольство, что напечатано въ Ак. З. Р. т. 2, № 19.

118 Ак. З. Р. т. 2, № 19.

послѣднему поддаться Крыму и обѣщалъ посадить его на Кіевъ. Въ то же время Менгли-Гирей началъ ходатайствовать о Глинскомъ передъ Сигизмундомъ, объявляя, что все дѣло произошло отъ того, что Сигизмундъ не далъ Глинскому Маршальства. Изъ Литвы были отправлены нѣсколько посольствъ въ Крымъ по поводу бунта Глинскаго и съ просьбой не только не помогать и не ходатайствовать объ измѣнникѣ Глинскомъ, но и дать помощь на Москву, начавшую помогать послѣднему. [119]

Прося у Василія Ивановича опасную грамоту на пословъ, Сигизмундъ просилъ также, чтобы, пока его послы пріѣдутъ въ Москву, то въ это бы время военныя дѣйствія не происходили. Но въ то время, какъ Глинскій сносился съ Менгли-Гиреемъ, въ это же время пришелъ къ Глинскимъ отъ Великаго Князя Василія Ивановича Дьякъ Никита Губа Моклоковъ, съ приглашеніемъ вступить въ Московскую службу съ вотчинами. Глинскіе объявили, что они на это не могутъ положительно рѣшиться, по тому что дожидаются отъ Короля отвѣта о своихъ дѣлахъ. Въ Литвѣ, какъ видно, наконецъ обратили вниманіе на то, что дѣйствія Глинскаго похожи на дѣйствія прежнихъ отъѣзчиковъ, и по этому, когда Глинскій съ товарищами уѣхалъ въ свои имѣнія, тогда Король прислалъ къ нимъ посла, зовя ихъ къ себѣ, чтобы они никуда не отъѣзжали. Теперь Король обѣщалъ Глинскому съ товарищами дать управу на Пановъ, и это обѣщаніе велѣлъ посланному подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ. Глинскіе требовали прямой управы надъ Панами и назначили срокъ пріѣзда къ нимъ Королевскаго посла къ Сборному Воскресенію 1508 года, до этого же времени обѣщали не отъѣзжать ни къ которому Королевскому недругу. На назначенный срокъ Королевскій посолъ не пріѣхалъ, и по этому Глинскіе отпустили присланнаго изъ Москвы и, вмѣстѣ съ нимъ, своего повѣреннаго съ грамотами, чтобы Великій Князь ихъ пожаловалъ, принялъ бы ихъ въ службу и за ихъ отчины стоялъ. Рѣшившись на это, Глинскіе пошли къ Мозырю и взяли городъ. Сюда пріѣхалъ опять Губа Моклоковъ съ тѣмъ, что Великій Князь хочетъ жаловать Глинскихъ, принимаетъ

---

119 Лит. Мет. 7 кн. зап., л. 56 и далѣе: два посольства въ Крымъ отъ 21 Февраля 1508 года и 30 Апрѣля. Ак. З. Р. т. 2, № 33.

ихъ въ службу и будетъ беречь ихъ отъ Короля. Великій Князь приказалъ сказать Глинскимъ, что шлетъ имъ на встрѣчу своихъ Князей служебныхъ и многихъ Воеводъ, а они бы дѣлали свое дѣло не мѣшкая.

На основаніи этого обѣщанія Глинскій оставилъ своихъ братьевъ въ Мозырѣ, самъ же съ остальными товарищами пошелъ къ Глушску, чтобы сойтись съ Воеводами Великаго Князя, которые дѣйствительно двинулись съ весны въ Литовскія владѣнія разными дорогами на встрѣчу Глинскому. Ближе всѣхъ къ нему были Князья Можайскій и Шемячичь съ товарищами; отъ Смоленска долженъ былъ ити Яковъ Захарьевичъ, а съ Лукъ Великихъ Князь Данило Щеня. Глинскій пришелъ къ Глушску къ пятой недѣлѣ Великаго Поста. Здѣсь Глинскій долженъ былъ остановиться. Сюда къ нему пришелъ посланный отъ Великаго Князя, Иванъ Юрьевичъ Поджогинъ; онъ говорилъ отъ Государя, чтобы Князь Михайло Львовичъ съ людьми, которыхъ къ нему пришлютъ на помощь, дѣлалъ дѣла только около своихъ городовъ, доколѣ не придутъ къ нему Воеводы Великаго Князя. Это Глинскому было непріятно, по тому что онъ еще прежде писалъ въ Москву, что удобнѣе теперешняго времени для войны не можетъ быть, по тому что въ Литвѣ нѣтъ ни какого собранія воинскихъ людей. Но Воеводы все таки не шли: они имѣли небольшія стычки съ Литовцами, а къ Глинскому явились на помощь только Шемячичъ, Можайскій и другіе мелкіе служебные Князья. Глинскому приказано было дѣйствовать только около своихъ городовъ; онъ нашелъ, что Слуцкъ находится близко его городовъ, и послалъ туда своего брата, а самъ, вмѣстѣ съ Московскими служебными Князьями, пошелъ къ Бобруйску, оттуда къ Минску. У Бобруйска Князья были около Троицына дня, и когда оттуда двинулись, то пустили загоны по Литовской землѣ для того, чтобы замѣшка въ землѣ стала и собранье войска было расторгнуто и испорчено. Отправившимся въ загоны велѣно было сбираться къ Минску. Этѣ загоны были, какъ говоритъ Глинскій, въ восьми миляхъ отъ Вильны, нѣкоторые въ четырехъ миляхъ отъ Новогородка, а загоны, пошедшіе отъ Слуцка, были подъ Слонимомъ. Свободно разъѣзжали по Литвѣ загонщики, вездѣ жгли, шкоды чинили и полону набрали множество. Божіею милостію и Госу-

дарскимъ здоровьемъ всѣ люди поздорову собрались къ Минску. Сколько они ни ходили по Литвѣ, но собранья войска не слыхали, а только дошли до нихъ слухи, что Паны Рада были въ Лидѣ, да поѣхали къ Новогородку, а Король изъ Ляховъ выѣхалъ къ Берестью. Загоны ходили по Литвѣ двадцать дней, а когда собрались подъ Минскомъ, то стояли подъ городомъ двѣ недѣли и хотѣли взять городъ, но Княжескія дружины этого сдѣлать не могли. Глинскій, описывая этѣ происшествія, говорилъ, что, когда пришли подъ Минскъ, то захватили нѣкоторыхъ людей, а другіе сами пришли изъ города и сказали, что въ городѣ прибылыхъ людей нѣтъ, но что Князья безъ Государскаго приказа брать городъ не рѣшались. Когда Князья находились подъ Минскомъ, то къ нимъ пріѣхалъ отъ Великаго Князя Юрій Замятинъ, съ приказомъ ити на встрѣчу къ Воеводамъ Великаго Князя и сходиться подъ Оршею. Князья двинулись къ Борисову.

Это послѣднее было около Петрова дня (29 Іюня) 1508 года, и къ этому времени въ Минскъ пришелъ съ войсками самъ Король. Ходить по Литвѣ и грабить ее въ теченіи времени отъ начала Великаго Поста до Петрова дня, при помощи только однихъ служебныхъ Князей, при всѣхъ талантахъ Князя Михайла Львовича, было опасно. Глинскій въ посольствѣ къ Великому Князю описывалъ свои успѣхи, но кончалъ этотъ разсказъ слѣдующими словами: «Я, Государь, къ Воеводѣ вашему, Якову Захарьевичу, и къ инымъ Воеводамъ, послалъ своего пріятеля, что если есть вашъ приказъ, то они бы къ дѣлу поспѣшили. А Вашей Милости, Государю, низко челомъ бью, учините милость, по своему обѣщанію, защитите насъ; сдѣлайте это не только ради моего челомбитья, но и для своего (т. е., Православнаго) добраго и отъ того погибающаго Христіанства (Глинскій, какъ Католикъ, говоритъ: «вашего Христіянства),» которые, вмѣстѣ со мною, надежду на Бога и на Вашу Милость положили; прикажите воеводамъ ити на встрѣчу непріятелю, чтобы, видя то братья мои и пріятели и все Христіянство, которые на меня понадѣялись, въ отчаяніе не впали.» Глинскій, руководитель всего возстанія, ободряя товарищей, самъ приходилъ въ отчаяніе, чтобъ его Москвичи, тѣмъ или другимъ образомъ, не выдали ихъ Литовцамъ. Этѣ опасенія могли возбудиться

тѣмъ, что въ это время въ Москвѣ были Литовскіе послы и вели переговоры. [120]

Король, который стращалъ Московскаго Государя войною еще въ началѣ весны 1507 года, приготовился къ ней только къ серединѣ лѣта 1508 года, и теперь угрожалъ, во первыхъ, Глинскому. Даже выше изложенное посольство Глинскаго къ Василію Ивановичу не попало, какъ видно, въ Москву, и его Литовцы перехватили, и по этому мы знаемъ его по Литовскимъ Государственнымъ бумагамъ, въ которыхъ оно записано. Сигизмундъ долго готовился къ войнѣ, но когда осенью Москвичи хотѣли начать войну, то онъ это остановилъ присылкой въ Москву за опасной грамотой. Но такъ какъ Литовскіе послы все таки ни явились, а возстаніе Глинскаго и переговоры съ нимъ обѣщали много выгодъ, то съ ранней весны снова двинулись Московскія войска къ Литовскимъ границамъ; служебные Князья, какъ мы видѣли, явились на помощь Глинскому. Но у Воеводъ не было большихъ военныхъ столкновеній съ Литовцами, должно быть, по тому же, по чему и осенью прошлаго года. Изъ Дорогобужа прислалъ Намѣстникъ въ Москву извѣстіе (ранѣе Іюня мѣсяца), что писалъ къ нему Смоленскій Владыка, Іосифъ, о томъ, что идутъ къ Государю Королевскіе послы по опасной грамотѣ, а съ тѣми послами купцы Литовскіе, и по этому Государь велѣлъ бы дать опасную грамоту на этѣхъ купцовъ. Опасная грамота была дана. Приготовленное съ осени посольство въ Москву наконецъ явилось. Этѣ послы пріѣхали вмѣстѣ съ послами Менгли-Герея и предлагали примиреніе на условіяхъ возвращенія завоеваннаго. Они привезли о томъ же грамоту къ Боярамъ отъ Пановъ Рады. Отвѣтъ на это посольство былъ обыкновенный, что Государь мира хочетъ, а чу-

---

[120] Это посольство изъ Литовской Метрики напечатано въ Ак. З. Р. т. 2, подъ № 20, и отнесено издателями къ Апрѣлю 1507 года. Такъ какъ оно схоже, въ расказѣ событій, почти вполнѣ съ описаніемъ ихъ въ Русской лѣтописи (Рус. Вр. ч. 2., стр. 214—219), въ которой всѣ этѣ событія отнесены къ 1508 году, то и я отношу его къ 1508 году. Съ другой стороны, и по Литовской Метрикѣ, слѣдовало отнести это посольство не къ 1507 году, по тому что хотя оно и безъ года, но записано въ Метрикѣ послѣ посольствъ отъ конца Августа, 1508 года. Послѣднее всякой можетъ прослѣдить по нумераціи страницъ Метрики подъ посольствами, что обозначено въ. Ак. З. Р.

жихъ городовъ и волостей не держитъ и т. д. Но эти послы не были большіе послы, и черезъ три дня послѣ ихъ пріѣзда пріѣхалъ въ Москву отъ Короля Писарь Юшко съ грамотами, чтобы данъ былъ опасъ на большихъ пословъ. Опасная грамота была дана. Вмѣстѣ съ этѣмъ посломъ пріѣхалъ человѣкъ Королевы Елены Ивановны. Приказывая Великому Князу челобитье, Елена Ивановна писала, чтобы Государь съ Королемъ Жигимондомъ былъ въ мірѣ и братствѣ. [121] Какъ прежде къ отцу, такъ теперь къ брату, въ письмѣ Елены Ивановны говорилось, что вся размирица происходитъ отъ лихихъ людей, которыми теперь являются Глинскіе, а Князь Михайло Глинскій (какъ прежде Бѣльскій), забывши милости Короля Александра, который его изъ смерда сдѣлалъ Паномъ, посягнулъ на здоровье своего Государя и былъ причиною его смерти. [122] На это письмо былъ данъ отвѣтъ, въ которомъ сначала излагались причины прежней войны съ Александромъ, т. е., гоненіе на Православныхъ, а теперь, когда Сигизмундъ сѣлъ на мѣсто Александра, то онъ, послѣ присылки своихъ пословъ, «началъ Бесерменство наводить, да посылалъ своихъ Воеводъ на нашихъ Князей, но его Воеводы были отбиты. А что касается Князя Михайла Глинскаго, то присылалъ бить челомъ и проситься въ Московскую службу не одинъ Князь Михайло Глинскій, но са многіе Русскіе Князья, которые держатъ Греческій Законъ и сказываютъ, что пришла великая нужда о Греческомъ Законѣ, и они, не хотя приступить къ Римскому Закону, били намъ челомъ въ службу. Да, кромѣ того-намъ кажется, что и тебѣ, сестра, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ твой мужъ, тоже есть неволя, по тому что хотя отъ Жигимонда у насъ не разъ бывали послы, а отъ тебя не бывало ни какой вѣсти. Такъ если на Русь такая нужда пришла, то мы хотимъ ее боронить, а ты бы, сестра, памятовала Бога, свою душу и наказъ родительскій, не нанесла бы нашему Греческому Закону укоризны и къ Римскому Закону ни чѣмъ не приступала.» Всѣми этѣми переговорами и пересылками Сигизмундъ протянулъ время такъ, что послѣдній отвѣтъ Василія Ивановича

---

121 Д. П. № 2, стр. 87—89; Ак. З. Р. т. 2, № 39.

122 Ак. З. Р. т. 2, № 49.

былъ отъ Іюня 1508 года. [123] Этѣ-то переговоры необходимо должны были наводить страхъ на Глинскаго.

Всѣ указы о сборѣ войскъ мало дѣйствовали въ Литвѣ, а Глинскій этому еще болѣе мѣшалъ. Каково было озлобленіе на него, служитъ доказательствомъ то, что въ Литвѣ сочинили слѣдующее письмо въ Москву, которое, впрочемъ, не видимъ, чтобы было послано по назначенію. Сигизмундъ въ началѣ писалъ къ Василію Ивановичу то же, что уже было прежде изложено въ письмѣ Елены Ивановны къ брату, что Глинскій былъ виновникъ смерти Александра, и представлялись тому доказательства, показанія будто бы сообщниковъ Глинскаго. Къ этому прибавлялось (впрочемъ, можетъ быть, это было сказано и въ письмѣ Елены Ивановны), что Глинскій, «при жизни брата нашего, Александра, съ отцомъ твоимъ его въ великое нежитье ввелъ, невѣсткѣ же нашей, а сестрѣ твоей, много непріятностей сдѣлалъ, о чемъ и посламъ вашимъ, которые у брата нашего бывали, хорошо извѣстно. А теперь, убивши Пана Забережскаго, началъ бунтовать, объявляя, что ты посылаешь ему въ послугу Князя Данила Щеня и Якова Захарьевича; да прежде къ нему приходили Шемячичъ и другіе твои Воеводы». Этѣ рѣчи кончаются слѣдующими словами: «Намъ конечно, нѣтъ ни какого дѣла, какъ ты чествуешь своихъ Князей и Воеводъ, что нашимъ смердамъ, паробкамъ и измѣнникамъ въ послугу даешь, а мы будемъ защищать отчины наши.» [124] Для того чтобы высказать эту свою досаду, Сигизмундъ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ случаемъ, что его послы и купцы еще во второй половинѣ Іюня не возвращались назадъ. Наконецъ послы пріѣхали: Сигиз-

[123] Ак. З. Р. т. 2, № 22. Издатели это письмо Василія Ивановича къ сестрѣ отнесли на цѣлый годъ назадъ. По Голицынской выпискѣ изъ Польскихъ дѣлъ оно относится 7016 году. Но кромѣ того хотя издатели и напечатали, что будто въ Литовской Метрикѣ написано подъ письмомъ «7015 годъ Іюнь,»—но я видѣлъ 7 и 8 книги записей Литовской Метрики, откуда печатали это письмо издатели Актовъ, и тамъ написано совсѣмъ не то, а слѣдующее: въ 7 книгѣ, «лѣта ҂зе Іюня», а въ 8 книгѣ «лѣта ҂зг Іюня». И такъ это показываетъ, съ одной стороны, какъ записывались Государственныя бумаги въ Литовской Метрикѣ, а съ другой, какъ произвольно обозначали года издатели Актовъ.

[124] Ак. З. Р. т. 2, № 36.

мундъ долженъ былъ прочесть отвѣтъ на письмо Елены Ивановны и остановиться посылкой своего письма; однако, онъ отправилъ еще гонца въ Москву (5 Августа) о томъ, что опасная грамота на большихъ пословъ дана не такая, какую слѣдовало дать, и что купцы, пріѣхавшіе, по опасной грамотѣ, задержаны. Въ этомъ состоявшемся посольствѣ о Глинскомъ говорилось такъ: «Ты черезъ свои опасные листы нашихъ пословъ задержалъ въ Москвѣ на долгій срокъ по просьбѣ нашего измѣнника, Глинскаго, а въ тотъ срокъ къ тому измѣннику послалъ на помощь своихъ воеводъ; когда же ты и отпустилъ нашихъ пословъ изъ Москвы, то они еще были, по твоему приказу, задержаны твоими Намѣстниками на Бѣлой.» Въ Москвѣ, давши простой отвѣтъ на этѣ слова Сигизмунда, дали требуемую опасную грамоту. [125]

Получивши опасную грамоту на великихъ пословъ, Сигизмундъ долженъ былъ послать ихъ, но въ Литвѣ рѣшили попытать военнаго счастія, и военныя дѣйствія уже начались. Въ этомъ отношеніи особенно досадно было Литовцамъ на Менгли-Гирея: онъ предлагалъ имъ прислать въ помощь своихъ людей къ Кіеву и Вильнѣ. На это предложеніе Сигизмундъ отвѣчалъ, что въ помощи Царевыхъ людей въ этѣхъ мѣстахъ совсѣмъ не нуждаются и сами ихъ защитятъ, а слалъ бы онъ своихъ людей къ Московскимъ украйнамъ. Но помощь Татарская не явилась, а Менгли-Гирей только ходатайствовалъ о Глинскомъ. Здѣсь Сигизмундъ уже не стѣснялся говорить; онъ писалъ къ Царю: «Ты пишешь, что Глинской такой молодецъ, какого въ Литвѣ не бывало—это правда, что такого измѣнника и злаго человѣка въ Литвѣ никогда не бывало. Да не только въ Литвѣ, но и въ Ордѣ извѣстно, что Глинскіе прежде и теперь у нашихъ слугъ служатъ, а самъ Глинской не по отечеству былъ славенъ, а ласкою нашего милаго брата, которому онъ за это отплатилъ тѣмъ, что помогъ умереть». А объ обѣщанной Менгли-Гиреемъ помощи Сигизмундъ гогорилъ такъ: «Ты намъ ярлыки подавалъ на города, что были за нашими предками, то ты самъ посмотри, какой намъ прибытокъ отъ твоихъ ярлыковъ, коли тѣ города и земли Московской держитъ въ своихъ рукахъ и сбираетъ съ нихъ дани, а мы откуда

[125] Ак. З. Р. т. 2, № 39.

же возьмемъ по этому денегъ и поминки для тебя и твоихъ людей?» [126]

Когда былъ полученъ приказъ Великаго Князя, что Воеводамъ ити въ Литовскую землю и сходиться въ Оршѣ, то Глинскій съ Князьями направился къ Друцку. Князья Друцкіе сдались съ городомъ и цѣловали крестъ, что служить имъ Великому Князю. Отъ Друцка Князья повернули къ Оршѣ, гдѣ и сошлись съ Воеводами Великаго Князя. До прихода Князей пришелъ къ Оршѣ Князь Данило Щеня съ Новгородскими войсками. Князья и Воеводы начали осаду города. Король въ концѣ Іюня находился уже въ Минскѣ, а къ началу Августа въ Смоленскѣ, и оттуда посылалъ въ послѣдній разъ въ Москву за опасною грамотой для великихъ пословъ. Осада Орши была безъ выгодъ для Москвичей, и когда пришла вѣсть, что Король идетъ на помощь къ городу, Московскіе Воеводы и Князья пошли на восточную сторону Днѣпра. Король пришелъ и всталъ противъ Воеводъ на другой сторонѣ рѣки. Но изъ этого ни чего не вышло: Воеводы отошли къ Дубровнѣ, Король пошелъ за ними; здѣсь опять стали другъ противъ друга чрезъ рѣку, и такъ стояли семь дней. Отсюда Воеводы пошли, кто къ Дорогобужу, кто въ Вязьмѣ, иные къ Мстиславлю и, такимъ образомъ, всѣ вышли изъ Литовской земли, въ которой, по обычаю, все разоряли. Шемячичъ же пошелъ въ свои города. Король, оставленный Москвичами, воротился къ Смоленску. Въ это время пришли слухи въ Москву, что Король отпускаетъ своихъ людей изъ Смоленска къ Торопцу, Бѣлой и Дорогобужу. Въ слѣдствіе этѣхъ вѣстей, Великій Князь приказалъ Воеводамъ ити къ Вязьмѣ. При этомъ Князю Щенятѣ велѣно было ити къ Торопцу, по тому что изъ Торопца пришли подлинныя вѣсти, что Королевскіе люди туда пришли и приводятъ людей къ крестному цѣлованію на Короля. При появленіи у Торопца Князя Щеняти, цѣловавшіе крестъ на Короля разбѣжались. Не болѣе имѣли успѣха Литовцы и подъ Дорогобужемъ: Станиславъ Кишка его занялъ, но когда услышалъ, что идутъ туда Московскіе Воеводы, то бѣжалъ въ Смоленскъ. Подъ Бѣлой Литовцамъ удалось столько же,— они сожгли городъ.

---

[126] Ак. З. Р. т. 2, №№ 33 и 41.

Въ этѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ прошелъ конецъ Іюля (по тому что съ конца Іюня до конца Іюля Воеводы и Князья безпрепятственно со стороны Литовцевъ сходились), Августъ и начало Сентября, 1508 года. Когда Воеводы пошли къ Вязьмѣ, то Князь Михайло Львовичъ Глинскій поѣхалъ на подводахъ въ Москву, куда прибылъ 10 Августа. Въ тотъ же день Глинскій — Нѣмецъ, какъ его назвали въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своими пріятелями, пировалъ у Великаго Князя. Великій Князь Глинскаго съ товарищами дарилъ на пиру, и далъ ему на пріѣздъ два города: Малой Ярославецъ и Медынь. Провеселившись девять дней въ Москвѣ, Глинскій отправился въ свои города, Мозырь и Туровъ.[127] Глинскій пріѣхалъ въ Москву не только за тѣмъ, чтобы пировать и лично ударить челомъ Великому Князю, но и за другими дѣлами; такъ онъ говорилъ Великому Князю, что «Максимиліянъ Король мыслитъ доставать своего отечества, Угорскаго Королевства, по тому что Владиславъ Король болѣнъ, а сынъ его малъ. Владиславъ хочетъ, чтобы сына его взяли на Угры, а Паны Угорскіе хотятъ взять на Угры своего же Угрина, Максимиліянъ же хочетъ посадить на Угры изъ своей руки, по этому надо помочь ему на Польскаго Короля, чтобы онъ ему не мѣшалъ въ томъ дѣлѣ: и будетъ тебѣ, Государю, для своей чести, пригоже послать къ Максимиліяну Цесарю о томъ грамоту, чтобы онъ былъ съ тобою въ братствѣ и любви, и на Польскаго за одинъ, и если нельзя твоему человѣку до него донести, то прикажи мнѣ, и я съ своимъ человѣкомъ доставлю ее къ Максимиліяну Цезарю; въ тѣхъ земляхъ обычай таковъ, что Великіе Государи ссылаются межъ собою грамотами, и такимъ образомъ ихъ дѣла дѣлаются; а пригоже, или не пригоже, вамъ такъ, Государь, дѣлать, то ты вѣдаешь.» Когда Глинскій уѣхалъ изъ Москвы, то здѣсь нашли, что пригоже къ Максимиліяну послать грамоту, по тому что Король Максимиліянъ былъ съ отцомъ Великаго Князя въ любви и братствѣ, а въ договорной грамотѣ написано именно: быть за одинъ на Казимира Короля и на его дѣтей. По этому, въ слѣдъ за Глинскимъ, была послана, вмѣстѣ съ его пріятелемъ, грамота для передачи ея Максимиліяну; грамота была о томъ, что Великій

---

127 Русск. Врем. ч. 2, стр. 219 — 220; Разряды.

Князь началъ добывать своей отчины, города Кіева, а Максимиліянъ по договору помогъ бы ему въ этомъ. Князю Михайлу Львовичу было наказано, чтобы онъ ту грамоту препроводилъ къ Максимиліяну, и если самъ хочетъ какую грамоту послать къ Максимиліяну, то прислалъ бы съ нея списокъ. [128] Какъ отношеніями Московскаго Государя къ Императору, такъ точно и его отношеніями къ Даніи, Глинскій тоже пользовался. Отправляясь въ свои владѣнія, гдѣ сидѣли его братья, Глинскій просилъ у Великаго Князя людей въ свои города. Великій Князь исполнилъ просьбу: онъ далъ Глинскимъ людей Русскихъ и Татаръ Городецкихъ (Касимовскихъ). Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Москвѣ, Глинскій теперь очутился у Сигизмунда въ тылу.

Изъ выше изложенныхъ военныхъ дѣйствій мы можемъ видѣть, что хотя Литовцы и наступали, но дѣйствовали не совсѣмъ удачно. Москвичи хотя и отбивали ихъ, но не давали сильнаго отпора, по тому что значительная часть войскъ должна была оберегать украйны, вѣроятно, изъ опасеній предъ набѣгомъ Татаръ. [129] Этѣ обстоятельства, неудачная война, наступленіе осени и появленіе Глинскаго въ Мозырѣ, повели къ тому, что 19 Сентября, по опасной грамотѣ, данной въ Августѣ, пріѣхали въ Москву послы отъ Короля Сигизмунда и говорили объ мирѣ. Сначала они потребовали возвращенія городовъ, которые издавна принадлежали Литвѣ, но, получивъ, обыкновенно даваемый на этѣ требованія, отвѣтъ, объявили, что Король поступается тѣми городами и волостями, что были въ перемирье съ Александромъ Королемъ, но тѣ, которые Великій Князь поималъ послѣ, слѣдуетъ возвратить; да также еще возвратить Черниговъ, Любечъ, Дорогобужъ, Торопецъ. Послѣ долгихъ спорныхъ рѣчей послы сказали, что Король поступается и этѣхъ городовъ, но просили, чтобы Великій Князь поступился Смоленскихъ волостей. Послѣ спорныхъ рѣчей, и по этому поводу Великій Князь велѣлъ сдѣлать уступку нѣкоторыхъ волостей, и договаривающіеся на томъ порѣшили, что учинить вѣчный миръ, который былъ утвержденъ 8-го

---

[128] Пам. Дип. Сн. т. 1, стр. 151—154.

[129] Разряды.

Октября. Плѣнныхъ постановлено выпустить съ обоихъ сторонъ.[130] Владѣнія служебныхъ Князей, Шемячича, Можайскаго, Бѣльскихъ съ товарищами, остались за Москвою. Василій Ивановичъ, принимая Глинскаго въ службу, обѣщалъ стоять за его отчины, и потому дозволялось Глинскому съ братіею воевать Литовскую землю, за свою обиду, а которые города они возмутъ, то на нихъ сидѣть Глинскимъ, а Великому Князю въ нихъ не вступаться. Но это обѣщаніе при заключеніи мира не было исполнено: всѣ земли Глинскихъ остались за Литвою, и Глинскимъ съ товарищами отданъ былъ приказъ ѣхать въ Москву. Кромѣ вѣчнаго мира между Государями, заключенъ былъ союзъ на всѣхъ непріятелей и на Татаръ; но въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ исключенъ только одинъ Менгли-Гирей, который такъ мало вредилъ Москвѣ въ послѣднюю войну и такъ плохо помогалъ Литвѣ, такъ что въ настоящее время, почти какъ и всегда, оба Государя въ сущности не могли сказать, въ какомъ они отношеніи находятся къ Крыму.

II.

Никто не зналъ такъ хорошо тѣхъ болѣзней, которыми страдало Литовско-Польское Государство, и никто лучше не усвоилъ системы Польскихъ дѣйствій въ отношеніи къ Москвѣ, какъ Князь Михайло Львовичъ Глинскій. Управляя Литвою при Александрѣ, онъ зналъ хорошо ея дѣла, и съ его именемъ связано самое важное дѣло того времени. Когда Иванъ Васильевичъ объявилъ, что начинаетъ войну съ Литвою, по тому что тамъ принуждаютъ Православныхъ принять Римскую Вѣру, то Князь Михайло Львовичъ долженъ былъ ѣхать въ Угрію къ Владиславу Казиміровичу и просить помощи на Московскаго Государя. Здѣсь онъ долженъ былъ говорить: «Ваша Королевская Милость оказала бы помощь нашему Государю, не только ради вашего кровнаго связанья, но для святой Вѣры Христіянской, которая водворена трудами дѣда вашего, Короля Владислава (Ягайла). Отъ тѣхъ временъ до нынѣшнихъ Русь хочетъ сдѣлать, чтобы Святая Вѣра изчезла въ Литвѣ. Не только Москва, но и нѣкоторые Княжата

[130] Д. П. № 2, стр. 90 — 92; Ак. З. Р. т. 2, № 43.

возстали на отца вашего, Короля Казимира, не для иного чего, но только противъ Святой Вѣры, и ради этого же они и теперь возстаютъ на Вашу Милость, сыновей Короля Казимира; братъ вашъ нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ, а другіе отъ этого убѣжали къ Московскому Государю. Этотъ несправедливый Князь началъ войну по тому, что нѣкоторые Русской Вѣры принуждены были приступить къ Церкви Римской, и объ этой причинѣ войны самъ Московскій Князь гордо приказалъ къ своему зятю.»[131] Мы не имѣемъ права сказать того, что одинъ изъ руководителей дѣла и на котораго возложено было говорить сейчасъ приведенныя слова не сочувствовалъ имъ. Но, съ другой стороны, насъ можетъ поразить то, что гонитель Православныхъ въ то же время поддерживался партіей, состоящей только изъ Русскихъ, съ которыми и началъ свое знаменитое возстаніе. Михайло Львовичъ Глинскій Русской Князь, Католическаго Исповѣданія, Татарскаго происхожденія (какъ это видно изъ его родословной),[132] получившій образованіе въ Западной Европѣ, въ эпоху Папы Александра VI, принадлежалъ къ числу тѣхъ талантливыхъ Государственныхъ людей, предъ которыми имѣютъ право благоговѣть всѣ поклонники правилъ политики современника Глинскаго, Маккіавелли, но по исторіи Глинскаго могутъ они судить, какова бываетъ судьба людей, руководящихся подобными правилами. Лучшей оцѣнкой талантовъ Глинскаго служитъ то, что о Князѣ Бѣльскомъ и другихъ отъѣзчикахъ въ Литвѣ скоро забыли, но о Князѣ Глинскомъ никто не забывалъ. Пока существовалъ Глинскій, Литовцы не могли думать, что онъ не будетъ имъ мстить за свою обиду. Сигизмундовы послы, заключившіе вѣчный миръ, когда доѣхали до Смоленска, то прислали Королевскаго человѣка съ грамотами о томъ, что прибѣжали слуги Королевскаго измѣнника и говорили, что у него такая мысль: «Только Государь съ Королемъ помирится, то онъ съ своими пойдетъ въ степь и будетъ владѣніямъ обоихъ Государей шкоды чинить;» по этому Король, обыскавъ это дѣло, приказалъ заставить имъ дорогу въ Полѣ. Василій Ивановичъ отвѣчалъ: чтобы Король своихъ людей не посылалъ на Князя

---

[131] Ак. З. Р. т. 1, № 188.

[132] Тамъ же пр. 60.

Михайла съ братіею, а если послалъ, то воротилъ бы и велѣлъ бы пропустить безъ всякой зацѣпки. Къ Князю же Глинскому была послана грамота, чтобъ ѣхалъ онъ въ Москву, гдѣ его съ братіею вознаградятъ за потерянное. Когда Глинскій не оправдалъ надеждъ Литовцевъ и поѣхалъ въ Москву, то изъ Литвы была снова прислана грамота, что Князь Михайло только хочетъ проводить свою братію въ Москву, а Государю служить не хочетъ и пойдетъ въ Поле, и то бы Государю было вѣдомо. Доносамъ не вѣрили, и когда Глинскій уже пріѣхалъ въ Москву, то изъ Литвы начали уже прямо требовать его казни за то, что онъ уморилъ Короля Александра. Этѣ требованія кончались слѣдующими словами: «Если ты, братъ, такъ сдѣлаешь, то мы отъ сего времени со всѣми, которые тебѣ сгрубивши, кто бы они ни были, побѣгутъ къ намъ, будемъ точно такимъ же образомъ поступать.» На это данъ былъ отвѣтъ, что такъ сдѣлать нельзя, по тому что Глинскій билъ челомъ въ службу Государю, когда была валка съ Королемъ. Для того, чтобы добиться своего, Литовцы отыскали и дѣла, на которыя трудно было отвѣчать. Литовскій посолъ говорилъ отъ Короля: «Король Датской прислалъ къ намъ листъ, который прислалъ къ нему нашъ измѣнникъ Глинскій. Мы тебѣ этотъ листъ представляемъ, и ты самъ посмотри, гораздо ли то дѣлается, что нашъ измѣнникъ, а твой слуга, пишетъ на насъ къ Христіянскимъ Государямъ неправые слова? За такіе дѣла ты казни его, чтобы онъ впередъ того не починалъ.» Москвичи на это не отвѣчали.

У Литовцевъ жалобы на Глинскаго были истощены, но для Глинскаго былъ неистощимъ вопросъ объ Еленѣ Ивановнѣ. Еще прежде послѣдней жалобы Литовцевъ на Глинскаго, Василій Ивановичъ обращался къ сестрѣ: «Король изъ доконча̀нья выступаетъ, ее, Государеву сестру, не во чти держитъ.» На этѣ слова мы не знаемъ отвѣта. Но черезъ нѣсколько времени Василій Ивановичъ опять наказываетъ сестрѣ: «Чтобы она отказала свою мысль, какъ ее прожитокъ, и нѣтъ ли которой нечести отъ Короля и отъ Пановъ, и какъ къ ней впередъ Государю посылать людей своихъ?» Отвѣта на это мы тоже не знаемъ. Кромѣ этого, почти каждый посолъ изъ Москвы въ Литву обращался къ Еленѣ Ивановнѣ съ вопросомъ отъ брата объ ея житьѣ-бытьѣ. Наконецъ одинъ изъ этѣхъ

пословъ, Константинъ Замыцкой, пріѣхавши изъ Литвы, объявилъ: «Сказывала ему Королева и Великая Княгиня Елена Ивановна: хотѣла она изъ Вильны ѣхать въ свое имѣніе, въ Бреславль, и напередъ себя послала людей своихъ, но Воевода Виленской и Воевода Троцкой съ товарищами ее, Королеву, въ Бреславль не пустили и говорили, что дѣлаютъ это по тому, что она ѣдетъ къ Москвѣ, а напередъ себя казну посылаетъ; да взяли Воеводы Королеву за рукава и изъ Пречистой вывели и, посадя въ сани, повезли въ Троки, а изъ Трокъ отвезли въ ея село, Биршаны, потомъ изъ Биршанъ въ Стекляшки; людей же отъ нея всѣхъ разогнали.» Въ слѣдствіе этого отправилось въ Литву посольство, въ которомъ, изложивъ всѣ выше сказанныя обстоятельства, послы, отъ имени Василія Ивановича, говорили Сигизмунду: «Сколько разъ мы приказывали къ тебѣ съ своими послами и твоими Панами, чтобы нашей сестрѣ отъ тебя и твоихъ Пановъ ни какой нечести не было и къ Римскому Закону ее не нудили бы; а теперь такую нечесть и нужду ей учинили Паны: съ твоего ли это вѣдома, или не съ твоего?» Изъ нашихъ Государственныхъ бумагъ не видно, чтобы Король далъ на этѣ вопросы отвѣтъ, но изъ Литовскихъ узнаемъ, что, по крайней мѣрѣ, былъ приготовленъ такой отвѣтъ: «Намъ хорошо извѣстно, что Паны у нашей невѣстки казны не отнимали, въ Троки и Биршаны не возили, не чести ей ни какой не чинили, но только сказали, съ нашего вѣдома, чтобы Ея Милость въ Бреславль не ѣхала, по небезопасности пограничныхъ мѣстъ, а пребывала бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ. Мы нашу невѣстку никогда къ Римскому Закону не нудили и не будемъ нудить, всегда ее въ чести держали, а къ городамъ, что подавалъ ей нашъ братъ, а ея мужъ, еще придали города, и впередъ хотимъ жаловать. Для большей правды, ѣхалъ бы ты (посолъ) къ невѣсткѣ нашей и обо всемъ ее опыталъ; мы же дивимся, что братъ нашъ, не довѣдавшись подлинно, а по извѣстіямъ, полученнымъ отъ лихихъ людей, говоритъ намъ о такихъ дѣлахъ, которые у насъ и въ мысли не были» [133] Этѣ обиды Еленѣ Ивановнѣ были одной изъ причинъ войны, начатой Василіемъ Ивановичемъ съ Сигизмудомъ и стоившей Литвѣ Смо-

---

[133] Д. П. № 2, стр. 91 — 110; Ак. З. Р. т. 2, №№ 49, 57, 80.

ленска. Но Литовцевъ обвиняли не въ однихъ обидахъ сестрѣ Московскаго Государя; въ числѣ неисправленій Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ мы находимъ слѣдующее: что «когда Королевѣ нечесть отъ Пановъ учинилась, то она изъ Биршанъ посылала къ Королю жаловаться, но Король ей управы и отвѣта не учинилъ; а Паны, научивши троихъ людей, дали имъ зелье, отправили ихъ къ Королевѣ, и они то зелье дали ей испить въ меду, и какъ она испила, то въ тотъ же день ее и не стало. Съ тою вѣстью пригналъ къ Панамъ въ Вильну ключникъ Королевинъ: его принялъ Виленскій Воевода, да имѣніе далъ.»[134] Елена Ивановна скончалась въ 1512 году. Но кто же былъ причиною того, что въ концѣ ея жизни запросы о томъ, нѣтъ ли ей обидъ отъ Короля и Пановъ, такъ учащаются и принимаютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ прежде? Отъ кого въ Москвѣ получали подробныя извѣстія о такихъ дѣлахъ, которыя обыкновенно дѣлаются въ глубокой тайнѣ? Глинскаго обвиняли Литовцы въ смерти Короля Александра, и Глинскій отплатилъ имъ тою же монетою. Изъ описи Царскаго Архива[135] мы узнаемъ, что была въ немъ запись, которую подавалъ Князь Михайло Львовичъ Глинскій о томъ, какъ сестрѣ Государевой зелье давали.

Знаменитый Государственный человѣкъ, изъ школы Цезаря Борджіо, хотѣлъ кончить въ Москвѣ свое дѣло такъ же, какъ кончилъ его въ Литвѣ. Убѣдившись тамъ, что личный талантъ можетъ сдѣлать многое, онъ отчасти на себѣ убѣдился сначала въ томъ же и въ Москвѣ: Глинскій подтолкнулъ дѣло къ тому, что между Государствами произошелъ разрывъ: онъ доставилъ средства взять Смоленскъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что, недовольный порядками, водворившимися въ Сѣверной Россіи, Глинскій задумалъ было измѣну, и попалъ за это въ Московскія темницы. Чтобы выручить себя изъ такой бѣды, Глинскій объявилъ, что желаетъ принять Вѣру своихъ отцовъ—Православную. Кромѣ того, хода-

---

134 Лит. Мет. № 2, л. 20—29, въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Съ этими правительственными извѣстіями поражаетъ сходствомъ лѣтописное извѣстіе о смерти Димитрія Юрьевича Шемяки, гдѣ говорится: «Умеръ напрасно въ Новгородѣ, а пригонялъ съ тою вѣстію подъячій Василій Бѣда, а оттолѣ быстъ Дьякъ.»

135 Ак. Арх. Эк. т. 1, № 289, стр. 337.

таемъ за него предъ Московскимъ Государемъ явился Максимиліянъ; его посолъ, Герберштейнъ (19-го Ноября, 1517 г.), говорилъ: «Цезарь думаетъ, что Глинскій довольно наказанъ за свою вину заключеніемъ, проситъ Государя объ немъ, такъ какъ онъ воспитывался съ младыхъ лѣтъ при его Дворѣ, отпустить въ другія страны; при этомъ Цезарь хочетъ Глинскаго присягою связать, чтобы онъ противъ Московскаго Государя никогда не служилъ.» На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Мы Глинскаго жаловали еще когда онъ былъ у Жигимонда Короля, а когда къ намъ пріѣхалъ, то учинили его въ Воеводахъ, и онъ, забывъ наше жалованье, учалъ наводить Жигимондовыхъ людей на нашихъ, и навелъ. За это онъ достоинъ былъ великой казни, и мы велѣли его казнить, но онъ вспомнилъ, что отецъ и матерь его были Греческаго Закона, а онъ въ ученьѣ, въ Итальянскихъ странахъ, своею молодостію, присталъ къ Римскому Закону, похотѣлъ опять приступить къ Греческому Закону и билъ о томъ челомъ отцу нашему, Варлааму, Митрополиту всея Руси, и тотъ у насъ Глинскаго отъ казни взялъ и пытаетъ его, что онъ не неволею ли приступаетъ къ Вѣрѣ своихъ отцовъ.» Послѣ этого Герберштейнъ попросилъ только, чтобы Глинскаго выпустили на свободу. [136] Таковъ былъ Глинскій, человѣкъ, для котораго всѣ средства были дозволительны, только бы имѣть возможность дѣйствовать и играть важную роль.

Про этого-то человѣка Сигизмундъ говорилъ, что Еленѣ Ивановнѣ было много непріятностей отъ него. На сколько правды въ этѣхъ словахъ, трудно рѣшить. Относительно принужденія въ Вѣрѣ Елены Ивановны мы знаемъ слова Александровыхъ пословъ, которые прямо говорили Ивану Васильевичу, что Александръ никогда не нудилъ своей жены къ Римскому Закону, но Папа постоянно наказывалъ ему чрезъ пословъ, чтобы онъ заставилъ жену быть послушной Апостольскому престолу по осьмому Флорентійскому Собору. Къ этѣмъ словамъ пословъ мы имѣемъ еще средство прибавить слова самой Елены Ивановны, объясняющія, кто не могъ равнодушно видѣть, что супруга Короля Польскаго

---

136 Пам. Дип. Сн. т. 1, стр. 310 — 314.

и Великаго Князя Литовскаго не Католичка. Послѣ того, какъ, передъ заключеніемъ перемирія съ Александромъ, Канцлеръ Елены Ивановны подалъ отъ нея знаменитое письмо, тотъ же Канцлеръ, не правительственнымъ образомъ, говорилъ Ивану Васильевичу отъ его дочери: «Она, по наказу отца, въ Греческомъ Законѣ крѣпко стоитъ, и отъ мужа принужденія въ томъ мало, но чрезвычайно много укоризнъ терпитъ она за Греческой Законъ отъ Архіепископа Краковскаго, да отъ Бискупа Виленскаго и отъ Пановъ Литовскихъ: говорятъ они прямо ей, что она не крещена и другія многія укоризны Греческому Закону; да они же и къ Папѣ приказывали, чтобы тотъ послалъ къ Великому Князю и приказывалъ бы привести ее въ послушество Римской Церкви и Папѣ.» Къ этому Елена Ивановна еще прибавляла, что «покуда ея мужъ живъ и здоровъ, то она ни какого принужденія въ Греческомъ Законѣ не боится; а если, по грѣхамъ, ея мужа въ животѣ не станетъ, то Арцибискупъ, Бискупы и Панове, пожалуй, какое ни будь насиліе учинятъ.» По этому Елена Ивановна просила, чтобы отецъ потребовалъ отъ ея мужа новой утвержденной грамоты о Греческомъ Законѣ, за его печатью, да чтобы къ этой грамотѣ привѣсили свои печати и руку приложили Арцибискупъ Краковскій да Бискупъ Виленскій. Иванъ Васильевичъ похвалилъ свою дочь за то, что она дѣлаетъ это гораздо, свою душу бережетъ и наказъ отцовской помнитъ. Въ слѣдствіе этого извѣщенія Елены Ивановны, Иванъ Васильевичъ приказалъ своимъ посламъ, которые ѣхали въ Литву, присутствовать при присягѣ Александра на перемирной грамотѣ, просить такой грамоты, о какой наказывала Елена Ивановна, и объяснить причину просьбы, что прежняя грамота поотстала. Такъ какъ въ Литвѣ перемирную грамоту, какъ мы видѣли, долго не утверждали, то нельзя полагать, чтобы дали новую грамоту о Греческомъ Законѣ, и въ разсказѣ о томъ, что послы дѣлали въ Литвѣ, нѣтъ и намека на дѣятельность ихъ по этой части. Этѣми указаніями Елены Ивановны, что главные ея враги, какъ Православной, есть Католическое духовенство и Паны, намъ отчасти объясняется то, что со времени пріѣзда Глинскаго въ Москву Василій Ивановичъ началъ спрашивать сестру, нѣтъ ли ей нечести отъ Пановъ. Дѣло, какъ мы видѣли, кончилось тѣмъ, что Елена Ивановна обвинила Пановъ въ обидахъ себѣ, а Глинскій въ томъ, что они отравили вдовствующую Королеву. Но не одни

Паны и Бискупы съ ненавистію смотрѣли на Православіе Елены Ивановны, а были еще и другія лица, о которыхъ она упомянула по слѣдующему поводу: Иванъ Васильевичъ обратился къ Еленѣ Ивановнѣ съ просьбой, чтобы она разузнала о дочеряхъ у различныхъ Государей, а это нужно по тому, что сыновья Ивана Васильевича уже на возрастѣ и ихъ пора женить. Когда Елена Ивановна пересчитала дочерей различныхъ Государей, то Московскій посолъ сказалъ ей: «Ты, Госпоже, пошли опытать объ нихъ и узнай, гдѣ твоему брату, Великому Князю Василію, пригоже жениться, а я до тѣхъ поръ здѣсь подожду.» Елена Ивановна отвѣчала: «Что ты говоришь? Какъ мнѣ посылать? Если бы отецъ мой съ Королемъ былъ въ миру, тогда бы другое дѣло; да Государь отецъ самъ можетъ лучше разузнать. Да за такого Великаго Государя кто бы не захотѣлъ своей дочери отдать? Только у нихъ въ Латыни такъ крѣпко, что безъ Папина вѣдома ни кого не отдадутъ въ Греческой Законъ, а насъ постоянно укоряютъ, зовутъ некрестями.» Къ этой общей характеристикѣ Елена Ивановна прибавила: «Да ты Государю отцу молви, что если онъ къ Маргграбію Бранденбурскому будетъ посылать, то таился бы старой Королевы, по тому что она пуще всѣхъ укоряетъ Греческой Законъ.»

Въ такомъ обществѣ приходилось жить Еленѣ Ивановнѣ, и она, не пускаясь въ дѣла политическаго міра, хлопотала только о своихъ личныхъ. Какъ только выдали ее замужъ, то она начала постоянно переписываться съ Московскими родственниками, и эта переписка держалась въ секретѣ отъ Литовцевъ. Сначала эта переписка велась при помощи Московскихъ Бояръ, которые жили у Елены Ивановны; при нихъ находился даже Подъячій, по фамиліи Котовъ, обязанность котораго была та, что если Еленѣ Ивановнѣ будетъ нужно писать въ Москву тайную грамоту, то такую грамоту писалъ бы онъ. Иванъ Васильевичъ этѣмъ Боярамъ наказывалъ, «чтобы они писали Государю что пригоже, да иное и словами бы наказывали; да что дочь наша будетъ намъ писать, и того бы никто не зналъ; а то пригоже ли такъ дѣлается: что наша дочь къ намъ пишетъ, что вы пишите и что она съ вами говоритъ, то у васъ ребята знаютъ; такъ впередъ бы этого не было». Въ Литвѣ на этѣхъ Бояръ смотрѣли, какъ на соглядателей и

старались поскорѣй ихъ сбыть съ рукъ. Но не о политическихъ дѣлахъ писала и приказывала въ Москву Елена Иванова. Такъ, когда сказано было Боярамъ, жившимъ у Елены Ивановны, ѣхать въ Москву, то Попу Ѳомѣ велѣно было остаться вмѣстѣ съ Крестовыми Дьяками.[137] Но Елена Ивановна была за что-то недовольна Ѳомою, и объ этомъ наказывала въ Москву; потомъ жаловалась на старую Боярыню. Иванъ Васильевичъ требовалъ по этому случаю объясненій, и приказывалъ ей жаловать слугъ. На это Елена Ивановна отвѣчала посланному: «Мнѣ отецъ приказываетъ жаловать нашихъ слугъ, но вѣдь онъ мнѣ ни чего не далъ,[138] чѣмъ ихъ жаловать? Онъ двухъ, трехъ пожаловалъ, а остальныхъ я сама жалую. Попъ Ѳома не по мнѣ, а со мною есть другой Попъ изъ Вильны, и онъ добре добръ; выбрать же мнѣ Попа изъ Московскихъ нельзя, по тому что самъ ты знаешъ, кого я видала въ Москвѣ. А Московскую Боярыню какъ мнѣ держать, какъ ей съ здѣшнимъ сидѣть? Мужъ мой меня жалуетъ, и объ комъ я помяну, того награждаетъ. Вотъ была у меня Боярыня нехорошая, но теперь тишаетъ.» Иванъ Васильевичъ офиціяльно и неофиціяльно твердилъ дочери о Греческомъ Законѣ, даже приказывалъ своимъ посламъ разузнавать, ходитъ ли она къ Церковной службѣ. Елена же Ивановна, вскорѣ же послѣ брака, заговорила не о Греческомъ Законѣ, а о томъ, что за прежними Великими Княгинями Литовскими были имѣнія, а ей они еще не даны, по тому что отецъ съ ея мужемъ ссорится. Наконецъ она получила желанныя имѣнія и начала въ нихъ хозяйничать. А когда объяснила отцу, отъ кого ей идутъ главныя обиды за Греческую Вѣру, то приказывала сказать отцу: «Свекровь моя стара, а въ Лядской землѣ есть города, которые изъ старины находятся за Королевами; такъ отецъ приказалъ бы сказать мужу, что когда свекрови не станетъ, то тѣ бы города были ей отданы». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: «Дай Богъ, былъ бы я здоровъ, да сынъ мой, Василій, и мои дѣти, да былъ бы здоровъ твой мужъ и ты, а мы, когда будетъ при-

---

137 Въ Литовской запискѣ о бракѣ Елены Ивановны сказано, что остался при ней Капеланъ Свѣтской съ Дьякономъ и 24 пѣвчими; въ Московскихъ Государственныхъ бумагахъ сказано, что остался Попъ Ѳома съ двумя крестовыми Дьяками.

138 Въ Литовской запискѣ говорится объ огромномъ приданомъ.

гоже, прикажемъ объ этомъ твоему мужу». Этѣмъ хозяйственнымъ наклонностямъ своей дочери Иванъ Васильевичъ вообще очень сочуствовалъ и готовъ былъ обучать ее и своего зятя своимъ пріемамъ. Такъ, услыхавши, что Ягайловцы хотятъ дать одному неиспомѣщенному своему брату, Сигизмунду, удѣлъ въ Литвѣ, то Иванъ Васильевичъ, среди своихъ враждебныхъ сношеній съ зятемъ, приказывалъ дочери, чтобы она говорила мужу отъ себя, Сигизмунду не давать удѣла, по тому что это ведетъ къ нестроеніямъ. Оставшись вдовой, Елена Ивановна только, какъ видно, тѣмъ и занималась, что въ имѣніяхъ, данныхъ ей Александромъ и Сигизмундомъ, хозяйничала, разъѣзжала изъ одного своего города въ другой, издавала грамоты объ управленіи этѣми имѣніями, копила деньги, которыхъ, видно, имѣла довольно много, по тому что Паны испугались, какъ бы она съ ними не уѣхала въ Москву. Главное содержаніе всѣхъ ея посольствъ въ Москву было то, чтобы ей прислали кречетовъ, рыбы сухой, бѣлки Сибирской, собольихъ мѣховъ; да нельзя ли и такихъ мѣховъ достать, чтобы соболь былъ черный съ ногами передними и задними и съ ногтями и т. д. Среди - то этѣхъ хозяйственныхъ занятій Елена Ивановна скончалась. Долгое время послѣ ея смерти Василій Ивановичъ, такой же хозяинъ, какъ его отецъ и его сестрица, добивался получить казну Елены Ивановны, да также и ея имѣнія. [139]

Иванъ Васильевичъ прямо высказывалъ, что вся сила, на которую онъ опирается въ борьбѣ съ Литовско-Польскимъ Государствомъ, это то, что онъ Государь Русскій и при томъ Православный. Онъ поддерживалъ Православіе всюду, гдѣ можно, до того, что, на примѣръ, Еленѣ Ивановнѣ онъ наказывалъ заботиться о томъ, чтобы ея Православные люди въ Литвѣ у Латынъ не женились и дочерей своихъ за нихъ не давали. Но Литовцамъ чрезвычайно дорого обошлось Православіе Московскаго Государя: въ ихъ глазахъ, не говоря объ удѣлахъ, по видимому, ради Православія,

139 Д. II. № 1; Ак. З. Р. т., № 192. Различныя грамоты, содержащія распоряженія Елены Ивановны, напечатаны во 2 томѣ Ак. З. Р.

былъ подчиненъ Москвѣ Новгородъ и крѣпко къ ней привинченъ; сама Литва лишилась огромныхъ областей; земли ея были разорены Московскими войсками, разграблены служебными Князьями, внутри Государства явился страшный бунтъ, съ юга всѣ Русско-Литовскія области опустошены и выжжены Татарами, и все это было изъ за Православія Ивана Васильевича. Жалованныя грамоты, огромныя льготы жителямъ разоренныхъ областей, были для Литовцевъ только временнымъ облегченіемъ,—и у нихъ явилась мысль усилиться, для отпора Москвѣ. Но они хотѣли усилиться тѣмъ, что было въ сущности главною причиною всѣхъ ихъ несчастій, а именно: кромѣ обращенія главныхъ союзниковъ Москвы, всѣхъ Православныхъ, въ Католичество, еще болѣе крѣпкимъ политическимъ соединеніемъ Литовскаго Великаго Княжества съ Королевствомъ Польскимъ........

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Собираніе Руси около Москвы ко времени Ивана III состояло главное въ уничтоженіи крупныхъ Удѣловъ и превращеніи Удѣльныхъ Князей въ служебныхъ. Но такъ какъ служебныхъ Князей было значителбное количество на службѣ Московскихъ Государей, а со времени подчиненія Москвѣ остальныхъ Удѣловъ Сѣверной Россіи это количество еще болѣе увеличилось, то необходимо было, для пользы Государства, чтобы руководить этой массой Князей, дать имъ занятіе, соотвѣтственно ихъ наклонностямъ и способностямъ. Иванъ III, заканчивая завѣщанные ему отъ предковъ счеты съ сосѣдями Москвы, счеты, которые можно было рѣшить только войною, даетъ Князьямъ этѣми войнами занятіе, и въ то же время начинаетъ еще новыя Государственныя войны. Такими войнами были войны съ Польско-Литовскимъ Государствомъ.

2. Столкновеніе Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ исходило изъ того, что всѣ Удѣльные Князья, которые теряли свои владѣнія въ пользу Москвы, обыкновенно были союзниками и искали себѣ защиты и поддержки у представителей старыхъ Средневѣковыхъ порядковъ, Литовско-Польскихъ Государей. Но главное, чего не могли видѣть равнодушно въ Литовско-Польскомъ Государствѣ, это подчиненіе Москвѣ Новгорода.

3. Новгородъ по своей общественной жизни (представителемъ которой въ позднѣйшее время въ Восточной Европѣ остались Казаки), по крайнему развитію въ немъ личной свободы граж-

данъ, по одностороннему направленію ихъ дѣятельности, и при отсутствіи способности къ дальнѣйшему развитію общественнаго устройства, не могъ существовать независимымъ, рядомъ съ развивающимся Московскимъ Государствомъ. Новгороду отъ Московскаго Государства тѣмъ болѣе грозила опасность, что онъ, по старому преданію, искалъ у него себѣ опоры, и въ то же время постоянно затрогивалъ его интересы. Князья Сѣверной Россіи давно приняли на себя обязанность уничтожать порядки, подобные Новгородскимъ, и Иванъ III закончилъ дѣло своихъ предшественниковъ.

4. Князья и Новгородъ искали себѣ защиты у Литовско-Польскаго Государя, и онъ на помощь имъ приводилъ на Московское Государство Степняковъ. Старая роль Степняковъ, какъ самостоятельныхъ бичей Божіихъ для Европейскихъ народовъ, прекращается со времени образованія Государствъ, а они теперь получаютъ значеніе въ борьбѣ Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, какъ орудіе, которымъ хотѣли управлять оба Государства.

5. Такъ какъ Степняками хотѣли управлять оба Государства, то отъ ихъ набѣговъ не выходило ни какого рѣшительнаго послѣдствія, и по этому оба Государства могли рѣшить свою борьбу только собственными средствами.

6. Литовско-Польскій Государь, какъ Государь съ крайне ограниченною властію, не имѣлъ возможности дѣйствовать средствами своихъ народовъ, и хотя выказывалъ свое неудовольствіе на завоеванія Московскаго Государя, но въ то же время, по способности Польскаго народа, которому онъ главное принадлежалъ, готовъ былъ примиряться съ этѣми завоеваніями, предполагая, что они, наконецъ, удовлетворятъ завоевателя.

7. Литовско-Польскій Государь, какъ Государь многихъ самостоятельныхъ народовъ, не могъ руководить разнообразными ихъ интересами, по этому предоставлялъ своимъ народамъ самимъ заботиться о себѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что Литовскіе служебные Князья, Русскіе по происхожденію и Вѣрѣ, втянули Литовско-Польское Государство въ борьбу съ Московскимъ.

8. Московскіе Государи, давно взявшіе на себя обязанность быть руководителями Русскаго народа въ Сѣверной Россіи, и имѣя много причинъ считать своими врагами Литовско-Польскихъ Государей, взяли на себя такъ же обязанность быть руководителями и части Русскаго народа, жившаго въ Литовско-Польскихъ владѣніяхъ. Заявленіемъ того, что Московскіе Государи берутъ на себя такую обязанность, отъ которой отказались Литовско-Польскіе Государи, было принятіе Иваномъ III титула «Государь всея Руси».

9. Принятіемъ Иваномъ III такого титула открывается новая исторія политическихъ отношеній Московскаго Государства къ Польско-Литовскому. Но такъ какъ принятіемъ такого титула высказывалось, что Московское Государство рѣшилось начать наступательное движеніе на Польско-Литовское, то оттуда хотѣли остановить наступленіе посредствомъ брачной политики—сватовствомъ Александра Казимировича къ дочери Ивана III.

10. Брачная политика, это Средневѣковое оружіе, главная собственность Австріи и Польши, была неприложима къ Московскому Государству, а Литовцы, въ надеждѣ на нее, согласились на многія невыгодныя для себя условія, изъ коихъ главныя: признаніе за Московскими Государями титула «Государя всея Руси» и права слѣдить за чистотою Православія супруги Литовско-Польскаго Государя.

11. Неисполненіе того и другаго условія со стороны Литовцевъ повело, во первыхъ, къ невыгодно кончившейся для Литовцевъ войнѣ, а во вторыхъ, къ тому, что Московскій Государь, для выраженія полноты обязанностей руководителя Русскаго народа, принялъ на себя роль защитника Православныхъ, которыхъ въ Литвѣ хотѣли обратить въ Католичество, съ тою цѣлію, чтобы лишить Московскаго Государя главныхъ его союзниковъ.

12. Главнымъ источникомъ для изложенія исторіи борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, за время отъ 1462 по 1508 годъ, служатъ Московскія и Литовскія Государственныя бумаги. Не смотря на то, что въ позднѣйшее время Литовской Метрикѣ въ изданіи оказано предпочтеніе предъ Русскими Государственными дипломатическими бумагами, во всякомъ случаѣ Ли-

товская Метрика, въ сравненіи съ Статейными Списками, не имѣетъ ни какого права равняться съ ними по достоинству: она отличается ничтожностію сообщаемыхъ ею извѣстій и чрезвычайно дурной редакціей. Литовская Метрика, при существованіи Статейныхъ Списковъ, можетъ служить только нѣкоторымъ, но весьма незначительнымъ, дополненіемъ къ нимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.